

н а п л а т ф о р м е

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Гуляния с чудесной Алисой

ПАЛЬМИРА
ТВ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-4
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л93

Любимов М.

Л93 Гуляния с чудесной Алисой / Михаил Любимов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 276 с. : ил. — (Серия «Пальмира — Любимов»).

ISBN 978-5-517-09422-3

«Гуляния с чудесной Алисой» — мемуары и рассуждения о полной приключений жизни знаменитого советского разведчика и писателя Михаила Любимова, написанные в диалоге с героями Льюиса Кэрролла — Алисой и Чеширским Котом.

УДК 82-4
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09422-3

© Любимов М. П., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ГУЛЯНИЯ С ЧУДЕСНОЙ АЛИСОЙ
И ЧЕШИРСКИМ КОТОМ,
ИЛИ ТОСКА ПО БЕСКОНЕЧНОСТИ

Книга для жизнерадостных путешественников

— Серьезное отношение к чему бы то ни было в этом мире является роковой ошибкой.

— А жизнь — это серьезно?

— О да, жизнь — это серьезно! Но не очень...

*

— А что это за звуки, вон там? — спросила Алиса.

— А это чудеса, — равнодушно пояснил Чеширский Кот.

— И что они там делают? — поинтересовалась девочка.

— Как и положено, — Кот зевнул. — Случаются.

*

— А где я могу найти кого-нибудь нормального?

— Нигде, — ответил Кот, — нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

Льюис Кэрролл

Всякое перемещение по плоскости, не продиктованное физической необходимостью, есть пространственная форма самоутверждения, будь то строительство империи или туризм.

Иосиф Бродский

Предисловие

На редкость веселеньким оказался 2022 год! Ковид загребастал меня прямо с дачи в больницу в начале февраля, по возвращении не успел я очухаться на даче, как 20 февраля грянул инфаркт, и скорая помощь оперативно доставила меня в районную больницу. Раздели догола, всучили вещи растерянной жене, быстро отправили на операционный стол, где талантливый хирург-таджик вставил мне стент. На операционном столе я неожиданно ощутил конец жизни и вспомнил, как Чехов в Баденвайлере попросил шампанского, выпил и умер. Вообще, это неприятно. Не лучше, чем катетер, который куда-то вставляют. В палате меня приветливо встретили бывалые сердечники, при этом пьющие, курящие и симпатичные, старшему было пятьдесят три, младшему — сорок. Двадцать четвертого февраля 2022 г. грянула военная операция на Украине, в палате ее встретили патриотично. В начале марта я вернулся домой в тяжелых раздумьях о жизни и смерти. Друзья исчезли, «иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал». Уколы, копание в Монблане таблеток, советы великих и невеликих докторов, диета, то одно, то другое воздержание — сколько можно? Но у меня уже давно источником жизни стало писание. Графомания ли это или высокая литература — остается вопросом спорным, но это так. Сидеть

на печи, охать и жаловаться на болячки, уставившись в ТВ, или даже пить горькую — это не для меня. К тому же я не рыбак, не охотник, не грибник, не любитель одиноких прогулок по березовым лесам. Давно я задумал написать продолжение книги «Гуляния с Чеширским Котом». Рассчитывал на подсказки своего кота-британца, который раньше охотно меня консультировал. В этот раз я, как обычно, уселся на диван (кот прыгнул за мной и важно улегся рядом), взял тетрадь и принялся набрасывать план нового шедевра, ласково поглаживая левой рукой любимца. И вдруг... Вдруг жуткая боль пронзила меня, брызнула кровь — котяра впился когтями в мою руку! К вечеру температура поднялась до 38 по Цельсию, утром в пункте травматологии доктор сообщил, что я поражен «болезнью кошачьих когтей». Но не боль терзала меня, мучила обида: за что?! Нет, больше не буду гулять с этим спятившим когтистым зверем, найду другого спутника на страницах. И тут я вспомнил об Алисе из Страны чудес Льюиса Кэрролла, эта девица мне всегда нравилась своей воспитанностью и нравоучительными сентенциями. К тому же она дружила с Чеширским Котом и его неотразимой улыбкой. Прекрасная Алиса тут же возникла передо мной.

— Так отруби ему голову! — решительно сказала она.

— Кому? — испугался я и тут же представил себя с топором в руке, бегущего по комнате за курицей, которой хочу отрубить голову. Бах! — отлетела лапка, еще удар — крылышко, пух и перья, кровь брызжет на стены и мне в лицо... О господи!

— Своему обидчику — мерзкому коту!

— Мамочки, ведь ты говоришь как Красная Королева, рубившая головы подданных при любой возможности!

В тот же миг по комнате побежала королевская рать — солдаты бежали сначала по двое и по трое, потом десятками

и сотнями, наконец, огромными толпами, так что, казалось, весь мир заполнился ими. Алиса испугалась, как бы ее не затоптали, и, спрятавшись в шкаф, смотрела на них через щелку.

«Да, с этой девушкой я двинусь хоть на край света!» — решил я.

— Но ведь это полный абсурд! — раздался глас из-за горизонта, а, может быть, из-под земли.

Это был Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, великий раннехристианский теолог и писатель. «Я верую, ибо это абсурдно!» — повторил он. Да, королевская рать билась на Украине, по сути дела, шла война против НАТО, продолжение холодной войны, которой я посвятил лучшие годы жизни. Война есть продолжение политики. Итак, конец эйфории братства с Западом. Законы диалектики не исчезли, всему имеется конец, *finita la commedia*. Но люди продолжают любить и страдать, радоваться жизни и проклинать свое бытие, рождать и рожать, вязнуть в ипотеках и разводиться. И будут читать, учиться, путешествовать по белу свету. Так почему бы не прогуляться мне с милейшей Алисой по Англии, по другим местам нашего прекрасного мира? О, как счастлив человек, когда ездит по разным странам и пробует разные вина! За моей спиной кто-то зашипел и задышал в спину. Это был Чеширский Кот, одетый во фланелевый костюм в полоску. «И ты не берешь меня с собой?! Как тебе не стыдно!» На его лице сияла неизменная улыбка, а что в жизни может быть лучше доброй улыбки? Так в путь же по земному шару, по моей и всей нашей бесконечности, дорогой читатель, с необыкновенной Алисой и неотвязным Котом, не без разведки, пронизывающей мою жизнь. Не обещаю неба в алмазах, но уверен, что не увянешь от скуки.

Автор

ГЛАВА О ТОМ,

как благотворны гуляния с русским историком Николаем Карамзиным, о загадках национального характера и нравов, почему не все англичане рыжие, а Бармаглот — не Брандашмыг

Но если вы хотите, чтобы у вас помутилось на душе, то загляните ввечеру в подземельные Таверны или в питейные дома, где веселится подлая Лондонская чернь!

*Н. М. Карамзин
«Письма русского путешественника»,
и берегитесь исправлять
орфографию писателя!*

Луной был полон сад. Я закончил поглощать кефирный таратор с протертым огурцом и уже собирался пригласить маститого историка Николая Карамзина, который побывал в Альбионе еще в XVIII веке, когда явились они. Она была в скромном школьном платье, в бантиках, он же был разодет во фракный костюм с галстуком-бабочкой. Оба походили больше на лису Алису и кота Базилио из «Золотого ключика», сразу прошли в гостиную и уселись в кресла.

— Мы прибыли, чтобы обсудить некоторые протокольные вопросы, — сказала Алиса, скрестив руки на груди. — Дело в том, сэр, что вы нарушаете баланс, — разве это нормально, чтобы нашу Англию показывали сразу двое русских? Ранее шла речь о нас с вами, а теперь вы без согласования втянули еще историка Карамзина.

— А Чеширский Кот? — изумился я.

— Чешира не гражданин Англии, а вольный художник и гражданин мира. Баланс нарушен, а разве *balance of policy* — не фундамент британского существования?

Умеют заболтать проблему, утопить в дискуссиях, в комитетах и подкомиссиях. Ветер за окном тихо шелестел листьями кленов и берез, мерно тикали часы в такт нашим переговорам.

— У меня еще одно условие, — заявила Алиса, — поход по Англии следует начать с ее культурных ценностей — Альберт-холл, Барбикан-центр и колесо обозрения «Лондонский Глаз».

— Но они же не существовали во времена Карамзина, народ жил без затей... — возразил я. — К тому же, уж простите, всем известна любовь англичан к музыке, но ведь крупных композиторов у вас с гулькин нос — возможно, Пёрселл, Элгар или Бриттен, но никого из них по калибру не сравнить с Бетховеном или Чайковским! Да и великими живописцами Британия особо не славится. В изящной словесности вы превзошли многих — это сущая правда.

— Вы хотите политизировать вопрос и показать невежественную Англию? — Алиса откинулась в кресле и смерила меня надменным взглядом. — Возвратиться к советским традициям пропаганды?

Нет, этого я хотел меньше всего, но такой нахрапистости от Алисы не ожидал. Тем временем Чеширский Кот с интересом обнюхивал мои сердечные лекарства, особенно бутылочки с валерьянкой. Его хвост вертелся рядом с буфетом, самостоятельно выискивая закуски.

— Еще бы я попросила бы вас, сэра, обращаться со мной повежливее и называть «мадам» или «мэм», как величали королеву, — продолжала Алиса.

— Как прикажете, мадам! — Я склонился в почтительном поклоне.

— Извини мое вмешательство, — от Чеширского Кота уже изрядно пахло валерьянкой, — но исходить надо из того, что в Англии все наоборот. Это касается не только традиции наливать в чашку сначала молоко, а потом сам чай, не только движения по левой, а не по правой стороне. Наши мозги тоже работают наоборот, поэтому мы — мастера парадоксов! Возьми нашего Бернарда Шоу...

— Извини, Чешира, — парировал я, — но Шоу всегда был ирландцем, как и другие великие вроде Уайльда или Свифта. Но ты абсолютно прав, если говоришь о своем создателе, докторе Льюисе Кэрролле. У почтенного Кэрролла, воистину, все было шиворот-навыворот и потому совершенно реально.

Но Чешира меня не слушал и уже накинулся на чудесную Алису.

— Алиса, мне всегда импонировали старые сквайры, дующие портвейн в клубах на Пэлл-Мэлл, но отнюдь не нынешняя культура с воющими, как голодные собаки, битлами и педиком Элтоном Джоном! Недавно я залез на «Лондонский Глаз» и обомлел от ужаса: наш парламент словно утонул в Темзе, часы на Биг-Бене пошли в обратную сторону, а на оставшейся местности выросли парламентские длинные языки. Прав Маркс, что это «собрание старых баб»!* Разве жизнь простого англичанина протекает в Альберт-холле, или, не дай бог, в шекспировском театре Globe, или в галерее Тейт?! Жизнь Англии протекает в пабах, паб — это святое! Только там раскрывается душа истинного англосакса. В прошлом даже висельников проводили через весь город, от Ист-Энда до деревушки Тайберн (сейчас здесь высится Мраморная арка) и накачивали в пабах прежде, чем вздернуть. Начать надо с пабов, иначе отрублю вам обоим голову!

— Когда ты успел так накачаться валерьянкой? — вскричала Алиса. — Как тебе не стыдно! «О бойся Бармаглота, сын! Он так свирлеп и дик. А в глуше рымит исполин — Злопастный Брандашмыг»!

---

* Не только Маркс. Император Николай I побывал в Англии и нашел английский парламентаризм абсолютно неприемлемым для России правлением.

Это прозвучало как приказ, Кот прикрыл пасть, и мне предоставили слово.

Англичане гордятся пабами не меньше, чем Букингемским дворцом или Гайд-парком, такое впечатление, что все великие, от Шекспира до Леннона и Элтона Джона, нажирались там как свиньи (по-английски — *drunk as a lord* (попробуй скажи у нас «пьян, как думец или сенатор» — угодишь на каторгу!)). Начинаем с жемчужины на Флит-стрит, прославленного «Старого чеширского сыра» (не путать с чеддерским сыром или, не дай бог, с Чеширским Котом). В этом пабе пивали, распевали, плясали Чарльз Диккенс, Франсуа Вольтер, Артур Конан Дойл (некоторым молодым людям даю шанс оторваться от смартфона и навести справки, чем славны эти рэперы). Особо отличался Сэмюэл Джонсон, малоизвестный литератор, выдающийся пьяница и жизнелюб, живший прямо во дворе паба и постоянно клявшийся со всеми гостями. Но сначала опохмелимся «Красным глазом» — смесью томатного сока и эля, фифти-фифти. Великолепно идет с бычьим супцом с ростбифом, холодным, как рука мертвеца. И хочется жить и работать! Хороши для опохмелки эль с хреном или смесь ледяного бочкового с ангостурой.

Раскрываю Николая Михайловича Карамзина: «В Рочестере обедали, также по-Английски, то есть, не ели ничего, кроме говядины и сыра. Я спросил салату; но мне подали вялую траву, облитую уксусом: Англичане не любят никакой зелени. Рост-биф, Биф стекс есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами».

Ужасные люди эти англичане! Выпиваем за их нудные души по пинте, добавляем еще по полпинты, двигаем пешочком по Стрэнду, мимо отелей, магазинов и бомжей

в спальнях мешках, к Трафальгарской площади — ведь Лондон создан для прогулок, и только идиоты все время раскатывают на машине. Сворачиваем в зланный район Сохо, бредем в уютный Red Lion in Soho, осколок старины.

— Извините, сэр, но тут раньше на каждом углу бренчали ключами проститутки*, зазывая посетителей. Где они? — спросила Алиса.

Профурсетки на месте, только растворились, как волшебные феи, в пространстве. Но в этом пабе на втором этаже проходили собрания пролетарского Интернационала под председательством вождя человечества Карла Маркса! Сам Карл Генрихович, будучи уроженцем винодельческого района Трира, до пива не дотрагивался, а приносил в железной фляжке самогон, который для него гнала дома верная жена Женни. После заседания все стоя samozабвенно пели «Интернационал», пугая клиентов внизу.

Враг пролетариата, татарского рода Николай Михайлович (Кара-Мурза) смотрит на нас с осуждением. Как ни смешно, в XVIII веке англичане пили больше всех в мире и считались нацией пьяниц, а мы были забитыми, непьющими козлами и только гораздо позже выбились в люди. «Мущины пьют, женщины говорят между собою потихоньку, и скоро оставляют нас одних; снимают скатерть, кладут на стол какая-то пестрыя салфетки, и ставят множество бутылок; снова пить — тосты, здоровья! <...> Это, говорят, весело! По крайней мере не мне», — ворчит Карамзин.

Куда нам дальше плыть? Ну конечно же, в районы Челси — Найтсбридж, окутанные дымкой блудливой богемы:

---

* «...ночью по субботам полмиллиона работников и работниц, с их детьми, разливаются как море по всему городу... и всю ночь до пяти часов празднуют шабаш, то есть наедаются и напиваются как скоты, за всю неделю». Гай-Маркет — это «квартал, в котором по ночам, в некоторых улицах, тысячами толпятся публичные женщины» (*Федор Достоевский*).

там жили и закладывали звезды Лоуренс Оливье и Вивьен Ли, любитель мальчиков, афористичный Оскар Уайльд, великий актер и не менее великий алкаш Кин, певец железной пяты пролетарского Лондона, американец Джек Лондон, битл Мик Джаггер и группа «Секс Пистолс». О, какие там милые особнячки и заманчивые бутики! Вот и Knightsbridge, раньше в этой деревушке жировали контрабандисты и гремели дуэли, даже на мостах дрались на шпагах и стреляли! Знаменитая Бромтонская оратория, рядом погребения, где любят закладывать тайники шпионы. Лучший в мире (после ГУМа) универмаг «Хэрродс», там продают даже счастье в розницу. Все продавцы предельно вежливы и нечленораздельны, напоминают чем-то карамзинского парикмахера.

«В ту же минуту явился Английской парикмахер, толстый флегматик, который изрезал мне щеки тупою бритвою, намазал голову салом и напудрил мукою... <...> На мои жалобы: ты меня режешь, помада твоя пахнет салом, из пудры твоей хорошо только печь сухари, Англичанин отвечал с сердцем: I don't understand you, Sir; я вас не понимаю!»

Небольшое лирическое отступление о туалетах. Где-нибудь в прекрасной Венеции вы простояте в очереди в сортир четверть часа, и еще с вас сдерут до пяти евро, в Париже за свои кровные можете надолго застрять в уличном железном клозете, моля о помощи. Любезный парижанин отошлет вас в ресторанный клозет, но попробуйте прийти с улицы и не заказать столик! Конечно, вас никто не выгонит (особенно если вы, рыдая, придерживаете штаны), но сделают такую козью морду, что мигом расхочется. Иное дело Лондон. Если вы заскочили в паб, к вам не бросится услужливый официант и вообще никто не обратит внимания — туалет к вашим услугам (порой не бесплатно), милости просим!

Особняк за особняком, ухоженные садики. Вышли на набережную, полюбовались регатой по Темзе, дошли до Cheyne Walk. Недалеко от памятника английскому поэту Данте Габриэлю Россетти стоит дивный паб, название которого я забыл. Поэтому заходить и выпивать там не будем, а врубаемся в хаотичный, театральный Sloane Square. Раскрываю атлас, и тут же ко мне подходит милая старушка, напоминающая мисс Марпл Агаты Кристи. «Вам помочь?» — и она детально рассказывает, как дойти до памятника этому чертовому... как его? Да я о нем никогда не слышал, но спасибо, мэм!

«Вы слышали о грубости здешнего народа в рассуждении иностранцев: с некоторого времени она посмягчилась, и учтивое имя frenchdog (Французская собака), которым Лондонская чернь жаловала всех не-Англичан, уже вышло из моды. <...> Вообще Английский народ считает нас чужеземцев какими-то несовершенными, жалкими людьми». Это Николай Михайлович. Верно до сих пор.

Тут и паб вырос, словно ко Христову дню. А почему бы не рвануть виски, он ведь из ячменя и вполне совместим с пивом. А почему бы и нет? Берем любимый молт Glenlivet, истинный солодовый виски, берем для пущей радости двойной. Народу в пабе тьма, все галдят и бухают на полную катушку.

«Между тем они беспрестанно кричали трактирщику: вина! вина! самого лучшего!.. и розовое Шампанское лилось из урны своей не в рюмки, а в стаканы», — Карамзин.

Эх, далек был писатель Карамзин от русского народа! Побывал бы он в родной самарской пивной, где на морозце вкушали из граненых стаканов водочку, запивая пивом из кружки! И как ловко заглатывали пену!

По Темзе бегут кораблики, душа горит, просит пропустить еще по скотчу, неслучайно поэт Бернс славил Джона

Ячменное Зерно! Куда направить стопы? О, ведь у меня есть любимый район — холмистый Хэмпстед, где воздух чист и полно зелени, там и поныне живут лишь высоколбые и яйцеголовые интеллектуалы! После виски переться пешком не хочется, метро тоже не в кайф — берем кэб. Дорого, но не для тех, кто пьет «Гленливет»! Гони, ямщик, вези меня, извозчик, по гулкой мостовой, а если я усну, шмонать меня не надо, гони своих английских лошадей прямо в Хэмпстед, на кладбище Хайгейт, там покоится гениальный Карл Маркс, окруженный менее великими соратниками, включая революционера, южноафриканца Даду, которого я когда-то учил бороться за свободу. Даду был сподвижником Нельсона Манделы, именем которого названа улица Лондона, а где улица Даду? Где память об СССР, помогавшем колониям бороться за освобождение?!

И вот наш паб, Spaniard's Inn, где веселились выпивоха, поэт Байрон, грызший стаканы вместо закуса, поэт Китс, отдавший концы из-за язвительной рецензии на его стихи. Захаживали Ильич с Наденькой, запасшись дешевыми сэндвичами, вождь обожал поиграть там в шахматы. В этом пабе тихо и благопристойно, телевизор выключен, кое-кто листает газеты — интеллигенция, блин!

«Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное Португальское вино; и хорошо естели в 10 минут услышите два слова — какия же? your health, gentleman! ваше здоровье!» Опять этот татарин Кара-Мурза, ставший Карамзиным.

А почему бы не рвануть винца? Хотя оно и не из ячменя, но тоже полезно. Как хорошо, что в пабах начали продавать вино! С бутылкой белого Pouilly-Fumé мы с подружкой Алисой справляемся быстро (она пьет, как птичка из лужицы,

по капле — и это прекрасно!), зато Чеширский Кот залез на люстру и там хряпнул целый стакан валерьянки.

Почти рядом — роскошный лесопарк Хэмпстед-Хит, осеняет идея разбавить пьянство гранд-культурой и заскочить в дворец-музей Kenwood, где уникальные полотна певцов природы Гейнсборо и Лоуренса. Музей великолепен, картины наводят на мысли об «идиотизме деревенской жизни» (Ленин), где одна лишь природа, а социализма нет и в помине.

— Прошу не портить мне день своими дурацкими музеем! — предупреждает Кот.

Николай Михайлович грозит мне пальцем: «Корабельный мастер выпил стакана четыре водки; не заметил флага, поставленного на мели для предостережения мореплавателей — и Капитан увидел беду в ту самую минуту, когда мы были уже в нескольких саженях от подводных камней...»

Да, господа-товарищи, пить вредно. Вот у нас в разведке работал один генерал, который по уикендам изрядно закладывал вместе с женой, а потом начинал семейную разборку. Однажды после разборки заснул, и любимая супруга воткнула ему в грудь наградной кинжал, завершив тем самым все семейные неурядицы. Так что и это всегда надо иметь в виду. И снова паб. Водочка проходит легко и быстро, как бегущая газель, уплывает вместе с солеными крипсами. Необходим достойный завершающий аккорд, эдакое крещендо! Не здесь же заканчивать прекрасный маршрут! Но где? Конечно же, в пабе «Шерлок Холмс» в самом центре. Там за кружкой всегда и доктор Ватсон, и, возможно, Вася Ливанов с Виталиком Соломиным, и Алла...

— Какая Алла? — спрашивает Алиса. — Мисс Хадсон играет Рита Зеленая!

— Сама ты зеленая! — возражаю я. — В мире лишь одна Алла. Пугачиха.

Фильмы режиссера Игоря Масленникова о Шерлоке Холмсе гораздо выше и искуснее, чем все фильмы мира о Шерлоке, включая английские. Они лучше сыграны, умнее заверчены, сняты в Советском Союзе, но картинки истинно лондонские, к тому же в них искусно обнажены такие детали английской жизни, которые не всегда разглядишь в Англии. Неслучайно Елизавета II так полюбила исполнителя Шерлока Василия Ливанова! *Cum grano salis** заметим, что пусть великие актеры занимаются своим великим делом, а не лезут постоянно в политику, используя свою популярность. Да разве можно сравнить наших актеров и актрис с западными? Ведь там все зависит от мордочки и фигуры, как у Мэрилин Монро или Брижит Бардо, это вам не виртуозная игра Любови Орловой или Алисы Фрейндлих!

— Кажется, ты превращаешься в пресловутого пропагандона, — заметила Алиса из Страны чудес.

А почему бы и нет? Разве обязательно хаять Россию, чтобы кому-то понравиться? Быть вечным оппозиционером? Разве великий Лермонтов с «прощай, немытая Россия!» не был патриотом? Или Чаадаев: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами».

— А можно вообще ничего не любить, кроме миски с молоком! — заметил Кот.

Паб «Шерлок Холмс» затаился в улочке Northumberland street, прямо рядом с Трафальгарской. Там вполне отменные сорта пива и виски, можно даже с горя хлебнуть кофе, но не это главное: на втором этаже расположен кабинет

---

* *Cum grano salis* (лат.) — со щепоткой соли, с долей иронии.

великого сыщика, сделанный изящно и со вкусом. Сам досточтимый сэр Шерлок Холмс мирно покоится в кресле, вытянув ноги к камину. Весь ресторан уклеен постерами и вырезками из газет, имеющими отношение к гению сыскного дела. В пабе есть и одна пикантность: если вам понадобится туалет, то не вздумайте рвать двери, а, потупив очи долу, попросите у пабмена ключ, привязанный к длинной алюминиевой ложке (не уносите ее с собой).

После паба покупаем любимый сыр «Стилтон» в керамической баночке, такого одурающе-острого сыра нигде не сыскать, кроме Англии!* Правда, в магазине вертится какой-то неприятный тип с длинным красным носом... О, в Англии нужно держать ухо остро! И нос тоже. Николай Михайлович предупреждает: «Мы Русские вздумали однажды в 11 часов ехать в Воксал (Vauxhall). Что же? выезжая из города, увидели, что у нас за каретою сидят человек пять с ужасными рожами; мы остановились, согнали их, но следуя совету благоразумия, воротились назад. Негодяи могли бы в поле догнать нас и ограбить».

До отеля добираемся преспокойно, по дороге меня клонит в сон, но Алиса неожиданно целует меня в щеку. Губы ее нежны и сухи, я делаю вид, что сплю, а сам думаю, чем все это закончится, не нарушу ли я закона — ведь она вроде бы несовершеннолетняя. В отеле, удержавшись от скандала (люблю подшофе разнести в пух и прах швейцаров и горничных, ведь работают, гады, спустя рукава!), прохожу в номер, раздеваюсь и вдруг осознаю, что до омерзения трезв и абсолютно счастлив! Обнимаю Карамзина, он высвобождается и оборачивается прекрасной Алисой.

---

* Тут у меня начинается жуткое слюноотделение! Обожаю «Стилтон» и вообще все мягкие и острые сыры, включая бри, рокфор и даже плавленые советские.

— Достопочтенный сэръ, вы обещали рассказать об английских джентльменах!

Французский писатель так видел внутренности черепа английского джентльмена после трепанации: «Первое, что бросилось в глаза, был линкор флота Ее Королевского Величества, затем обнаружил плащ, королевскую корону, чашку крепкого чая, доминион, полисмена, устав королевского гольф-клуба святого Андрея, британское хладнокровие, бутылку виски, Библию, расписание пароходов Кале — Средиземное море, сиделку из Вестминстерской больницы, крокетный шар, туман, клочок земли, над которой никогда не заходит солнце, и в самых сокровенных глубинах мозга, поросших столетним газоном, — плетку-семихвостку и школьницу в черных чулках». Но французы никогда не благоволили к соседям с острова фарисеев, а сами англичане рисовали себя в радужных тонах. Истинные джентльмены получали блестящее образование в частных школах вроде Итона и Хэрроу («Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона»), а затем непременно в Оксфорде и Кембридже. Бурно занимались спортом (гольф, регби, футбол, теннис). Феномены с благородным происхождением и приличными доходами, с чувством чести и достоинства, высокой моралью и безукоризненной вежливостью. Как величаво эти bloody* джентльмены бродили по Пикадилли и Сити в круглых котелках! Как небрежно постукивали по мостовой зонтами-тростями с бамбуковыми набалдашниками, как подкатывали к шикарному отелю «Риц» на своих «Роллс-Ройсах»! И толпа завидовала швейцару в позументах, раскрывавшему над их умнейшими башками зонт-парашют! Помню себя в толпе, в своем кособоком, мосшвеевском костюме с мор-

---

* Просьба правильно переводить, это совсем не то, о чем вы подумали.

щинистыми надставными плечами и брюками клеш (скромная посольская зарплата не тянула на модного портного с аристократического Сэвил-Роу, прибежища денди и снобов).

...Прошлись по магазинам Берлингтонской аркады, по модным Бонд-стрит и Джермин-стрит, подобрали рубашку в крупную клетку и шелковый галстук. Очень хотелось купить котелок или цилиндр, но что скажет парторг посольства? Англичане трепетно относятся к ботинкам. Восхищал магазин John Lobb на St James's Street, волшебным пахнувший кожей, где шили на заказ ботфорты и туфли адмирал Нельсон, герцог Эдинбургский и сам законодатель английской моды Бо Браммелл. Более того, там постоянно заказывал модную обувь агент легендарной «кембриджской пятерки», неисповедимый Гай Бёрджесс, размеры его ноги до сих пор хранятся в альбоме этого магазина. В шопе James Lock покупал шляпы и трости лорд Байрон. А кто из нас в юности не мечтал о гарольдовом плаще? Сигары целыми ящиками заказывали в James J. Fox & Robert Lewis мастер парадокса Оскар Уайльд и гордость Англии, сэр Уинстон Черчилль. Их запах смешивался с одуряющими испарениями старейших виски и шерри из соседнего трехсотлетнего Berry Bros. & Rudd.

...Жизнь опрокинула мои незрелые представления. Джентльмены оказались совсем не такими чопорными и холодными, как мне представлялось. Однажды, приодевшись в полосатый костюм и воткнув в верхний карман надушенный платок, я явился на домашний прием к баронету Кеннету, активисту антивоенных Пагуошских конференций Вейланду Янгу (в те времена люди еще боролись за мир во всем мире, а не поносили друг друга в социальных сетях). Вокруг сновали джентльмены в простых харристингах и в мокрых от пота рубашках, а сам хозяин в рваном

на локтях пуловере сидел на полу с выдающимся лейбористом Веджвудом Бенном и дул виски. Да они совсем не надутые снобы, застегнутые на все пуговицы! Они говорливы и улыбчивы, они хохочут и ценят шутку! Да и жрут они практически все, а не одни лишь недожаренные стейки с кровью, а халявное обожают. А кто не обожает? Уже давно в Англию внедрились почти все лучшие блюда мировой кухни, и стало хорошим тоном ланчевать в японском ресторане, а не в классическом мясном «Симпсонс» на Стрэнде. Абсолютная приверженность к английской кухне сходна с самоубийством, особенно если подают йоркширский пудинг или, не дай бог, шотландский хаггис, от которых теряешь веру в человечество. В жизни я не встречал более вольную в своих привычках нацию: и из бутылки могут запросто хлебнуть, и прийти на званый бал не в смокинге, как указано в приглашении, а в потертом вельветовом пиджачке, и разделяться с омаром не с помощью щипцов и специального ножа, а двумя руками, плотоядно впиваясь в клешню и обрызгивая соком соседей... На домашние сборища, как и у нас, принято притащить пару бутылок спиртного, тостов а-ля наши «За дам!» или «За детей» я никогда не слышал, предпочитают короткое «cheers!», понятия «тамада» у джентльменов не существует, застольных болтунов они не переносят. Правда, в ходу вступительные или заключительные речи, часто тематические. За свою жизнь я узнал много нового о джентльменах. Они бывают грубыми хамами, они слишком часто забывают о «кодексе джентльмена» (нечто вроде «кодекса строителя коммунизма») и превращаются в наглых жуликов, они бывают и храбрыми, и трусливыми, и благородными, и вероломными, и гостеприимными, и жлобами. Джентльмены в государственных учреждениях вроде бы не берут взятки, но по занудности и педантизму не усту-

пают нашим чиновникам, а если вы начнете спорить с безукоризненным «бобби», то рискуете уплатить огромный штраф или того хуже.

Вернулся в Англию через тридцать лет в надежде узреть своих любимых леди и джентльменов. Где вы, дети солнца? Старый Лондон вызывающе реконструировался, газетчики съехали с Флит-стрит в перестроенный район доков, где ранее не появлялся ни один уважающий себя джентльмен. Затрапезный Ист-Энд из трущоб превратился в модный, богемный район, а в южной части Лондона у Темзы, где ранее стояли переполненные склады, хаотичные верфи и мастерские, появились шикарные гостиницы, рестораны, музеи и жилые дома. Напрасно я шел по Пикадилли, ускоряя шаг (хотел, как Вайкуле, чтоб меня любили и делали все не так), в надежде узреть хотя бы один котелок! Лишь один раз засек замшелого старикана в полосатом костюме. В отеле «Риц» двери мне открыл не бывший королевский гвардеец в позументах, а щедушный итальянец. И узрел я перед собой не королевских гвардейцев, как в прошлом, а всего лишь двух самодовольных негров с толстенными сигарами в зубах. Вокруг негров угодливо крутился бледнолицый брат мой — англичанин. О боже! За тридцать лет иммигранты из Азии и Центральной Америки расплодились и сейчас составляют почти восемь процентов населения Великобритании, некоторые районы Лондона почти на восемьдесят процентов «цветные», бывшие иммигранты стали депутатами парламента и работают в ранее полностью белом Форин-офисе. Между прочим, они забыли о своем прошлом, стали полноправными британскими гражданами и критикуют джентльменов за расистские настроения. Ныне мэр Лондона — пакистанец, а лидер консервативной партии — индус. Они дадут вам по шее, если вы скажете, что они не джентльмены.

— Поверь мне, старина, но через десять лет Англию возглавит кот, не исключая, что даже сиамский, который ничуть не хуже индуса, — перебил меня Чеширский Кот. Я оставил его реплику без комментариев.

Лондон переполнили «Макдоналдсы», отбивающие вкус к хорошей еде, зато расплодились разнообразные, особенно японские рестораны.

Попав в знаменитый Итон, я увидел веселых юных джентльменов в смокингах, полосатых брюках и белоснежных галстуках-бантах, они, покачиваясь, шли по улочкам и распевали песни, физиономии у них были совсем не удлиненные и аристократические, и они очень походили на наших тинэйджеров из Мытищ (возможно, они и прибыли оттуда от толстосумов-пап). Над джентльменами издеваются все, кому не лень, в том числе сами леди и джентльмены.

Маргарет Тэтчер: «Все мужчины слабы, а слабее всего джентльмены».

Генри Менкен: «Джентльмен никогда не ударит женщину без повода».

Барбара Стрейзанд: «Сегодня мужчина считается джентльменом, если перед поцелуем он вынимает сигарету изо рта».

Побывав на скачках в Аскоте, где сплошь джентльмены в цилиндрах, я услышал анекдот: «Джентльмен на лошади направляется к королеве для получения приза, и вдруг лошадь издает непристойный звук. Джентльмен краснеет до корней волос и срывающимся голосом говорит: „Простите, Ваше Величество!“. „Если бы вы не извинились, — отвечает королева — я могла бы подумать, что это сделала лошадь!“» Джентльмены? Ехал в лондонской «трубе», в вагон вдруг ворвались веселые джентльмены, с дикими воплями стали мазать пассажирам физиономии краской,

к счастью, стираемой. Как оказалось, фаны «Манчестер Юнайтед», которые праздновали выигрыш у «Челси»!

— Эх, как хочется вымазать твою морду краской! — заорал Чеширский Кот нечеловеческим голосом. — Редкая ты сволочь и клеветник! Зачем позоришь нас, джентльменов?! Да еще считаешь, что все мы, англичане, рыжие!

Насчет рыжих Кот прав, было дело. Один француз въехал на карете в Англию, одним глазом взглянул в окошко, увидел рыжего человека и решил, что все англичане — рыжие. Глупость? Курьез? Ничего подобного. Все мы субъективны в оценке других национальностей. Моего коллегу-германиста обмишурил один англичанин, и он решил, что все англичане — прощелыги и лицемеры, приятелю в Германии пьяный немец расквасил нос, и он не сомневается, что все немцы — злые агрессоры, русскую девушку неудачно соблазнял француз, с тех пор для нее все французы — импотенты, таксист-таджик не мог найти Кремль, и я клял всех таджиков, а через неделю обнимал хирурга-таджика, поставившего мне стент, и теперь все таджики — удивительно талантливые ребята! Нет ничего подвижнее национального характера, хотя вроде бы это величина постоянная и научная. Помнится, когда я сообщил своему товарищу по оружию Киму Филби о намерении писать диссертацию об английском национальном характере, он иронически изогнул бровь. Существует ли национальный характер? Я успешно защитил диссертацию на эту тему и стал кандидатом наук, но никакой уверенности в его существовании не обрел. Есть наблюдения, тесты, что-то подмечено, но одни и те же особенности в разной степени существуют у всех. Да! Англичане бывают лицемерными и откровенными, похотливыми и робкими, отъявленными пьяницами и отвратительными трезвенниками, смелыми и трусами, жуликами и благодетелями...

— Ох и запутал ты нас своим глупым низвержением умных наук! — Кот не унимался.

— Давай простим его, милый Чешира! — прервала его Алиса. — Он же русский! Он из другой цивилизации! И конечно, ненормальный! Так где же я могу найти кого-нибудь нормального?!

— Нигде, — грустно ответил Кот. — Нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

И мы двинулись дальше в моей тоске по бесконечности.

ГЛАВА 0 ТОМ,

*что на Западе не меньше жулья,
чем в России, и в тюрьмы там сажают
невинных агнцев, и даже могут
обчистить как липку*

Тут облегченно Дьявол вздохнул: «Пришел ты с душою вши,
Но все же таится зародыш греха в этом подобье души!..»

Редьярд Киплинг

Господи, Боже мой, да разве это возможно? Разве в честных, благопристойных, душистых заграницах возможно грабить? Нигде и никогда! Бредни гнусных ненавистников Запада, завистников и подлецов!

Лондон шестидесятых, и ваш покорный слуга, молодой и романтичный старлей (старший лейтенант!) под «крышей» третьего секретаря советского посольства. На плечах дипломата — умопомрачительное пальто из кромби (тогдашний крик моды в Москве). По приглашению приятеля, кинорежиссера Джека Ливайна, я прибыл на просмотр фильма о Марлен Дитрих в престижный клуб на Пикадилли. Валом ломились леди и джентльмены, в гардеробе царил хаос, раздевалка переполнена, народ сбрасывал пальто и куртки в общую кучу. Пробившись в зал, я настроился на кайф и не ошибся: неожиданно явилась сама сказочная Марлен в сногшибательной норковой шубке. Все кресла напрочь заняты, тут же вскочили самые ретивые, но дива лишь одарила их небрежной улыбкой, сбросила дорожную шубку на пол и уселась на нее рядом со сценой. О, если бы она спела свою знаменитую «Лили Марлен», популярную во время войны!

Если в окопах от страха не умру,
Если мне снайпер не сделает дыру,

Если я сам не сдамся в плен,
То будем вновь
Крутить любовь
С тобой, Лили Марлен,
С тобой, Лили Марлен.

Но, увы, дело ограничилось фильмом, а потом оголтелая толпа ринулась в раздевалку. Давка неимоверная, рылись в свалке одежды, подобно стае кур и петухов в жемчужных зернах. Я решил немного подождать и... дождался! О боже! Гром и молния! Карамба! Crie de mode из кромби исчез, как сон, как утренний туман! Гордость третьего секретаря посольства и отца семейства, пальто из кромби, сшитое на заказ в престижном ателье! Удар в сердце! Как и все советские граждане, я тогда преувеличивал респектабельность Запада и не мог представить, что подобное безобразие могло произойти в центре Лондона, столице могучей Британской Империи. Хотя почти в каждой общественной уборной сияли грозные вывески «Остерегайтесь карманников!», но все-таки клуб на Пикадилли, где мы мысленно бродим, ускоряя вместе с Лаймой Вайкуле шаг, — это же не сортир с похабными рисунками на стенах! Несчастный и потерянный, я бухнулся в свою маленькую «форд-газель» и сиротливо вернулся домой.

В Англии меня больше не грабили, правда, в девяностые, когда я положил в лондонский банк «Чайльдс» свой авторский гонорар, почтенный банк все же обмишурил меня долларов на пятьсот. Но это же банк! А разве Маркс и Ленин нас не учили, что это — учреждения высокопробных мошенников?

Наивная вера в честность Запада вернулась ко мне в Копенгагене, там на местном вокзале мы с коллегой на спор поставили кожаный чемодан на самом видном месте, а сами за кружкой пива наблюдали из тамошнего КРО за

развитием событий. Спорили на ящик любимого «Туборга», однако никто даже не притронулся к заветному чемодану, хотя он призывно сиял своими начищенными замками...

Прошли годы, и вот уже военный пенсионер и вроде бы писатель, движимый тоской по бесконечности, пустился в лакомый туризм и очутился в Коста-Брава, на втором этаже виллы у моря, где, как у Северянина, лазурная пена, и королева у замка играет Шопена. Поставил на столик ноутбук, лепивший шедевры, сам же ночевал в соседней спальне с женой — своей. Часа в четыре утра, выйдя ритуально в туалет, обратил затуманенный взор на пустой стол: комп исчез, как фата-моргана, причем вместе с мышкой и чехлом. Караул! SOS! Тут же вызвана доблестная испанская полиция. Пара вальяжных, не шибко проворных парней появилась не мгновенно, как в триллерах. Они игриво цыркали глазами на дам, разумеется, одной была моя прекрасная половина, а другой — не менее прекрасная сноха («Да ты наверняка еще и снохач!» — промяукал наглый Кот). Мои леди потом признались, что от копов исходили истинно мужские, душеспасительные флюиды. Одарили улыбками, обещали помочь, ушли. Я резонно сделал вывод, что задача полиции в Коста-Брава — душевная (если это душа) поддержка отдыхающих, что само по себе прекрасно. Но какой риск, какая самоотверженность воров! Глубокой ночью взобраться на второй этаж через балкон и похитить компьютер! А вдруг хозяина мучит бессонница? А вдруг весь дом забит агрессивными и пьяными мужиками, и у каждого пистолет Люгера? Впрочем, недавно бандиты взобрались на второй этаж соседней виллы и через балкон проникли в комнату, где мирно почивала немецкая чета, не услышавшая ни звука (несчастные трезвенники), вытянули из комнаты бумаж-

ник, набитый долларами, и были таковы. С нетерпением я ожидал сигнала из полиции, не надеясь на результаты. Однако копы оказались шерлоками холмсами, через пару дней пригласили в полицию, обласкали и все вернули. Это меня потрясло еще больше. Не сами ли они спонсируют воров? Тем не менее я поклялся бдить и бдеть всю оставшуюся жизнь...

Шумный вокзал «Вечного города» Рима. На грудь бросились итальянские цыганки, размахивали у носа отвратительными младенцами, ревущими во всю глотку. Тем временем остальные детишки незаметно ощупывали мои карманы. Сначала я их деликатно отталкивал, но увидел, что некий старый хрыч запросто треснул мальчугана по затылку, а «мамаше» дал ногой по заднице. Это меня подвигло на атаку локтями, что помогло пробиться в ресторан (для сведения заметим, что ресторан на вокзале, особенно в Риме, — это центр преступности, о чем в путеводителях не говорится). Народу было немного, по залу бродил несчастного вида лохматый мальчишка, закатывал глаза, подбирая с подносов жалкие объедки. Я аристократически небрежно повесил пиджак на стул (заметим, что любимая супруга сидела напротив), привычно раскрыл английскую «Таймс» и уткнулся в сочную лазанью. Жизнь шла своим чередом, «Таймс» сообщала о мире во всем мире, о том, что в Лондоне все спокойно, кроме поломанного крыла у фламинго королевы Елизаветы. Обслуга убирала со столов, озабоченная официантка вертелась около нас, мальчик прыгал рядом и наслаждался объедками... Через пять минут после выхода из ресторана я ощупал пиджак и обнаружил, — о боже! — что похищен бумажник. Исчезли водительские права и драгоценные баксы, к счастью, паспорт и обратные билеты остались в гостинице. Как это могло

случиться? Что делать? Бежать в полицию? Взывать к папе Римскому? Увы и ах, все ограничилось немой сценой, как в финале «Ревизора». Друзья утешали, что только идиоты носят с собой бумажники в Риме — ведь крадут и у фонтана Треви, и в соборах, и даже прямо на Испанской лестнице, рядом с жилищем завсегда Рима Николая Гоголя. Особенно страшны мотоциклисты, научившиеся на полной скорости вырывать сумочки у простодушных дамочек! А вообще, нет мира под оливами нигде на земном шарике. Даже в прекрасном Париже у меня в метро слямзили из кармана плаща целый набор билетов, уж не жалуюсь на то, что некий бродяга чуть не ополовинил мою бутылку бордо... Смирись же, гордый человек, и не будь простофилей и шляпой!

Это еще были цветочки, ягодки ожидали меня в Мадриде. Это были не просто ягодки, это был полет фантазии, блестящий спектакль, триумф виртуозности, которому позавидовали бы ворюги Арсен Люпен, Сонька Золотая Ручка и Мишка Япончик! («Во-во! — заорал Чешира. — Профессиональный ворюга восхищается своими уголовными коллегами! Да они ничем не хуже тебя, шпиона!»)

О, как я бдел в Мадриде, до посинения бдел! Наличку вместе с часами и бриллиантами («Интересненько...» — промычал Кот.) жены запрятал в гостиничный сейф, и не дай бог кто-то из разбойников узрит номер комнаты на твоём ключе! И вот утром мы с моей прелестью двинулись в самый сияющий центр, на площадь Солнечные ворота, заполненную разноцветным туристическим людом. Как всегда, добродушный и добропорядочный, положил на всякий случай несколько песет в карман шорт цвета хаки. Нахлобучил панаму по самые темные очки (45 градусов по Цельсию), с сумкой через плечо, где лишь подержанная

видеокамера. Мирно и нежно пересекали площадь по направлению к символу Мадрида — медведю, обнимавшему некое земляничное дерево. Жена прижималась ко мне, вселяя уверенность в будущее и душевную стабильность (забыл написать «как всегда»). Шесть дюжих полицейских изнывали от жары рядом с медведем и похотливо рассматривали проходящих дамочек (обычная страсть стражей порядка, даже в нашей пуританской стране они в этом себе не отказывают!). Вдруг я почувствовал нечто жидкое на своей обнаженной ноге, небрежно скосил глаза вниз и... о господи, что это?! Что?! Бурные пятна сияли на моих шортах и рубашке, жидкость стекала по сумке и по ноге. Что это? Первая мысль (очень русская): блеванул пьяный испанец! Но почему я его не видел? Пока моя мысль металась, пытаясь в считанные секунды найти преступника, любимая супруга смотрела на меня широко открытыми глазами и от ужаса не могла вымолвить ни слова. В этот драматический момент передо мною восстала фигура приятного старичка с соломенным канотье на затылке. Он чем-то напоминал знаменитого слепого Паниковского в исполнении артиста Гердта, нищенствующего на перекрестке, но был чуть выше и широко улыбался. «Бамбинос... бамбинос...» — бормотал он сочувственно. Я знал это слово по шлягеру певицы Далиды и понял, что пал жертвой мальчишеских игр. Милый старичок призывал меня с женой следовать за ним, при этом жестами давал понять, что необходимо немедленно устранить пятна и привести меня в божеский вид. «Какие чудесные люди эти испанцы! — сердце сжималось от нежности. — Как просто и непосредственно он пришел на помощь! Разве подобное возможно в нашей Рашке?! (Мерзкое слово рабов эйфории.) У нас на голову с балкона выльют горшок с дерьмом, и никто пальцем не шевельнет, чтобы помочь! («Да ты русо-

фоб и сучара!» — прокомментировал Чешира, я содрогнулся — как бы по его доносу не попасть в иноагенты...) В нескольких шагах находился общественный сортир, мы вошли внутрь, и старичок потащил меня вниз по лестнице. Перепуганной супруге успел передать сумку (повторяю: там лишь кинокамера — *nota bene!*), она шмыгнула с нею в дверь для прекрасных донн, я же оказался в просторном помещении для мужественных идалго. Сначала мы со старичком принялись усердно тереть мои шорты и рубашку смоченной в воде туалетной бумагой, неожиданно к нам присоединился еще один очаровательный доброволец, активно включившийся в стирку. Это меня отнюдь не удивило: я ведь уже уверовал в доброту и сердобольность всей нации! Тереть бумагой — не самый удачный способ стирки, посему, по совету старичка (он, словно заклинание, бормотал «бамбинос» — видно, мальчики кровавые были у него в глазах!), я сбросил шорты и рубашку, оставшись в шикарных ситцевых трусах еще советского производства. Новый поворот событий подтолкнул моих новообретенных друзей на блокировку двери, и у входа в уютный идалго образовалась вежливая очередь (у нас это невозможно, тут же взломали бы дверь и набили морду всем участникам). Тут впервые мой острый чекистский взгляд обратил внимание на то, что спасители внимательно ощупывают мои шорты с многочисленными карманами, где покоились лишь несколько монет и носовой платок. Неожиданно в мужской сортир вломилась моя половина с моей сумкой в руке. Проворный старичок мгновенно ее ощупал и сунул жене уже отстиранную рубашку. «Кажется, меня грабят!» — неуверенно успел я прошептать вдогонку героической супруге. Старичок тем временем продолжал колдовать над моими шортами, а его напарник уже тщательно перепроверял сумку, расстегивая молнии кар-

манчиков... Тут я окончательно прозрел, мой взгляд отвердел, я решительно натянул на себя уже выстиранные шорты, принял вид настоящего полковника, схватил сумку, самоотверженно пошел на выход и разблокировал дверь (кажется, пел при этом «Вставай, проклятем заклейменный...» из любимого «Интернационала»). Видели бы вы толпу ожидающих стула испанских идальго, которые, как изнемогшие бараны, ринулись внутрь туалета, давя друг друга! Мои спасители уже были рядом, они счастливо улыбались, ожидая благодарности от богатого американца — других иностранных дураков в Испании они не встречали. Что делать? Не избивать же людей, выстиравших тебе шорты? Я рассыпался в благодарностях — а что оставалось делать? Где доказательства обмана? Ничего не исчезло, даже носовой платок, жуткие пятна легко отстирались, все-таки испанские жулики благородны. И какая ловкая, безукоризненная комбинация! Я пожал руки блестящим ворюгам, я обнял жену, мы вышли на площадь, на нас ласково глядели полицейские и медведь, обнимающий земляничное дерево. В мокрых белых одеждах, как архангел, я вошел в ближайший ресторанчик и блаженно заказал графин молодого винца. Тут уж не обойтись без «Бармаглота» Льюиса Кэрролла:

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы — стрижают меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!

Алиса с интересом смотрела на меня.
— Забавный ты фрукт! — молвила она. — Как говорил ильфпетровский герой Остап Бендер, «с таким талантом — и на свободе».

Но мои приключения на этом не окончились, более того, приняли драматический характер в стране любви. Вот ее гимн:

Есть прекрасная земля,
Что вольно простирается буками
Вдоль соленого восточного побережья
Переходя в холмистую местность.
Ее зовут старая Дания.
Да, это и есть обитель Фрейи.

В скандинавской мифологии Фрейя — это богиня любви и красоты, поэтому вполне закономерно, что, проработав там в двух заграничных командировках, я возвращался оттуда разведенным холостяком.

Итак, в поисках бесконечности я двинулся в Данию в компании сына и его датскоговорящих друзей. Прекрасно понимал, что датская контрразведка (ПЭТ) не обделит вниманием бывшего советского резидента и советника посольства в Копенгагене. Впрочем, мы работали в Дании против главного противника — США, но, разумеется, не отказывали и датчанам, жаждавшим с нами сотрудничать.

Веселая компания остановилась в пятизвездочном отеле «Король Фредерик» на Ратушной площади, впереди были и гуляния в Тиволи, и визит в уникальную художественную галерею Луизианна, расположенную на берегу моря, усеянного дивными скульптурами Майоля, Джакометти, Колдера и абсолютно грандиозного Генри Мура.

Но в самом начале решили «размяться» — выпить хорошего аквавита и закусить славным smörgås (бутербродом) у сыновьяго приятеля, бывшего члена компартии раскольника Ларсена, создавшего свою компартию. Арендовали «мерседес», выпивали нормально с «ларсенистом» за вечную дружбу и любовь. Совершенно неожиданно компания решила продолжить пьянку в другом месте, и сын, который вел «мерседес», предложил мне и еще одному това-

рищу вернуться в «Король Фредерик». Я привык сидеть за рулем чуть подшофе — ведь в оперативной работе мы неизменно выпивали на встречах с контактами и агентурой, да и дипломатический номер на машине тогда исключал вмешательство полиции. Выехали мы со спутником спокойно, но через минут пять я заметил в хвосте такси, замигавшее вдруг мне фарами. В чем дело? Затормозил. Подъехавший водитель мне объявил, что я нетрезв. Неслышанно! На каком основании? Откуда право таксиста брать на себя прерогативы полиции? Тут я мгновенно почувствовал руку ПЭТ, видно, «ларсенист» был старым агентом тайной полиции, он и «стукнул», что я принял чарку и сел за руль. Далее все шло по мутному сценарию. Я нажал на газ, надеясь поскорее добраться до гостиницы (она была недалеко), но уже на подходе к отелю мне грозно преградили дорогу три полицейские машины. Проверили водительские права и потребовали дыхнуть в трубку. Я отказался. Меня пересадили в другую машину и увезли в полицейский участок около центрального вокзала. Дышать в трубку я снова отказался и потребовал вызвать российского консула. Заперли в камеру, я долго безуспешно барабанил в дверь, требуя допуска в туалет. Не допустили. (О, мои мучения! Представляю, как эти негодяи при этом мстительно хихикали!) Приехал консул. «Разве вы не знаете, что сейчас у вас нет дипломатических прав?» — спросил он холодно и вскоре отбыл. Тут уж со мною не церемонились: двое мужиков крепко схватили меня под белые руки, будто я громила или разъяренный лев — царь зверей, один при этом злобно шептал по-аглички: «You are drunk!» Появился доктор, я и ахнуть не успел, как на меня медведь насел, взял у меня кровь и отвалил. Вскоре мне объяснили, что я виновен, мой промилле превышен на 0,80 единиц —

сущее детство! Тут начался второй акт спектакля: мой спутник по «мерседесу» (машину загнали в полицейский двор) после моего ареста бросил клич, и тут в полицию ворвался возбужденный сын со своей весьма агрессивной компанией, при этом все отлично говорили по-датски, что напрочь обескуражило полицию. Переговоры были жесткими, в результате Саша благородно выплатил штраф, и блудного папашу выпустили из тюрьмы. Контрразведка мстила по своим правилам игры, могли отмочить что-нибудь и похлеще.

С датскими властями у нас в посольстве были отличные отношения, я постоянно встречался с Оле Бьерингом, завотделом и ведущим сотрудником датского МИДа, выпивал с министром обороны К. Ольсенем, поддерживал постоянный деловой контакт с личным секретарем премьер-министра Готтлибом, сам премьер Анкер Йоргенсен удостоил меня письмом с благодарностью за книги Максима Горького, которые я ему подарил. Беседовал с тогдашним шефом ПЭТ, однажды пришедшим на прием в посольство, вдогонку послал ему ящик водки. Американцам мы кое-где насолили, а датчан почти не трогали. Правда, однажды объявилась пара «датских шифровальщиков» — это ЧП! По указанию лично главы КГБ Андропова их вывезли на советском корабле в море, а там отправили на специальном вертолете в Ленинград. После тщательной проверки оказалось, что оба они психически больны. Кто виноват?

— М-да, — заметил раздумчиво Чеширский Кот. — По-моему, ты большой умелец вешать макароны на уши! Зачем выставляешь себя страдальцем? Подумаешь, чуток посидеть в теплом помещении полицейского участка! Ты бы видел, как я дрожал в ледяном погребе, спасаясь от бульдога! Температура там была минусовой...

— К тому же, сэр, вы были порядком бухой, — вторила ему Алиса.

Боже, как мне надоели нравоучения лисы Алисы и кота Базилио! Выпроводив их восвояси, я решил выпить чаю из своей любимой чашки, внутри которой торчала маленькая коровка — воспоминание о моей поездке в Швейцарию. Она обычно стояла на видном месте, как произведение искусства, и вызывала восхищение гостей. Гром и молния! Любимая чашка исчезла! Кто же ее стырил? Кто-то с душой вши? Где вы, кот Базилио и лиса Алиса?

ГЛАВА О ТОМ,

*как нелегко быть королем и принцем,
если народ обожает монархию,
и о том, что fish and chips вкуснее
фазанов в перепелином соусе*

Английская королева царствует, но
не управляет. Как это? Ну типа как
кот у вас дома.

Мудрость Чеширского Кота

Сколько я натерпелся от королей и королев! А ведь был полностью очарован, когда в 1964 году сопровождал посла Александра Солдатов в Букингемский дворец на ритуальный прием к королеве Елизавете II, хотя около нее флианговали лишь послы, а остальные дипломаты жевали вдалеке сэндвичи, запивая жидковатым чаем.

Помнится, как пугал меня своей жестокостью Генрих VIII, казнивший своих жен. Но больше всего меня поразила королевская казнь гуманиста и великого утописта Томаса Мора, выступавшего за ликвидацию частной собственности и бабла. Мор был не просто писакой, а канцлером Англии, близким к самодуру Генриху VIII, но выступил против него после провозглашения королем англиканства. Уж не пишу об обиде за царя Ивана Грозного, которому мнимая девственница Елизавета I отказала в законном браке. Но, в общем и целом, английская монархия всегда развлекала британцев, весь мир и советскую разведку, которая даже не включала ее в объекты агентурного проникновения. Наш ценный агент и высочайший интеллектуал Энтони Блант долгое время работал в английской контрразведке. С 1945 года стал советником короля Георга VI. Как знаток искусств и специалист по творчеству Пуссена, возглавлял королевскую картинную галерею с 1945 по 1973 гг., член Британской академии. Увы, но в королевском окруже-

нии циркулировало больше сплетен, чем нужной секретной информации, поэтому мы пытались устроить его на более информативную должность. Да простит королевский двор невнимание советской разведки!

Признаюсь, некоторых королей я уважал, таким оказался Карл II. Заклятый враг Карла II, Джон Вильмонт, он же граф Рочестер, сочинил о нем жестокую эпитафию:

Под эти своды прибыл из дворца
Король, чье слово было хрупко.
За ним не числилось ни глупого словца,
Ни умного поступка.

— Да Карлуша был абсолютно прав! — вмешался Чеширский Кот. — Праздность сильных мира сего ничего не приносит обществу, кроме добра. Вот мы, коты, любим спать целыми днями, и кому от этого плохо? Вкальывающие короли, цари, премьер-министры — это несчастье для нации, такие трудоголики все замыкают на себя, не дают свободно вздохнуть подчиненным и превращают жизнь в ад. Они обычно помешаны на реформах и пребывают в заблуждении, что это приносит счастье подданным, — в результате после мучительных судорог все возвращается на круги своя, ибо жизнь идет по своим непознанным законам, и самое ужасное — попытаться ускорить движение. При Петре I боярам вырывали бороды, пытаюсь сделать из них европейцев, стрельцам рубили головы, а разве не намучилась Россия во времена строительства колхозов и горбачево-ельцинской перестройки? Поэтому «ура» бездельникам и консерваторам! Правда, Карл II был охоч по части «клубнички».

Кот хотел продолжать, но я его прервал:

— Как писал тот же граф Рочестер,

В том королевской нет вины,
Что жезл его и член одной длины.

Взошел Карл на трон бескровно, без всяких революций и контрреволюций — в 1660 году произошла реставрация Стюартов. До этого он девять лет славно жил в изгнании и предавался страстям, истории известны имена его семнадцати любовниц, а сколько не вошло в ее скрижали! Многие дамы исправно рожали ему детей, хотя Карла сопровождал полковник Кандам, которому приписывают распространение кондомов в Англии. (Правда, первенство англичан на презервативной ниве оспаривается: защитный чехол из рыбьей кожи, главным образом, для предотвращения сифилиса, был изобретен за сто лет до этого итальянским анатомом Габриелем Фаллопиусом.) Карл не пропускал ни одной юбки — приятное и полезное для общества занятие, — и это в то время, когда одержимый властью Кромвель рубил головы и строил новое общество. И что? Оно рухнуло после его смерти, и все вернулось на круги своя. Король был заядлым охотником, обожал гонять на лошадях, отстреливать лисиц и кабанов, танцевать до утра, доводя до обморока партнерш. Именно при нем в Англии начали играть в футбол, устраивать лошадиные скачки и борьбу на арене, вошел в моду крокет. Очаровательны озера в парке Сент-Джеймс, где плавают лебеди и пеликаны, а рядом на лужайке, словно памятники самим себе, высятся грациозные фламинго. Зимой озера заливали водой и устраивали каток — дамы и кавалеры блистали там своими новыми нарядами. Сбросив коньки, можно было влиться в толпу простолюдинов и полюбоваться петушиными боями, там делали ставки, заливали вином радость выигрыша и горечь проигрыша. Изможденным играми мужчинам несложно было расслабиться — ведь рядом процветали вполне приличные бордели, хотя знать больше тянулась к актрисам, которые искусно сочетали свои сценические таланты с платными услугами, собственно, тогда

не проводили разницу между актрисой и проституткой. («Господи, — возмутился Чеширский Кот, — а у вас в России с актерами носятся как с писаной торбой! Чуть кто-то из них вякнет какую-то чушь — и сразу вся медиабратия раздувает из этого пожар!») После нудного пуританского правления при Реставрации вновь открылись театры, где играли блестящих и острых на язык драматургов Драйдена и Конгрива, залы заполняли дразнившие мужской глаз модницы с полуобнаженными бюстами, в антрактах вертелись фатоватые денди... В этой вакханалии разврата, посреди огромного поля цветов рядом с Карлом расцвели три выдающиеся леди, и всех их он по-настоящему любил, не исповедуя моногамный брак. Барбаре Вильерс было лишь девятнадцать, а королю двадцать девять, когда начался их бурный роман. Леди Каслмейн прославилась тем, что рожала как кошка, причем приписывала свою плодовитость мощи короля. За время своей пылкой любви она нажила огромное состояние, и все дети получили дворянские титулы — король был добр! Придворные за глаза прозвали короля Роули — по имени похотливого козла, пасущегося на лужайке у дворца. Некоторые историки считают, что это было более благородное существо — жеребец, сам король, надравшись, частенько ломился в спальни фрейлин и кричал: «Мадам, откройте! Это старый Роули!» Но Карлу было тесно в кругу зажатых фрейлин двора, и потянуло козла в огород актрис. В самый критический момент у его пассии — певички Молл — неожиданно расстроился желудок, и ей ничего не оставалось, как представить королю веселую и хорошенькую коллегу Нелл Гуин. Простушка, отец умер в оксфордской тюрьме, а маленькая дочь продавала там напитки клиентам. До тринадцати лет торговала апельсинами около Королевского театра, там ее и подцепил один актер, давший ей зеленый свет на сцену. Когда начался ее

роман с королем, Нелл уже сыграла много ролей и получила известность. В отличие от Каслмейн, просила от короля на содержание 500 фунтов в год, но добряк за четыре года вывалил на нее 60 тысяч фунтов. Нелл не влезала в государственные дела и, когда король спрашивал у нее совета, говорила, что «ему следует застегнуть гульфик». И главное — она совершенно ему не изменяла, хотя роман длился семнадцать лет! Печально, при Нелл Гуин Карл II спутался с француженкой Луизой де Керуай, отдавшей свою девственность по приказу французского посла, который использовал ее как шпионку. Тогда сыграли «шутейную свадьбу», чулок Луизы вылетел из окна королевской спальни, а вскоре она заняла должность хранительницы опочивальни королевы и получила титул герцогини Портсмутской — все-таки жизнь не дает соскучиться! В последние годы жизни короля оставили все, кроме верной Нелл. Неблагодарные современники расписывали ужасы при дворе: «Мне никогда не забыть сказочной роскоши и вульгарности, поглощенности азартными играми и растленности, в целом — полнейшего забвения заветов Господа нашего», — писал Джон Ивлин. Так ли плохо все было? При весельчаке, кутиле и женолюбце Карле II, продержавшемся на троне целых двадцать пять лет, не было изнурительных войн — разве это не достойный итог правления? Именно при Карле размахнулся титан архитектуры Кристофер Рен, реставрировавший почти все разрушенные здания, воздвигший и Монумент, и собор святого Павла, и массу других великолепных зданий. Желаю такого же триумфа новому королю Карлу III.

Но у меня существуют и серьезные претензии к королям Великобритании — ведь после февральской революции 1917 г., когда бродили мысли об аресте царской семьи, король Георг V (мать его и русского царя были сестрами) пред-

ложил отречьшемуся от трона царю Николаю II политическое убежище в Англии. Однако он вскоре засомневался и изменил свое решение. Уже летом 1917 года посол Великобритании в Москве Джордж Бьюкенен, обливаясь слезами, объявил царю, что английский монарх вынужден отказать «дорогому Николасу» с семейством под давлением политических обстоятельств. Поразительно, что это случилось в Англии — приюте для Маркса, Гарибальди и Мадзини. Там бил в «Колокол» Герцен, там готовили революцию Ильич с Крупской. Как после этого уважать британскую монархию?

Каюсь, но меня все же попутал бес, когда я стал подумывать о смене профессии разведчика на вольного литератора. В то время по датскому ТВ прогнали английский фильм о злоключениях короля Эдуарда VIII, который в 1936 году добровольно отрекся от престола и стал обыкновенным герцогом Виндзорским. И сделал это не под давлением компроматов, а из любви к американской актрисе Уоллис Симпсон, дважды(!) разведенной, что в Англии тогда было равносильно любовному блюду на стороне. Эдуард наплевал на традиции и, несмотря на шумный скандал, все-таки женился на американке. Перебрался во Францию и зажил такой счастливой семейной жизнью, какая не снилась ни одному королю. Он был крутым мужчиной, любил бегать по ночным клубам, увлекался гольфом и садоводством. Леди Уоллис была конем (с мандаринами?), мужа держала под каблуком, и это его так радовало, что каждую ночь перед ритуалом он клал ей на подушку белую розу, а однажды так был ею расстроен, что грустно воскликнул: «Милая, неужели сегодня я снова засну в слезах?!» Ну как было резиденту КГБ не уважать такого короля, пожертвовавшего всем ради любимой?! Отречься от власти, которая развращает, от абсолютной власти, развращающей

абсолютно! Правда чуть позже, обогатившись знаниями, я круто изменил свое мнение. Уоллис оказалась, в сущности, профурсеткой, король — слабаком, оба снюхались с Гитлером, не исключено, что в 1941 году прыгнувший с парашютом в Шотландии правая рука фюрера Рудольф Гесс рассчитывал на королевские симпатии. Впрочем, далеко не все короли несимпатичны, меня всегда притягивала принцесса Диана своей добротой и неординарностью. Тут раздался львиный рык, и передо мною предстал Чешира, он, как обычно, светился улыбкой, но глаза его источали ярость. Он прыгал до самого потолка, пушил хвост и явно пытался меня запугать.

— Как сладко ты поешь о леди, посмевшей изменять принцу Чарльзу, ныне королю Карлу III! Конечно, она сумела разжалобить добрых и глупых англичан, попав по пьянке в автоаварию вместе со своим любовником арабом Доди, но ведь это пиар! — Чешира дрожал от возмущения. — Я дружил с конногвардейцем короны, он раскрыл мне всю правду. Какой человек! Всегда комильфо: серые фланелевые брюки, синий блейзер с умопомрачительным галстуком, украшенным орнаментом из крошечных прыгающих зверьков, — так он ехал на свидание с Дианой. Послушай рассказ об этом. — Кот достал откуда-то бумагу и начал читать: — «Хрустел гравий под колесами его голубого „рено“, он добрался по боковой дорожке к входу в Кенсингтонский дворец, назвал свое имя и был пропущен внутрь. Там его и встретила принцесса, сбежавшая по лестнице со второго этажа, кожа ее отливала нежным загаром, длинная свободная юбка придавала всему ее облику особое изящество. Они не могли скрыть волнения, они не сводили друг с друга глаз и нервно улыбались. Диана провела его в свою гостиную: желто-голубые оборки голубых занавесок, два полосатых дивана с декоративными подушками

с шутивными надписями вроде „Если ты думаешь, что любовь не продается, то просто не знаешь, где ее купить“. Ореховые столики, уставленные эмалевыми шкатулками, акварели с балеринами на стенах — и вся комната пропитана густым ароматом роз. Она села рядом с ним на диван, и они заговорили ни о чем. Выпили шампанского, но волнение не исчезло, наоборот, их влекло друг к другу, трепет пробежал по телу Джеймса, и он почувствовал сладкое предвкушение неизбежного поцелуя. Вошел лакей и негромко объявил, что кушать подано. В столовой висели красочные картины Тернера, которые могли бы поспорить с галереей Тейт. Диана усадила гостя за огромный круглый стол, тусклый блеск серебряных подсвечников, сияние хрустальных бокалов, жестко накрахмаленные салфетки, запах любимых лилий, стоявших в высокой вазе на буфете. Принцесса отпустила прислугу и сама подавала ему с жаровни, стоявшей рядом на буфете. С нескрываемым удовольствием она накладывала ему на тарелку тонкие ломтики превосходного ростбифа, молодую картошку и морковь. Поставив блюдо, она не сдержалась и нежно погладила его по плечу. Джеймс легко уминал ростбиф, запивая его густым кларетом, он знал, что Диану тянет к нему, но как приблизиться к ней? как перейти эту неуловимую границу от дружеских отношений до поцелуя? Да и как воспримет она любовь всего лишь помощника начальника штаба королевской гвардии, ответственного за содержание конюшен? Кофе пили в гостиной, расположившись на диване, и тут, когда она протянула ему чашку, их руки на миг переплелись, и сладостный трепет, словно удар током, пронзил обоих. Она отошла от него, затем решительно села боком к нему на колени, обхватив шею руками, он нежно, целомудренно целовал ее, он тогда еще не знал, что она страдает от равнодушия своего мужа принца Чарльза и ощу-

щает себя опустошенной, непривлекательной и утратившей женственность. Диана встала, молча протянула Джеймсу руку и повела в спальню...»

— Дорогой Чешира, а чей этот трогательный рассказ? — спросил я.

— Это написал сам Чарльз Диккенс! — гордо ответил кот.

— Но ведь Диана жила позже Диккенса...

— Великие писатели выше жалкой действительности и живут вне времени! — отрезал кот. — Это мне лично рассказывал сам капитан Джеймс Хьюит! Открою всем тайну: нынешнего принца Гарри, обозвавшего королеву Камиллу, заделал не Чарльз, нынешний Карл III, а мой друг Джеймс. Диана обожала своего гвардейца и мечтала выйти за него замуж... В королевской семье Диана не была фавориткой, ее считали капризной и эмоциональной, во дворе не обращали внимания на ее страдания, усугубившиеся после многократных появлений Чарльза в обществе своей многолетней любовницы Камиллы Паркер-Боулс, нынешней королевы. Королевская семья ставила на первый план чувство долга, во всем доминировали «интересы нации», и неудачный брак не мог быть поводом для изменения благопристойного фасада. Пять лет продолжалась борьба Дианы за своего мужа, пять безуспешных лет... — Чеширский кот ослабил и почти рыдал. Тут появилась прекрасная Алиса. Мы вдвоем причесали Кота огромным гребнем, предложили ему кошачий корм Sheba, но он скорчил такую кислую рожу, что его знаменитая улыбка напрочь исчезла.

— Молока хочу, молока, небывалого, как облака! — кот заговорил стихами, весьма напоминая Вознесенского: «Ветчины хочу, ветчины, небывалой величины».

Пришлось оборвать Кота, и я признался, что королева Елизавета II мне всегда импонировала своей невозмутимостью.

мостью и умением сглаживать бесконечное распутство и выпендрож своих близких родственников, включая мужа и сына.

— Ах, как мне хотелось прокатиться на ее королевском пони или погладить ее розовых фламинго... — вздохнула Алиса и вытерла платочком носик.

— Иногда в спальню королевы забирались разные добрые молодцы, в основном пьяницы и проходимцы, но монархия не дрогнула перед их натиском и с честью выдержала испытание. Публика до сих пор страстно следит за похождениями королевской семьи. Если главный наследник короны принц Уильям старается не светиться, то его брат, принц Гарри, герцог Сассекский, бунтарь по натуре, женатый на американской фотомодели, негритянке Меган Маркл, скромностью не отличается и постоянно шокирует публику. Мне особо была симпатична мамаша Елизаветы II, ох, как она отчитывала двух своих лакеев: «Когда вы, два старых пидора, научитесь вовремя приносить джин с мартини своей королеве?»

— Ты намекал в самом начале на фиш энд чипс? — лукаво осведомился Кот.

— Любой мой намек — это руководство к действию, — ответил я. — Где же мои fish and chips?

— А где мой мартини? — спросил Кот.

ГЛАВА О ТОМ,

*что Париж всегда Париж, если есть порох
в пороховницах, удаляя красotka,
бочка сабли и тарелка лукового супа*

Я спел тогда еще — я думал это ближе, —
Про юг и про того, кто раньше с нею был.
Но что ей до меня! Она была в Париже,
Ей сам Марсель Марсо чего-то говорил.

Владимир Высоцкий

Всю свою бурную жизнь в Лондоне и Копенгагене всем сердцем стремился в Париж. Казалось бы, пустяк: взял и поехал, но и в шестидесятые, и в семидесятые на это даже резиденту требовалось разрешение ЦК. Чего опасались? Провокаций? Будто в Париже необыкновенные соблазны, затмевающие все капканы в других странах! Да что Париж! Даже папу своего Петра Федоровича не мог выписать пожить недельку-две в Копенгагене, на берегу Балтийского моря, где отменная ловилась на удочку невообразимо вкусная треска*. Туристом в группе — пожалуйста, а иначе — держать и не пущать!

В самолете Москва — Париж знакомлюсь с Вовой из Жаворонков, бизнесменом средней руки. Вова уже бывал один раз в Париже и находит его гораздо веселее Жаворонков.

— В прошлый раз все там истоптал, теперь пора клеить.

— Что клеить? — не понял я.

— Как что? — удивился Вова. — Французских телок. Составишь компанию? Я ведь по-французски ни бельмеса.

Тут и появилась чудесная Алиса во всей своей незабвенной красе**.

---

* Как учит Алиса, «от супа — сыпятся, от биточков — бьются, от омлета — летают, от петуха — петушатся, от ежа — ежятся, от слона — слоняются, от собак — собачатся, от судаков — судачатся, от трески — трескаются».

** После исчезновения любимой чашки с коровкой внутри меня не покидала мысль, что ее слямили Алиса с Чеширским Котом. Однажды я деликатно намекнул об этом Коту, но он обиделся и пригрозил гаагским судом.

— Это твоя женка? — ошеломленно спросил Вован.

Я покраснел.

Пригородный район Алезия. Остановились в «трех звездах» в трех отдельных номерах. Вова зазвал к себе в номер, достал бутылку водки и бычки в томате, предложил за знакомство. Я сам не прочь поддаться, но не водяру же. В ответ надменно поднимаю бровь, выхожу на улицу, покупаю пару бутылок Chablis. Кажется, у Агнивцева: «На виноградниках Шабли пажи графиню у... блажали». На углу торгуют устрицами, их вскрывают прямо на глазах и укладывают в берестяное лукошко со льдом и смородиновыми листьями. Два доллара штука. Священнодействуем в номере, устричные раковины в окно не выбрасываем, ведем себя хорошо.

— Ты обратил внимание, сколько тут в городе сортиров? — спрашивает Вова. — А наш Юрий Долгорукий (мэр Москвы Юрий Лужков) только обещает...

Тут приходится объяснить, что надписи «sortie» означают «выход», поэтому не надо метаться за указателями, если приспичит, а то и в рай войдешь. После этого Вова признает мое интеллектуальное первенство. Исходим истомой от солнечного Парижа.

— Что такое парижанки? Могут ли они любить так искренне, как в Жаворонках? — мучается Вова.

Выходим на бульвар Монпарнас. Улицы забиты народом, идущим с работы, особенно потрясают девицы в белых джинсах и коротких блузках, с обнаженными пупками. Пупки необыкновенные, в них вставлены призывно мерцающие драгоценные камни. Трепетные пупки проколоты серьгами или сдавлены клипсами, на фоне осиных талий и крутых бедер они похожи на маячки, и мужчины летят на них, как пчелы на мед. Боже, как хочется любви! Вспоминаю рассказ Бабеля о Париже: «От пяти до семи гостиница наша „Hotel Danton“ поднималась в воздух от стонов любви. В номерах

орудовали мастера. Приехав во Францию с убеждением, что народ ее обессилел, я немало удивился этим трудам. У нас женщину не доводят до такого накала, далеко нет».

Сможем ли мы добиться таких показателей в нашем отеле? И как обрести истинную парижанку, пикантную, насмешливую, переменчивую, как погода?

Тут появился Чеширский Кот, который, как оказалось, год учился в Сорбонне и почти каждый месяц обедает в лучшем парижском ресторане «Максим».

— Вам попроще или посложнее? — спрашивает Кот.

— Попроще! — орем мы в один голос.

Согласно Чеширскому Коту, в Париже живут женщины разные. Кроме хрупких красавиц, полно кривоватых, толстозадых и просто диких уродин. Однако истинные парижане разделяют весь свой прекрасный пол по районному признаку, часто совпадающему с социальным статусом. Парижские дамы разделяются на лево- и правобережных. На левом берегу Сены проживает публика менее обеспеченная, в Латинском квартале, в районе Сорбонны томятся от любви студентки, часто из провинции, многие снимают мансарды, там беспечно гуляют, несмотря на заклинания консьержек. Мадмуазель Левобережная ухитряется на свои скромные средства просиживать целые вечера в монпарнасских кафе над чашкой эспresso, она интенсивно общается с молодыми мужчинами, увлекается философией и феминизмом, ходит в консерваторию и считает, что секс — это голова. Среди левобережных выделяются богемные девицы, которых называют мадмуазель Сен-Жермен-де-Пре, по имени знаменитого квартала, где в пивнушке «Липп» и кафе «де Флор» делали заметки на манжетах писателя Жан-Поль Сартр со своей женой Симон де Бовуар, и напивались в дым не менее великие Андре Жид и Андре Моруа. Мадмуазель Сен-Жермен-де-Пре частенько подрабатывает на гитаре, положив на тротуар

свою шляпу, жизнь ведет беспутную, ночует где попало и с кем попало, из принципа презирует брак как глупый и бесполезный институт, в результате приходит к выводу о ненужности и бесполезности секса и уходит в монастырь. На правом берегу Сены жирует буржуазия разных мастей. У мадмуазель Правобережной обычно богатые родители, и она может позволить себе учиться на художественных курсах при Лувре, посещать лекции в Сорбонне, многие поступают на работу в качестве секретарей крупных фирм или продавщиц в фешенебельных домах моделей. Мадмуазель Авеню Фош (там проживают состоятельные люди, зачастую аристократы) любит теннис или гольф, может обучаться искусству кулинарии в школе при самом шикарном в Париже ресторане «Максим», ездит на папином «ситроене», любит путешествовать и часто увлекается радикальными идеями.

Мы с Вовой ощупываем карманы, идея знакомства с мадмуазель Правобережной нам явно не по душе.

— Что-нибудь попроще, дорогой Чешик! — умоляем мы.

— Хорошо, — говорит он. — Я познакомлю вас с самой типичной француженкой. Ее зовут Мими Пинсон, она работает цветочницей. Таких, как Мими, в Париже целая армия: секретарши, продавщицы, кассирши, они поднимаются рано утром и заполняют поезда и метро, они мечтают стать кинозвездами или известными модельерами.

Итак, Мими. Бурно готовимся, залезаем под душ, бремся и опрыскиваемся одеколоном. Тут я вынужден сделать небольшое лирическое отступление: увы, но мы, российские мужики, в массе не отличаемся приятным запахом*, особенно эту удушающую вонливость ощущаешь в метро. Кстати, и некоторые наши дамы тоже не блещут. Говорят,

---

* Тут вмешалась Алиса, заметив, что в результате перестройки и эйфории вонливых мужиков в России стало меньше, знаменитый шипр уступил место «диорам» и «шанелям».

это идет от предков: почти все западные путешественники во все века отмечали нечистоплотность нашего населения. Дабы не быть занесенным навеки в списки врагов русского народа, отмечу, что в прошлом веке английская королева весьма удивлялась, узнав, что кто-то принимал ванну чаще, чем раз в неделю. Французские короли вообще не мылись, в Версальском дворце их несколько раз в день протирали и меняли белье. Король и королева часто принимали придворных, сидя на горшке, остальные справляли свои нужды в любом углу. Не случайно королева Мария Антуанетта говорила: «Я узнаю Версаль по запаху».

Перед встречей с Мими Пинсон вместе с Котом идем в парфюмерный магазин на бульваре Капуцинов. Мохнатые уши повесьте на толстый внимания гвоздь, леди и джентльмены! Уже давно усиливается тенденция не обливаться с головы до ног духами и даже не прыскать, а холить себя с помощью косметики неустанно и постоянно. Используйте составы из растений и натуральных экстрактов, поэтому покупайте макияжи, тонирующие лосьоны, кремы дневные и ночные, зеленые фитомаски, экологические эмульсии и очищающие средства. Пахнуть вы будете божественно, но заниматься собою надо серьезно. По слухам, все ответственные работники из окружения президента Ельцина во время подписания соглашения с НАТО в Париже давились в очередях за французскими духами, правда, от этого западники не стали менее вероломными.

— В духах не нужно быть догматиком, вопрос этот очень личный, как трусы! Каждому нравится свое, — поучал Чешира. — Масса людей обожают классические «Гуччи», «Шанель», «Ги Лярош» и другие известные марки. Знаменитый Ален Делон не только пил одеколон, но и весьма уважал «Диор», даже кукольник Куклачев накупал «Живанши» для своих кошек.

Встреча с Мими неотвратимо приближалась. После долгих консультаций с Котом мы решили ослепить француженку своей фантазией и провести сразу по нескольким местам: выпить по пастис (анисовая, которая волшебным образом превращается в белое молоко, если добавить воды) на башне Монпарнаса, затем пройти в ресторан «Куполь» на бульваре, откуда не вылезал писатель Генри Миллер, прославившийся порнографом. Затем в знаменитую Closerie de Lilacs, приют великого Хемингуэя и всех его собутыльников, от Марлен Дитрих до Скотта Фитцджеральда (не забыть взять на память фирменные ресторанные салфетки и в знак презрения забраться на стоящий почти рядом памятник маршалу Нею, принцу Московскому — ХА-ХА!).

А потом? Суп с Котом, разумеется, луковый. Мы с Вовой ожидали с трепетом прихода Мими, но тут явилась Алиса из Страны чудес.

— Мими попросила меня заменить ее, — сказала Алиса. — Речь пойдет о французской кухне, а у нее менсы, и говорить о кулинарии негигиенично. В каждом районе Франции своя кухня, более того, каждый повар вносит в блюдо нечто неповторимое, свое, кусочек души. Как ни парадоксально, начнем с бельгийской кухни, которую многие считают лучше французской. В ресторанах Chez Leon de Bruxelles, их пруд пруди в Париже, великолепны мули в раскаленной кастрюле, на дне вкуснейший супец, мули принято хватывать пустой ракушкой. Вообще иностранцы постепенно привыкают к мулям — мидиям, улиткам и устрицам. Позор тому, кто не хлебнет лукового супа, покрытого сырной пленкой в горячем горшочке, как подают на площади Театра на Монмартре, особенно хорошо он идет после триумфального прохода через развратный «Мулен Руж» и другие похабные заведения. Французы гордятся буйабесом по-марсельски, после него живот выпадает из подтяжек. На второе неплохо побаловаться бараньими или телячьими котлетками на ребрыш-

ках, это французская классика*. Россияне при упоминании почек вспоминают замороженные куски в магазине кулинарии, одуряюще пахнувшие мочой. В Париже почками гордятся, и грех не откусать *Brochettes de Rognons*. Ради понта можно съесть и лягушачьи лапки, они отнюдь не воняют болотом, а напоминают кроличье мясо**.

От речи Алисы я залился желудочным соком и тоже захотел поделиться своими переживаниями. Отменным кроликом угостил меня однажды в ресторане Лионского вокзала белогвардеец, внук расстрелянного царского доктора Боткина, Константин Мельник (кстати, он считал, что французская кухня — это общий разговор, судить можно даже не по ресторану, а по повару). Мельник при генерале де Голле был куратором французских спецслужб, имел в СССР плохую репутацию ненавистника Ленина и Октябрьской революции. Генсек Никита Хрущев перед своим первым посещением Парижа даже просил изолировать на время Мельника. Действительно, он был близок к ЦРУ, работал в пресловутой «Рэнд корпорейшн», где к Хельсинкской конференции 1975 г. составил концепцию «четвертого пункта», формально легализующего правозащитную деятельность в СССР. Однако Мельник (одно время он был в руководстве Радикальной партии) оставался глубоко русским человеком, часто приезжал в Москву, поддерживал постоянный дружеский контакт с бывшим начальником советской разведки генералом Шебаршиным. Последний раз я встречал его в своем трехзвездочном парижском отеле незадолго до его смерти, мы немного выпивали и закусывали...

---

* «Выходит, что самое главное — это вовсе не бессмертие души и не международный мир, а маленький столик с кривоногим судком, фальсифицированным вустерским соусом и салфеткой, прикрывающей кофейные пятна на скатерти» (*О. Генри*).

** Впрочем, с наплывом туристов французская кухня нивелировалась и потеряла изысканность, оговорюсь, что, как пролетарий умственного труда, я обычно питался в дешевых ресторанах.

...Что дальше? А почему бы нам не сходить в музей вина? Опять пить? Как писал Шекспир, «самим лить в рот отраву, превращающую тебя в дурака и скотину?» Ненавижу мужиков и девок, делающих вид, что превосходно разбираются в вине. Они закатывают глаза, чмокают, вздыхают, нюхают, облизывают губы, изображают высшее наслаждение. В свое время в кругу друзей мы подлили одному российскому послу, прожившему много за границей, мозольную жидкость «Резоль» вместо классного виски. Он смаковал ее с такой страстью, что, казалось, у него случится оргазм.

— Узнаю запах вересковых полей... — бормотал он и копался носом в этих мозолях.

...Впрочем, в музее вина нас с Вовой увлекли экспозиции с восковыми пьяницами, хлеставшими вино, тем более что в подвале музея располагался совершенно чудный ресторанчик, где можно было вволю дегустировать. Рядом с нами за длинным деревянным столом сидели совершенно косые американцы, и мы обсудили, как важно поддерживать красное вино при комнатной температуре, заранее открыть бутылку и дать ей подышать кислородом, а не затыкать ее пробкой. На десятом бокале я обнаружил, что живо беседую с милой американкой Мейбл, которая была совсем не прочь присоединиться к нашей компании.

— Да я ей сейчас рожу начищу! — прошипела злобно Алиса, внезапно оборотившись в грозную фурию. — Ни в коем случае!

Я оторопел от ужаса и призвал Вову.

— Так чего нам тут торчать?!

Хронология событий: 17 ч. Скамейка в парке у Сакре-Кёр на Монмартре. Красные бордоские вина Margaux 95 и Mouton-Rothschild, купленные в лавке по 15 баксов за штуку. Блеск! Закусывали сыром Chaumes, воняющим, как сотня носков у сотен тысяч братьев. 18 ч. 30 мин. Набережная Сены в рай-

оне Сите. Сидели на граните, подложив под известные места куртки. Тут мы перешли на бургундское Côte d'Or и Beaujolais-Villages 95 по 10 баксов за штуку. Класс! К нам присоединились бомж Франсуа с бомжихой Мари, на которую Вова тут же положил глаз и стал нежно называть Машкой. Они убеждали нас купить вина побольше и подешевле, что мы и сделали, набрав несколько бутылок очень приличного Масон. Далее Франсуа, к счастью, отвалил, оставив нам обаятельную Машку. Побольше бы таких бомжих: одета в джинсы, кроссовки, красную ветровку, курила «Голуаз» и пахла дурманящими духами. Пованивала. Очевидно, сыром.

— Какая баба! — воспалился Вова. — Наконец-то! Скажи ей об этом по-французски!

В свое время я освоил несколько семестров французского в разведывательной школе, однако помнил лишь «Qu'est-qu'il y a de nouveau dans la vie sexuelle?» (Что нового в сексуальной жизни?) — этой фразой разведчики в шутку приветствовали друг друга. Мимо проплыл кораблик с новобранцами. Неожиданно они оголили зады и показали их народу. Аплодисменты. Париж всегда Париж. 20 ч. Мы в ресторане «Эльзас в Париже» у метро «Сен-Мишель». Там сжираем гордость эльзасского крестьянина: сосиски, сало, ветчину с горой тушеной кислой капусты. Запиваем, естественно, эльзаским Alsace Grand Cru. Капуста бродит, рвется наружу, но чувствуем себя отменно. Приглашаем Машку в отель. Алиса хватает меня за грудки: «Не пущу!» Назло Алисе Машка поглаживает Вована, предлагает захватить подружку с гитарой, посидеть еще где-нибудь, а дальше... Играет кровь, вперед на бордаж! 23 ч. На такси останавливаемся в каком-то темном районе, Мари уходит за подругой. Ждем полчаса, час. Внезапно Вова обнаруживает, что у него исчез бумажник. Все ясно. Идиоты! Ведь нам прожужжали уши о французских воришках! О коварная Машка!

Алиса оглушительно хохочет. Дальше ничего не помню.

Полдень следующего дня. Стук в номер, на пороге Вова. Наше состояние французы называют «la queue de bois» — деревянное рыло. Но я знаю рецепт от похмелья, им пользовались Хемингуэй и Фицджеральд: две столовые ложки бренди, две — джина, две чайные — горькой настойки. Высокий стакан со льдом, все смешать, добавить лимонад и свежей мяты. Называется «Страдающий ублюдок».

Выпили. Полегчало.

— И все-таки я не уеду из Парижа, не полюбив ни одной французенки, — категорически заявляет Вован.

И вдруг входит Она и садится у стойки. Черноволосая, стрижка каре. Кажется, острые кончики волос вот-вот пронзят сердце. Большие темные глаза.

— Вот что, Вова, — говорю я. — Тебе надо просто пойти на улицу Святого Дениса, что у Восточного вокзала. Говорят, там не меньше путан, чем у нас в столице.

— Посмотри на эту фигуру! — восхищается он. — О, эти узкие бедра! Как они шикарно контрастируют с полуоткрытой грудью! Первый раз я вижу такую красивую парижанку! Наша Машка — ничто по сравнению с нею! О, если бы я говорил по-французски, я непременно бы к ней подкатился...

Стук в дверь. На пороге Она с картой Парижа в руках. На чистокровном русском:

— Извините, вы не подскажете, где тут улица Святого Дениса?

...А потом крутился Париж, как чертово колесо, и мы загорали на корабликах, плывущих по Сене, и пили уже знакомые гран и не гран крью, и любовались замками Луары, и так не хотелось уезжать, и не уехали бы мы с Вовой, если бы не властная рука чудесной Алисы, которая с помощью Чеширского Кота усадила нас в самолет.

Праздник, который всегда с тобой, закончился.

О Париж, о Париж, как ты много даришь...

ГЛАВА О ТОМ,

*как два заклятых врага-разведчика
стали загадочными союзниками, и о том,
насколько реальны слова Шекспира
«немного больше, чем родственник,
немного меньше, чем друг»*

«Уважаемый мистер ле Карре! Сначала о себе. Мне 55 лет, в 1958 году окончил Московский Институт международных отношений и с тех пор находился на дипломатической службе (Лондон, 1961–1965, последний раз был советником в советском посольстве в Дании, 1976–1980)». Далее я рассказал, что с 1980 года занимаюсь журналистикой и драматургией, поставил две пьесы, в частности одна о ЦРУ («Убийство на экспорт»), но быстро взял быка за рога. «Я беру на себя смелость направить Вам свой фарс о шпионаже. Предлагаю соавторство в литературном переводе с учетом вкусов британской и американской публики». Деликатно объяснил, что мое обращение продиктовано тем, что я поклонник творчества писателя и храню в своей библиотеке все его книги, включая ранний прекрасный роман «Наивный и сентиментальный любовник», увы, не имевший успеха. На дворе стояло лето 1989 года, самый разгар перестройки. Разумеется, в открытом письме я не написал, что являюсь полковником разведки КГБ и даже курировал советский шпионаж в Великобритании. У меня не было никаких сомнений, что кадровому сотруднику контрразведки известны все мои деяния в туманном Альбионе, в любом случае он может снять трубку и навести справки у бывших коллег. Сейчас удивляюсь своей дерзо-

сти, даже наглости: шуточка ли, предложить маститому автору соавторство в сомнительной пьесе?! Однако желание славы (и бесконечности) сильнее правил приличия. Это письмо было направлено 20 июля 1989 года и получено адресатом 9 сентября того же года. Уже на следующий день Дэвид написал ответ. Почему так спешно? Был возмущен предложением от какого-то незнакомца? Или, наоборот, захлебнулся от счастья, что заполучил такого соавтора? Не угадали, леди и джентльмены! Дэвид Корнуэлл принадлежал к исчезающей породе идеальных английских джентльменов, предельно вежливых, пунктуальных, свято блюдущих свою и чужую честь. Именно по этой причине он первым делом указал на задержку с получением, а потом и с ответом: «Дорогой мистер Любимов, я не могу принять ваш проект, поскольку у меня полна моя собственная тарелка, да и голова забита планами на годы». Однако он не бросил бывшего врага посреди дороги и утешил тем, что передал пьесу известным драматургам Алану Беннету и Майклу Фрейну. Последний вскоре прислал мне по-английски изящный отказ: высоко оценил перевод фарса (именно перевод, а не саму пьесу), пожаловался, что десять лет пробивал на английскую сцену популярного советского драматурга Арбузова и что это безумно трудно. Короче, поставил на моем творении крест. Впрочем, в отчаяние это меня не повергло, я написал ле Карре благодарственное письмо с наилучшими пожеланиями и углубился в чтение его последних романов. Особенно поразил меня своей искренностью автобиографический роман «Идеальный шпион», где писатель беспощадно показывает своего отца-мошенника и сумасброда и описывает свою жизнь без матери, покинувшей семью, когда мальчику было всего пять лет. Это тяжелое детство, на мой взгляд, развило в писателе сострадание к людям, нена-

висть к напыщенным бонзам и преступным олигархам. В 1989 году журнал «Огонек» с тиражом в пять миллионов три месяца печатал мой первый роман о советском разведчике в Англии «И ад следовал за ним». Об этой приятной сенсации я не преминул сообщить Джону ле Карре, заодно поделившись своим восхищением его романом «Идеальный шпион». Вскоре у меня завязались дружеские отношения с английским журналистом и писателем Кристофером Роббинсом, вынашивающим планы сделать фильм о КГБ с моим участием, он пригласил меня в Лондон и добился визы для персоны нон грата. Как мне потом сообщил ле Карре в письме, он тоже содействовал получению для меня визы. В 2004 году Роббинс присутствовал на ужине по поводу моего 70-летия, где среди гостей находились бывшие глава разведки КГБ Леонид Шебаршин и правая рука главы контрразведки КГБ Виталий Бояров. Я в шутку представил Криса всем гостям как сотрудника «Секрет Интеллидженс Сервис», присутствующие восприняли это спокойно, аплодисменты не последовали, и шутку не оценили.

Крис организовал мою встречу с ле Карре в Лондоне. Сначала мы заехали на такси за писателем в его дом в Хэмпстеде, где я познакомился с самим Дэвидом и его очаровательной, очень английской женой Джейн. Там мы выпили по бокалу шампанского «Мумм» и в сугубо мужской компании отправились в знаменитый «Симпсон» на Стрэнде, где с утра до позднего вечера лучшие джентльмены Великобритании жуют недожаренные бифштексы с кровью. За такси заплатил Дэвид, причем дал водителю крупные чаевые. Увы, но бесподобные ростбифы вытеснили из моей несчастной головы детали этой эпохальной встречи, однако мы с Крисом стояли на ногах (пили виски + дорогой шабли) и проводили писателя, спешившего на встречу

с литературным агентом, до такси. Осталось общее впечатление о Дэвиде Корнуэлле: очень приятный, обходительный, сдержанный человек, истинный английский джентльмен. Более того, на следующее утро мы обнаружили в почтовом ящике Криса, жившего недалеко от автора в том же Хэмпстеде, новый роман ле Карре «Ночной менеджер» с его собственноручной дарственной надписью, он уже в 6 утра (sic!) бросил его в ящик во время прогулки со своей собакой.

О предстоящем приезде Джона ле Карре в Москву я узнал совершенно случайно от переводчика его романа. Это был уже второй визит писателя в Москву для сбора материалов для нового романа «Сингл и Сингл». Тут стоит вспомнить, что при советской власти Джона ле Карре в Советский Союз не пускали как бывшего кадрового сотрудника коварных английских спецслужб, что совсем неудивительно, ведь даже Сомерсета Моэма, всего лишь агента СИС, не всего печатали. Горбачевская перестройка встряхнула и расконсервировала Россию, жадно вдохнувшую ветры свободы и демократии (вместе со всеми миазмами). Само собой разумеется, что внезапно ставшие вольнолюбивыми советские писатели официально пригласили ле Карре посетить Советский Союз. Разумеется, встречали с чрезмерной помпой, свойственной нашей сложной интеллигенции, изголодавшейся по «реакционным» писателям. Хотя для одних бывший кадровый сотрудник враждебных спецслужб считался исчадием ада, для других — «изюминкой» и светочем добра. Джон ле Карре был по-джентльменски корректен, никаких политических демаршей не предпринимал, и хозяева остались им довольны. Еще существовавший КГБ держал писателя в поле зрения через свою агентуру и остался удовлетворенным тем, что ле Карре не закладывал тайники в подъездах и не пытался вербовать

политически неустойчивых советских писателей. Итак, второй визит, уже в капиталистическую Россию. Весть об этом привела меня в чрезвычайное возбуждение, как не упасть лицом в грязь после прославленного на весь мир лондонского «Симпсонс» на Стрэнде? Уж многие годы я был всей душой привязан к ресторану Дома литераторов, уютному заведению с пропускной системой, со сравнительно интеллигентной, хотя и драчливой публикой и кухней, не уступающей bloody Simpson's. Джон ле Карре прибыл с сыном и остановился в аристократическом отеле «Савой» со знаменитым зеркальным потолком и фонтаном в центре ресторанный зала, где плавали карпы, извлекаемые время от времени на поджарку (были случаи, когда в фонтане купались пьяные посетители). Без всяких проблем мы договорились о встрече на следующий день. В те годы Москва, по-своему усвоив законы рыночной экономики, напоминала восточный базар, где торговали чем попало на каждом углу. Прямо у входа в ресторан Дома литераторов я купил бутылку виски «Тичерс» за шесть (!) долларов (польского происхождения, несомненно паленого). Вскоре появился и маститый писатель, мы радостно миновали швейцара в шубе с норковым (!) воротником и ввалились в дубовый зал ресторации. Конечно, я не могу воссоздать высокие чувства, овладевшие нами в процессе поглощения местных изысков, вроде трюфеля из козьего сыра с чатни или тартара из говядины с мозговой косточкой, но я не могу забыть ощущения истинного братства при поглощении бутылки «Тичерс», причем градус братства возрастал с каждой каплей! Это живо напомнило мне студенческие годы, когда мы лихо залезали в подъезд, раскладывали на подоконнике любимую газету «Правда», клали на нее нарезанную колбасу и дули водку стаканами, запивая ее пивом. Это было единство душ, нирвана, всеобщий кайф, мир во всем мире,

и Дэвид (мы уже перешли на «ты») ничуть не уступал в своей прыти отчаянным русским медведям. За бутылкой фальшивого «Тичерс» можно обсудить все мировые проблемы, как говорится, «от Бисмарка до насморка», правда, потом нелегко восстановить разговор. Во всяком случае, по просьбе Дэвида на следующий день я познакомил его с генералом Калугиным, тогда пребывавшем на вершине славы. Калугин принял нас в своей квартире в ведомственном доме КГБ в Филях, рассказывал о своем участии в деле диссидента Маркова, убитого болгарами (КГБ, по его словам, изготовил вошедший уже в историю зонтик с ядом), хвастал своим участием в самых важных операциях и показал пепельницу, подарок от афганского президента Амина, который погиб во время штурма его дворца Тадж-Бек спецназом КГБ в 1979 году. Дэвид был отнюдь не в восторге от Калугина, о чем прямо сказал мне. Без моего участия Дэвид встретился с новым шефом КГБ В. Бакатиным, который, как следует из мемуаров ле Карре, его тоже далеко не очаровал. Дэвид считал, что Калугин и Бакатин слишком быстро «перекрасились» в демократов, слишком рьяно осудили коммунизм, которому служили всю жизнь, и это не могло не вызвать неприятия у честного писателя. Дэвид также делился другими своими наблюдениями: наш варварский капитализм привел его в ужас, потом он написал, побывав во многих значных местах: «Москва оказалась подороже Нью-Йорка. Гостиница обошлась в шестьсот долларов за ночь. Пара порций скотча в баре стоила официальной месячной зарплаты московского врача. Мы попивали виски, прислушиваясь к разговору молодых, похожих на убийц англичан с изрытыми опой лицами, пивными животами и костюмами от „Гуччи“». Потом ему удалось встретиться с русским бандитом-мультимиллиардером, ему он неосторожно сказал: «Ок, в стране — бардак, и ты этим

пользуешься. Ну а когда же вы начнете приводить страну в порядок для ваших же детей и внуков? Ты — барон-грабитель, Григорий. Так у нас называли Карнеги, Моргана, Рокфеллера. Но они все же кончили строительством больниц и картинных галерей. Когда ты начнешь что-то возвращать обществу?»

Джону ле Карре повезло, его не избили и не убили, а просто послали очень далеко. Вообще вид Москвы его поразил: «На Красной площади прекрасное старое здание ГУМа захвачено „Галери Лафайет“, „Эсте Лаудер“ и другими знаменитыми фирмами. Вереница „мерседесов“ и „роллс-ройсов“ ждала у входа, а внутри жены русских миллионеров болтали и делали покупки. Их водители расплачивались стодолларовыми банкнотами, пятидесятидолларовые не принимались. Я ощутил в себе озлобленного коммуниста, а вовсе не западника». Джон ле Карре нашел, что русские — умные, культурные и отзывчивые. «Никто из тех, кто приезжает в Советский Союз в эти необыкновенные времена и удостоивается привилегии вести такие беседы, которые посчастливилось вести мне, не может избежать непреходящей любви к его народу и трепета перед масштабом стоящих перед ним проблем», — написал он в предисловии к «Русскому дому».

В 2004 году Крис Роббинс пригласил меня и сына с женами на свое шестидесятилетие, которое пышно отмечал в «Артс-клабе» на Довер-стрит, где оказались Дэвид с супругой Джейн, сидевшие рядом с виновником торжества. Меня же с моей Татьяной усадили не без намека за один столик с исполнителем роли Джеймса Бонда Тимоти Далтоном с русской спутницей Оксаной (к счастью, я его помнил по роли Рочестера в сериале «Джейн Эйр»). Там мы пообщались с ле Карре, а на следующий день прибыли двумя семьями в его хэмпстедский дом и там продолжили

веселье. Вскоре я получил приглашение погостить у Дэвида в родном Корнуолле. Он радушно встретил меня на вокзале в Пензансе, однако заметно нервничал, поскольку за ним охотилась некая молодая поклонница в надежде заполучить автограф, а он этой встрече не желал и пытался улизнуть. Там я и запечатлел его на фото, гостеприимного и радостного, с бутылкой в руке. На его «ленд-ровере» мы проследовали прямо в Треффиджиан, в поместье писателя, где я был гостеприимно помещен в гостевой дом. Все предельно просто, уютно, без излишеств, которые до сих пор мрачают ум некоторым внезапно разбогатевшим русским, влюбленным в золотые унитазаы. Хозяйский и гостевой дома высились на каменистом холме, внизу хмурилось серо-зеленое море, видимо, недовольное визитом бывшего чекиста. Из окна гостевого дома я увидел ограду из колючей проволоки, это привело меня в замешательство, однако я постеснялся спросить у Дэвида о назначении этого концлагерного предмета. Успокоил меня лишь вальяжный кот, проскользнувший через проволоку. Домик был чрезвычайно уютен, и вспомнилась моя ночевка в Банбери у выдающегося политика и великого человека Дика Кроссмана. Это было в 60-е годы, когда я активно работал в лондонской резидентуре КГБ, и тогда у Дика в Банбери я весьма боялся, что ночью в мою постель внезапно влетит голая англичанка в сопровождении фотографов и контрразведчиков МИ-5... Однако Дэвид приготовил мне иные дьявольские искушения, которым позавидовал бы святой Антоний: весь холодильник был забит вкусной едой и вином, причем не какой-нибудь дешевой из супермаркета, а великолепным французским «Пуи Фюме» и «Пуи Фюиссе», истинной усладой бывшего советского шпиона! В тот же вечер был теплый ужин, приготовленный собственноручно милой Джейн, супругой и голубой мечтой любого писателя, за-

крывающей его грудью от любых посягательств на его драгоценное время, не говоря уже о секретарской и другой технической работе. Постепенно я понял, что оказался гостем трудоголика, который после утренней прогулки с собакой садится за письменный стол и пишет от руки (!) до самого ланча, а то и позже, Джейн тем временем перепечатывает на компьютере плоды предыдущего дня и дает ему на доработку. Ритм жизни — напряженный: один раз в два года ле Карре считает необходимым выпустить один роман, это обеспечивает ему постоянный свет рампы: первый год читают роман в твердом переплете, второй год в пейпербеке, когда уже на подходе и новый роман. Параллельно идут фильмы, как правило, с лучшими актерами, сделанные по его книгам, иногда он выступает в печати и очень редко дает интервью. Именно поэтому он один из немногих писателей в мире, живущих лишь на доходы от своих сочинений. Дэвид был чрезвычайно любезен и пообещал показать мне Корнуолл, хотя извинился, что раньше трех часов дня от трудов он оторваться не может, таков строгий режим, однако утром роль экскурсовода может взять на себя Джейн. Я рассыпался в благодарностях и заметил, что люблю выпить рано утром бутылку водки и поговорить по душам (это моя англо-русская шутка). Лицо писателя на миг застыло, видимо, он представил пьяного полковника, возможно, даже в офицерских кальсонах, который с хрипами ломится к нему в кабинет, разрушая хрупкое творческое настроение. Впрочем, знаменитое чувство англосаксонского юмора тут же одержало верх над секундной растерянностью. Трапезу мы завершили к одиннадцати часам (а ведь так хотелось покайфовать часиков до четырех!), хозяин любезно довел меня до дома и оставил наедине с бутылкой Pouilly-Fumé, в компании которой я медленно забыл о содержании наших философских бесед.

И правильно сделал: писателя надо читать, а не вылавливать мысли, оброненные случайно за ужином или за рулем! Меня абсолютно потряс и остается любимым роман ле Карре «Идеальный шпион» — произведение автобиографическое, проникнутое предельным трагизмом. Это нужно иметь очень честную душу, чтобы правдиво описать собственного отца — профессионального мошенника, вытягивающего деньги из уже богатого сына, и мать, бросившую семью, когда Дэвиду было всего пять лет! Причем сделать это беззлобно, с уважением и даже с любовью — все же папа Ронни дал сыну образование и даже оплачивал его университет в Берне. На мой взгляд, и приобщение Дэвида к МИ-6 для доносов на сокурсников-прокоммунистов в университете не могло не развить у него чисто человеческого скепсиса в отношении высоких целей в работе разведки, да и использование его как подставы для советской разведки — ох уж, какое это грязное и неприятное занятие! Мне кажется, именно на почве драматизма его юности у Джона ле Карре и сложилась святая вера в добро и справедливость, которая сквозит в большинстве его произведений, критическое отношение к деятельности спецслужб в целом, отвращение к предательству. При этом ле Карре всегда оставался британским патриотом, хотя некоторые его соплеменники — историки спецслужб — весьма скептически относились к его критике британских спецслужб. Увы, но почти во всех странах есть люди, считающие собственные спецслужбы «священной коровой».

Самые прославленные работы ле Карре, где фигурируют Смайли и русский Карла, — это хорошо закрученные психологические романы, где англичане побеждают русских. Однако в то время мы имели в Англии «великолепную пятерку» с Кимом Филби, и в реальности все было наоборот. Но ведь это художественное, а не документальное про-

изведение! У нас в России разведчик-победитель Штирлиц, любимый герой русских читателей, придуман полностью писателем Юлианом Семеновым, и это вполне нормально, как и придуманный Смайли. Джон ле Карре использует «шпионский сюжет» для затягивания читателя, как Достоевский в «Преступлении наказания» использовал криминальную канву. На самом деле, для него важны человеческие характеры, хитросплетения судеб, неожиданность завязки и развязки, в этом деле он преуспел, став писателем мирового масштаба. В беседах с Дэвидом проблемы разведки, советской или английской, практически не обсуждались, это было своего рода табу. К Киму Филби он относился резко отрицательно, так же, как и я отношусь к предателям, перешедшим на сторону Запада. Филби я знал довольно близко по работе в Москве, часто с ним виделся, но ле Карре, по-моему, он не читал, признавал только своего друга Грэма Грина, а остальных писателей шпионских романов игнорировал. Очень сомневаюсь, что он мог выдать и вообще знал начинающего сотрудника Корнуэлла из другой секретной службы (МИ-5), ибо уже после бегства Маклина и Берджесса в Москву в 1951 году (!) был отстранен от дел. В гостях у Дэвида я не только наслаждался изысканными французскими винами. Он нашел время и на «ленд-ровере» повозил меня по Корнуоллу, даже показал места, где жил известный писатель Д. Лоуренс, подозреваемый в связи с немецкой разведкой из-за того, что его немецкая жена Фрида иногда вывешивала сушиться белье, это мог быть некий шпионский сигнал. Заехали к друзьям-соседям: художнику, жившему и работавшему раньше в Египте и других живописных местах, а потом сбывающему свои полотна в Англии. Запомнился мне и визит к его другу, бывшему контрразведчику, а ныне семидесятипятилетнему холостяку и редактору журнала о садоводстве. У него

немного хлебнули виски, и Дэвид представил его как любимца дам. Кстати, и сам Дэвид, на мой взгляд, пользовался большим успехом у женщин, об этом мне не раз говорила его переводчица на русский Татьяна Кудрявцева. Запомнилась мне и история, рассказанная Дэвидом о его службе в Австрии: однажды, еще во времена оккупации, он с коллегой заскочил в венскую пивнушку, и у коллеги случайно выпал из плаща кольт. После этого завсегдатаи словно нюхом почувствовали опасность и стали панически покидать таверну...

Из Пензанса я вернулся полный положительных эмоций, наша переписка продолжалась.

Джон ле Карре не с неба свалился, он продолжатель великолепной английской традиции, когда разведчики превращались в крупных писателей. Пальма первенства в шпионском романе, бесспорно, принадлежит англичанам, на Альбионе разведка всегда считалась делом сугубо патриотическим и благородным (это у нас ее путают со стукачеством), она отлично вписывалась в имперское сияние нации, и при определенной натяжке эту шпионскую страсть вполне можно считать частью национального характера. Из этого не следует делать вывода, что шпионская деятельность автоматически закладывает основы литературного мастерства, скорее, наоборот: прибавляет самомнения и шапкозакидательства. Тем не менее обилие психологического и прочего полезного для писателя материала методически концентрируется в досье усилиями и наружников, и подведенной агентуры, и техническими средствами. Однако нужны острый нюх и талантливый глаз, чтобы отыскать в этой гряде человеческой руды истинные блески, причудливые повороты судеб, трагедии взлета и падения личностей. Если литературно профильтровать оперативные записи бесед в по-

стели, то можно создать диалоги, которым позавидовал бы сам Шекспир.

...Последние годы мы редко общались, но активно переписывались. Вскоре после переворота на Украине в 2014 году Ле Карре прислал мне черновой вариант главы обо мне для своих мемуаров. Вот отрывок в моем переводе:

«В 1980 году Любимов ушел в отставку и использовал свое перо как исполненный юмора, успешный хроникер шпионажа... Жизнерадостный, трижды женатый и не чуждый бутылке, Михаил остается хорошим другом, щедрым на время, встречи и на обилие смачных анекдотов». Далее Дэвид коснулся обстоятельств моей высылки из Англии в 1965 году, в целом они соответствовали действительности. Однако он утверждал, что заведующий отделом коммуникаций Форин-офиса Айвор Винсент был фиктивной фигурой, подставленной мне контрразведкой. Если это так, то англичане шли на большой риск — ведь было совсем несложно установить живого Винсента (впоследствии пошла в Никарагуа), и вообще зачем таким образом компрометировать Форин-офис? А вот второе его утверждение о том, что я пытался обольстить жен английских парламентариев, меня крайне удивило: зачем советской разведке жены депутатов парламента, если от мужей, мало знавших секреты, — как от козла молока? Разве только если я — сексуальный маньяк? Не обошли мы и Украину после переворота 2014 года. Ле Карре писал обо мне: «Его политические взгляды остаются, возможно, такой же тайной для него, как и для меня. Недавно я прозондировал его относительно деликатной проблемы Украины. В ответ получил полные страсти четыре рукописные страницы. С его разрешения привожу их. „Начнем с того, что я включен в книгу «Выдающиеся украинские шпионы», поскольку я рожден в Днепропетровске на улице Карла Маркса (!), где жили

родители моей мамы. Ее отец, профессор медицины, извлек меня для славы, и через месяц я вернулся в Москву. В 1939 году моего отца освободили из тюрьмы на Лубянке (его обвинили в троцкизме, хотя он мало знал о бывшем вожде), выгнали из НКВД и направили в Киев в качестве уполномоченного по мерам и весам (ха-ха!). Мы счастливо жили на улице 25 октября (!)* до 22 июня 1941 года, первой бомбежки. Папа ушел на фронт, мы отправились в Днепропетровск (в противном случае я был обречен на Бабий Яр, как продукт еврейки-матери и отца-чекиста). Все были убеждены, что доблестная Красная Армия отбросит немцев обратно, затем мы проследовали в Таганрог, а когда к нему подошли немцы — в Ташкент через Сталинград. В конце 1943 года переехали в Москву, в 1944 году папа был на Втором Украинском фронте и, когда они освободили Львов, стал заместителем начальника «Смерша» всего военного округа. Мы приехали туда в 1944 году, положение было напряженным, наш дом охранял часовой с винтовкой (!). Я окончил там семилетку, выучил украинский и читал стихи о великом Сталине со школьной сцены. Мы покинули Львов в 1949 году. Этот длинный монолог указывает, что я кое-что знаю об Украине. В России со времен Гоголя их считают «хитрожопыми» (smart asses)**, если вы знаете это слово. Неудивительно, что при большевиках они приобрели Одессу, Донбасс, Харьков, Крым и т. д. За ничего. Для нас Крым — как Гастингс или Брайтон с окрестностями для вас (и, конечно, Севастополь!). С 1991 года на Украине возрастал антирусский национализм, возрождались УПА и другие бандеровские формирования. Майдан был против

---

* Для забывчивых: это день Октябрьской революции 1917 года.

** Разумеется, smart asses — это не украинцы, а бандеровское отребье и их подпевалы, лукавые политиканы, вытянувшие Украину из СССР и обратившие свой предательский лик к Западу.

коррупции Януковича (дерьмо), но перерос в триумф другого дерьма, резко антирусского. Мы были бы идиотами, если бы не вмешались, тем паче что большинство крымчан — это русские. Перестройка возродила чертов капитализм, но единения с Западом не случилось. Я настроен пессимистически в отношении войны в Донбассе, города подвержены обстрелу, не достает продовольствия. США хотят войны между русскими и Украиной, отсюда поток денег хитрожопым. Режим рухнет без войны: Россия будет виновата во всем. Считаю, что ЕС, яростно поддерживая Украину, попал в ловушку и начинает это ощущать“. Позвольте мне немного нравоучений. Мы бьемся в войнах, которые наследуем. Всю нашу жизнь, где бы мы ни были, мы дышим воздухом, в котором родились. Когда мы начинаем умирать, то возвращаемся к своим истокам. Как мог Михаил стать иным, чем он стал? И сноски: Википедия утверждает, хотя я отношусь к этому со щепоткой соли, что в британских разведывательных кругах Михаил Любимов был известен как Смайли Майк».

Так написал Джон ле Карре. Как говорится, тут не убавить, не прибавить.

Мне, в свою очередь, тоже не удалось угадать политических пристрастий Дэвида. Кто он, этот великолепный писатель, ушедший из разведки во имя творчества? Лейборист или консерватор? Либеральный демократ? Боюсь, что я не в силах ответить на этот вопрос. Меня не удивили резкие выступления писателя против Брексита и Бориса Джонсона, ибо Европейское сообщество, на мой взгляд, все же предпочтительней для Англии, чем одиночное плавание в Европе, где разрастаются националистические страсти, часто приводящие к войне. Европейский Союз — своего рода «меньшее зло». Однако я не ожидал, что в последнем романе Джона ле Карре «Агент на передовой» главный ге-

рой, английский разведчик, пойдет на сотрудничество с российской разведкой ради подрыва позиций приверженцев Брексита. И это написал писатель, всегда резко осуждавший Кима Филби как предателя родины!

Я очень удивился, когда один известный английский историк спецслужб, с которым я встречался в Лондоне, заметил, что встречи с ле Карре не делают мне чести, ибо он — критикан спецслужб своей страны. Мне это показалось по меньшей мере странным: я считаю, что для писателя спецслужбы не являются «священной коровой».

Ле Карре верил в идеалы добра и справедливости, хотя у каждого человека свое понимание этого. Он впитал и левые идеи, осознавал язвы капиталистического общества, сочувствовал обездоленным, не выносил акул с человеческими мордами. В интервью газете «Эль Пэ» в 2010 году он осуждал международные схемы отмывания денег, лондонскую плутократию и безнаказанность российских олигархов.

Ле Карре считал, что деньги не пахнут, «они смердят торговлей наркотиками, оружием, заказными убийствами, насилием и чудовищной коррупцией. Я считаю, что банки в значительной степени несут ответственность за международное отмывание денег. Особое беспокойство вызывает эта проблема в России, где вообще нет чистых денег». Джон ле Карре признает, что во времена холодной войны «как минимум половина проблем была другой». «11 сентября повлекло за собой изоляцию США и демонизацию ислама. В отличие от европейцев, американцы считают, что от войны есть какой-то прок. Честно говоря, я этого не понимаю, потому что они проиграли (или не выиграли) все войны, в которые ввязывались. Вторую мировую войну выиграл Советский Союз, американцы не победили ни в Корее, ни во Вьетнаме. Из Ирака они ушли, не доведя дело до конца,

в Афганистане им тоже не победить», — подчеркнул писатель. А вот ле Карре в 2017 году: «Одержимость российской стороны Европой безгранична. С одной стороны, они хотят, чтобы и в них видели европейцев, а с другой стороны, хотят показать европейцам, что они представляют собой нечто лучшее. Но в действительности мы платим, я уверен, огромную цену за то, что мы не протянули руку России, когда Советский Союз лежал в руинах. Никакого плана Маршалла, никакой подробной картины нового мира. Тогда управляла лишь алчность: схватить то, что удастся схватить, растерзать падаль. Мы унизили Россию, что было фатально. Мы оскорбили медведя». Я активно поддерживал перестройку Горбачева, но, увы и ах, она переросла в революцию Ельцина с его клятвами верности США в Конгрессе, сменой общественно-политического строя, варварской приватизацией и распадом СССР. Все это поставило нас в зависимость от Запада, принесло много бедствий народу, создало ориентированную на Запад элиту, готовую под лозунгами свободы и демократии продолжать разваливать Россию. Как писал начальник разведки Леонид Шебаршин, «страна вновь на подъеме — мучительном, долгом, ведущем к голой вершине».

Наши отношения с Дэвидом в 90-е годы были достаточно солнечными: мы радовались сближению России с Западом и концу холодной войны, однако, как мне кажется, по-разному представляли место России в «новом, лучшем мире».

Увы, но войны сопровождают человечество всю его историю, как смерть — человека. Никуда не исчезли законы геополитики, борьба за рынки сырья и рынки сбыта, международные и межгосударственные схватки. Да, баб-ло! — «Люди гибнут за металл! / Сатана там правит бал!» — превращает нас в одичавших зверей. Мир изменился.

В шекспировские времена актеров не допускали ближе кухни, ныне они во власти и даже в президентах, на передний план выплзли геи, девицы с острова Лесбос, миллионщики-блогеры, трансгендеры, отвязная попса и просто психи. Не видно ни Сократов, ни Эйнштейнов, ни Сахаровых. Роботы постепенно заменяют людей, многие собираются на уютный Марс. Мир изменился, но суть его осталась прежней, как у Шекспира: «Жизнь — это сказка, рассказанная идиотом, полная звуков и ярости, ничего не значащая». Уйдет ли человечество в космос и одержит ли, по Николаю Федорову, победу над своим «последним врагом» — смертью? Превратимся ли мы в новую Атлантиду? Об этом думал писатель Джон ле Карре, об этом думают и россияне, и все добрые люди нашего несовершенного, но прекрасного мира.

ГЛАВА О ТОМ,

*как приятно чувствовать себя благодетелем
и жертвовать на дела церковные,
о прелестях дружеских пародий
и шпионской абракадабры*

Мне нечего сказать о солнца и мирах,
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Идиллическое озерцо с лебедями, маковые полянки, заросли репейника, клены и березки, хорошо отмытые овечки — это деревушка Сарратт, на севере от Лондона, рядом с Уотфордом. Тут живут сквайры, отмеченные в английской литературе как жадные, ленивые, трусливые, надменные, бесхарактерные. На самом деле, они не лучше и не хуже жителей моего коттеджного поселка в Подмосковье. Меня с женой пригласили туда по инициативе Джона ле Карре, в свое время работавшего продавцом в Уотфорде у жителя Сарратта и по неведомой причине сделавшего в своем романе эту деревню центром британской разведывательной школы. В Сарратте стояла старая церковь с прогнившей крышей, у сквайров не хватало денег на ее ремонт, вот они и решили издать и продать книгу о Сарратте на основе писаний ле Карре и иных персон, включая меня. Церквушка имеется и в нашем коттеджном поселке под Москвой, она построена неким благодетелем, у нас коттеджи дадут фору сарраттовским сквайрам и имениям русских помещиков, сметенных революцией. Зато у англичан в деревне целых два паба, где они запросто общаются, у нас, увы, рядом лишь бывший пансионат, ныне частный яхт-клуб с шикарным супердорогим рестораном и суровой охраной.

Инициатор благотворительной акции Деннис Дженкс любезно предоставил нам спальню на втором этаже своего

дома, вход наверх пуделям хозяина предусмотрительно закрыт. По моим прикидкам, землицы у Дженкса соток тридцать, тут небольшой огород, теплицы и фруктовые деревья. Нас пригласили в церковь, где я становлюсь как бы центром местного общества — ведь многие не видели русских в глаза. Мы участвовали в службе, она несколько отличалась от православной, но молившиеся приверженцы англиканской церкви тоже «преломляли», как учил Иисус Христос, правда, нас, православных, деликатно обошли. На ремонт крыши я написал рассказ — дружеский шарж на романы ле Карре, где постоянным соперником проницательного и, разумеется, человеческого контрразведчика Джорджа Смайли выступает злобный русский полковник КГБ Карла. Рассказ опубликован в сборнике Джона ле Карре «Сарратт, или Суконщик из Уотфорда». Дело в том, что Дэвид никогда не забывал людей, которые делали ему добро, а таким человеком был суконщик Дик Эдмондс, житель Сарратта и хозяин магазина в Уотфорде, где работал в юности писатель. Вот мой рассказ — пародия на советского полковника Карлу, придуманного Джоном ле Карре.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЛКОВНИКА КАРЛЫ В САРРАТТЕ

В ту ночь, как обычно перед сеансом радиосвязи с Центром, я спал ужасно. Проклятый лондонский туман просачивался сквозь окна, в глотке першило, временами налетал ветер, завывая, словно голодный шакал. Боясь разбудить жену (будучи «совой», она сидела по ночам у телевизора, ложилась поздно, спала чутко и бурно реагировала на все мои шевеления и особенно на храп), я тихо придвинулся к краю нашей железной кровати, бесшумно приподнялся, осторожно спустил ноги и босиком пробрался на кухню, где

находился радиоприемник, замаскированный под стиральную машину «Минутка».

Шифротелеграмма из Центра была выдержана в строго приказном тоне:

«Совершенно секретно. Полковнику Карле. Вам предписывается под надлежащей легендой выехать в деревню Сарратт (графство Хартфордшир) для срочного изъятия контейнера с ценными материалами из тайника „Вельзевул“. Тайник расположен на кладбище приходской церкви Святого Креста, в двух футах к северу от могилы семьи Клаттербаков, известных сквайров, проживавших в этой деревушке. Одновременно наведите справки о некоем мистере Эдмондсе, жителе Сарратта, который подозревается нами в связи с английской разведкой. Операцию следует провести с принятием максимальных мер предосторожности, с самой тщательной проверкой и в воскресенье, когда английская контрразведка отдыхает и расслабляется. Об исполнении доложите немедленно. Пушкин».

О, если бы это был великий поэт Александр Сергеевич! Нет, Пушкин был моим непосредственным начальником в Москве, генералом с жутким характером, обожавшим снимать стружку со своих подчиненных. Он устраивал такие разносы, что некоторых наших сотрудников уносили прямо с его совещаний с инфарктом, а в его секретариате всегда стояли бутылочки с валерьянкой или валидолом, которые подчиненные, ожидавшие аудиенции, истребляли в огромном количестве, словно водку.

Еще одно угробленное воскресенье! Все нормальные англичане на уик-энд выезжали на пикники или мирно тянули свой виски дома, естественно, и английская контрразведка блюла эти святые для англичанина дни, и тут Пушкин был, наверное, прав. Но главным было то, что Пушкин по натуре являлся типичным разгильдяем, не умел строить работу

планомерно и потому сталкивал весь воз в конце недели. Переть в Сарратт при моих остеохондрозе, камнях в печени, геморрое и диких мигренях! Десять лет на нелегальной работе в Англии не прошли даром, работать приходилось и днем, и ночью, придумывая самые невероятные трюки, дабы запутать вездесущую английскую контрразведку. С самого начала мне не повезло с прикрытием: Пушкин приказал мне открыть маленькую сапожную мастерскую, чтобы не привлекать внимания властей, — кого интересует убогий сапожник-одиночка? Во время подготовки в Центре я неплохо освоил сапожное дело и даже для практики ремонтировал обувь почти всех сотрудников нашего отдела, к сожалению, бесплатно. В то время я предполагал, что это прикрытие даст мне массу свободного времени не только для проведения разведывательных операций, но и для размышлений в пабе за кружкой пива или для визитов в Ковент-Гарден, однако работа закрутила меня на все сто. Мы сняли помещение в полуподвале старого дома в бедном районе Спайтфилдс, что в знаменитом трущобном Ист-Энде (конечно, я хотел арендовать что-нибудь поприличнее, но Центр, как всегда, сэкономил народные деньги), зарегистрировали свое частное предприятие и приступили к работе. Жена Татьяна занималась закупкой клея, гвоздей, кожи, каблучков и прочих аксессуаров, необходимых в сапожном деле, я же был хозяином и работником в одном лице. О, этот Спайтфилдс, район иммигрантов и голодранцев, которых я возненавидел уже в первый год своих трудов! Богатые хороши тем, что просто выбрасывают на помойку изношенные туфли, что же касается бедных... Целый день ко мне сносили обувь: дырявые подметки и сломанные каблучки было несложно заменить, но вот треснутая, покоробившаяся кожа, изорванные дырки для шнурков, совершенно косые и кривые туфли десятилетней давности, которые часто приносили невымытыми... На

свою беду, я никому не отказывал, боясь жалоб в полицию и скандалов, это сделало мою сапожную мастерскую чрезвычайно популярной среди местных жителей, народ валил ко мне целый день, и я не успевал разогнуть спину. Вначале Татьяна помогала мне оформлять заказы, но уже через полгода увлеклась верховой ездой и регулярно гарцевала на белом в яблоках коне около Кенсингтонского дворца рядом с Гайд-парком. На это уходила изрядная часть зарплаты, которая после перестройки не только была скудной, но и выплачивалась Центром нерегулярно с обычной ссылкой на сложное экономическое положение в России. Вырученные за работу деньги я был обязан оприходовать и сдать в местный банк — мой счет, разумеется, строго контролировался специальными эмиссарами Центра, временами наезжавшими в Лондон. Но все это мелочи по сравнению с огромной грудой обуви, которая хаотично валялась в углу мастерской! Она так душераздирающе воняла, что очень скоро у меня начались мигрени, иногда кончавшиеся рвотой, я убить хотел всех бедняков, которые бесконечно латают свою обувь, изнашивая ее до последнего издыхания! От постоянного сидения в сгорбленном состоянии развились радикулит и остеохондроз, иногда я вообще не мог разогнуться и выползал со своего рабочего места на четвереньках. Нерегулярное питание привело к язве, порой перегрузки приводили к потере координации движений, и однажды я пробил себе гвоздем палец и угодил в больницу.

Но нужно думать о выполнении приказа грозного Пушкина — тут на меня навалился такой невроз, что, еле успев доползти до постели, я залез под одеяло и накрыл голову подушкой...

«Шпионы!» — кричали все вокруг. И шпионы просачивались через щели в окнах, просовывали длинные носы в двери, выпадали из паутины на потолке, выпрыгивали из ка-

пель, падающих в умывальнике, помахивали хвостами через дырки в паркете, щекотали меня своими усами, впивались в бока маленькими клыками. «Шпионы!» — кричали стены, пожелтевшие фикусы в горшках на подоконнике, фаянсовые чашки, громыхавшие в буфете. Я сорвал подушку с головы и увидел Татьяну в стареньком, еще московском халатике, который из экономии мы прихватили с собой на «нелегалку».

— Шампиньоны! — кричала она. — Сгорели шампиньоны! И все потому, что ты, дурень Карла, пожалел денег на хорошее подсолнечное масло, и опять пришлось жарить на дешевом маргарине...

Боже, я проспал все утро! И не шевельнул ни одной извилиной по поводу предстоящей сложной операции! Где расположен этот чертов Сарратт? Имеется ли его план? Как я найду старинную церковь и кладбище? Как туда добираться, не потянув за собою «наружку»? А вдруг это глухая деревушка, где каждый незнакомец вызывает подозрения у местных аборигенов? И какой-нибудь деревенский пьяница, завидев неизвестного, тут же стукнет в полицию! Пушкину до этого нет никакого дела, сидит себе в своем кожаном кресле и рассылает указилочки. Вот сейчас он уже, наверное, пройдясь пешком по лесочку (забота о драгоценном здоровье), миновал пропускные кордоны нашей штаб-квартиры, строго взглянув на вытянувшихся во фронт охранников, поднялся к себе в кабинет на персональном лифте, игриво ущипнул за бедро милую секретаршу (он их меняет каждые семь месяцев, отправляя в декрет), выслушал рапорт дежурного...

— Карла! — нарушила строй моих мыслей супруга. — Уже приперлись какие-то негритосы и принесли в починку груды сапог! Двигай своей ревматической задницей и принимайся за работу!

Сапоги оказались резиновыми, а негритосы — говорливыми пакистанцами, которых я был готов растерзать. Увы,

в этом жутком «цветном» районе мы с Татьяной превратились в отъявленных расистов, и порой мне бывало стыдно, что я внутренне отошел от интернационального учения Карла Маркса. Одно дело великая теория, а совсем другое — вонючие резиновые сапоги и полное нежелание пакистанцев уразуметь, что кожа и резина не одно и то же, и что эти сапоги больше напоминают разодранные автомобильные камеры. Пакистанцы галдели как гуси и брызгали слюной, в результате я принял заказ — не дай бог прихватят на улице и устроят темную!

Пакистанцы вымотали меня, хотелось хлебнуть полстаканчика водки с пивом и забыть о предстоящей операции. О, как я любил сто грамм с прицепом еще в бытность курсантом спецшколы, как пели мы все вместе патриотические песни, а потом выползали из засекреченного объекта в ближайшую деревушку, где водили хороводы юные колхозницы!

— Что с тобой, Карла? Ты выглядишь таким изможденным, словно всю ночь доил корову! (Татьяну подбирали мне в жены по рабоче-крестьянскому признаку, до этого она работала дояркой в колхозе «Заветы Ильича».)

— Пришло задание от Пушкина, нам придется поработать в воскресенье...

Я схватил атлас, нацепил очки и нашел Сарратт, затаившийся рядом с Уотфордом, к северо-западу от Лондона. Миль сто, не больше.

— Но в воскресенье утром у меня верховая езда...

— И чудесно! Это прекрасная легенда для выхода в город. Я тоже проеду с тобой.

— А как же твой радикулит?

Я с укоризной взглянул на Татьяну и промолчал: нам ли, профессиональным разведчикам, думать о здоровье при исполнении служебного долга?! Да если бы Родина потребовала, я пополз бы в Сарратт на животе, плюнув на приступы

печени и такую мелочь, как остеохондроз. А Пушкин — все равно сволочь, которому плевать на здоровье своих подчиненных.

Всю субботу я изучал схему Сарратта в читальном зале районной библиотеки, правда, схема была составлена в пятнадцатом веке, через двести лет после появления этой деревни. К счастью, церковь Святого Креста уже была воздвигнута, и, соответственно, образовалось приходское кладбище. Что ж, могилу Клаттербаков и оперативную обстановку вокруг определим на месте. Поздно ночью я вывел из гаража свой подержанный «Фиат», после тщательной проверки доехал до метро «Северный Хэрроу», припарковал машину недалеко от станции и благополучно вернулся домой.

Рано утром в воскресенье Татьяна упорхнула на верховую езду, я же придал себе облик истинного английского джентльмена в выходной день: бриться не стал, нацепил на себя изношенный пуловер, мятые вельветовые брюки и истоптанные замшевые туфли — что поделаешь, если англичане любят выглядеть в воскресные дни как бомжи? В Вене или Цюрихе в таком виде меня тут же заграбастала бы полиция за бродяжничество, но только не в Англии. Опасаясь приступа гастрита, я съел лишь тарелку омерзительной овсянки (сейчас бы любимого борща с чесноком или котлету по-киевски), нашел две большие сумки и поперся на рынок Портбело, изображая из себя мужа, озабоченного домашним хозяйством. На рынке я отчаянно торговался, купил двух разделанных кроликов, пару кило огурцов, арбуз, картошки, набил обе сумки до отказа и двинулся пешком домой. Расчет был тонок: если бы за мной велась слежка, она тут же отстала бы, увидев такую поглощенность домашними делами.

С двумя распухшими сумками, покачиваясь, прихрамывая и потирая свой радикулит, я тащился по улице. Иногда мой острый глаз падал на витрины, отражавшие пуб-

лику на другой стороне улицы, порой я наклонялся якобы зашнуровать ботинок и в это время просматривал всех идущих сзади. Важнейший этап операции: поворот за угол и тут же вниз по лесенке в расположенный там общественный туалет. Пустота и тишина. Никаких подозрительных стуков каблуков. Я залез в кабинку и просидел там добрые двадцать минут, дабы взять возможную наружку на измор: у кого хватит выдержки, чтобы не заглянуть? А вдруг я закладываю там тайник? Оставив обе сумки в туалете (до боли в сердце было жалко кроликов, которых я не ел уже лет десять), я выскочил наружу и схватил кеб.

— Гайд-парк! Метро «Найтсбридж»!

— Йес, сэр! — пророкотал таксист голосом, чрезвычайно напоминавшим заместителя генерала Пушкина полковника Белинского. Я даже вздрогнул от неожиданности, но, внимательно рассмотрев физиономию водителя, понял, что ошибся. Эх, батенька, нервы совсем расшалились, пора в отпуск подлечиться в Пицунде или в Паланге, впрочем, во время этой грабительской приватизации все расхищено, предано, продано, подарено националистам, а нам, слугам народа, остался лишь один санаторий в Сочи, доступный в хорошее время лишь зажавшемуся начальству...

Прибыл на точку тютелька в тютельку, уже вдали на песчаной аллее вырисовывался туманный силуэт Татьяны в широкополой шляпе и высоких ботфортах, она изящно покачивалась в седле, как Жанна д'Арк перед боем, только обнаженного меча не хватало. Спешившись, она бросилась в ожидавший кеб, и мы помчались к метро «Эджвер-роуд». Татьяна прихорашивалась в зеркальце (на самом деле следила, не идут ли за нами подозрительные машины); мы расплатились с такси, нырнули в «трубу», вышли через оставку из вагона и перед самым закрытием дверей вбежали обратно. Добрались до «Северного Хэрроу», а там излюблен-

ный трюк: подъем вверх по эскалатору, идущему вниз. Это тяжело и сердце выскакивало из груди, но работа есть работа и требует жертв. В подобных случаях наружка теряется, мечется и не знает, как действовать: бежать ли следом и выдать себя или поехать по эскалатору вверх с риском потерять объект слежки. Вырвавшись на улицу, мы попетляли по переулкам и проходным дворам, пока не добрались до моего «Фиата». Три часа интенсивно крутились с проверкой по дорогам на пути к Сарратту. Только бы эта сука-контрразведка не следила за нами из-под земли через прорытые шахты или на легких истребителях, укрываясь за облаками!

Вскоре мы очутились в городишке Рикмансворт недалеко от Сарратта. В машине мы договорились с Татьяной встретиться в 8 часов вечера в сарраттском пабе «Петух», на повороте я быстро выпорхнул на улицу и заскочил в «нон-стоп», где прокручивали боевик. Даже если бы наружка и шла в хвосте, она не могла бы засечь мой выход и потянулась бы за Татьяной... Ну а у моей боевой подруги глаза был как ватерпас, и она мгновенно бы расколола слежку. Выйдя из кинотеатра, я схватил такси, и мы взяли курс на Сарратт. Боже, после всех этих треволнений я чувствовал себя как лошадь, на которой целый день таскали воду, а ведь операция только начиналась...

Сарратт живо напомнил мне пушкинские места (не генерала Пушкина, нет!), которые в юности, до работы в разведке, я обошел с рюкзаком, ночуя на берегу Сороти в тригорском парке и питаюсь свиной тушенкой, подогретой на портативном примусе «Шмель». Живописная речка Чесс, зеленые, девственные луга, лесные фиалки, примулы и анемоны. По покойно текущим водам плавали утки и гуси, вдаль я заметил даже несколько белоснежных лебедей. Солнце уже прощалось с уходящим днем и медленно опускалось за горизонт. Сейчас достать бы спиннинг и порыбачить, а не тащиться на кладбище с тяжелейшим зада-

нием! Я шел вдоль речки, притворяясь любопытствующим туристом, ведь в деревнях все жители прекрасно знают друг друга, и любой незнакомец может вызвать подозрение.

Вот и старинная церковь Святого Креста, за железной оградой виднелись и могилы. В этот час ворота уже были на замке, и я обошел ограду, надеясь найти щель. Сонное царство и, увы, никаких дыр. Что делать? Но, как учил товарищ Сталин, нет крепостей, которые не могут взять большевики! Вперед, полковник, на абордаж! Я собрался с силами, ухватился за верх ограды, подтянулся (о, мой радикулит!), занес одну ногу, отжался и прыгнул вниз. Раздался треск — это были мои джинсы, зацепившиеся за шпиль ограды, — и я повис над землей как беспомощная сосиска. Еще одно движение — и я рухнул вниз, прямо на многострадальный зад. Подняв голову, я увидел кусок джинсов, развевающихся на шпилье под легким ветерком, словно королевский флаг в Виндзоре. Судорожно ощупав себя, я обнаружил лохмотья, прикрывавшие сатиновые трусы еще советского производства (никакие другие я носить не могу!), пришлось сбросить остатки джинсов и приступить к работе в исподнем.

Не могу сказать, что кладбища всегда притягивали меня, более того, я их боюсь как огня: там со мною происходят странные вещи вплоть до обмороков. И это при том, что в разведке кладбища играют важнейшую роль: где еще удобно оборудовать тайничок, засунув руку в склеп (часто моя рука покрывалась холодным потом в предчувствии неожиданного клацанья мертвых челюстей, норовящих отхватить палец), где еще так удобно провести встречу с агентом, усевшись на скамейке и скорбно поливая слезами могилу? Совсем недавно в день Октябрьской революции я по старинке посетил кладбище Хайгейт, дабы возложить букет цветов к памятнику Карлу Марксу (огромная бородатая голова). Постояв у монумента, я мирно зашагал по тропинке к выходу

и вдруг увидел, что навстречу мне идет Карл Маркс — величественный и энергичный, шагает сам Карл, зажав под мышкой том «Капитала». Я решил, что это обыкновенный бродяга, запущенный и не стриженный много лет, обыкновенное случайное сходство — и вдруг прохожий, поравнявшись со мной, наклонился и чуть пощекотал меня своей бородой. От неожиданности я брякнулся на землю и потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что лежу прямо на тропе рядом с могилой философа Герберта Спенсера и рядом из земли торчит длинный белый палец с огромным желтым ногтем и грозит мне... грозит! Стыдно признаться, но почетный чекист мчался, словно перепуганный заяц, к выходу.

Но за работу! Я легко нашел могилу Клаттербаков, обкрутил разорванными джинсами поясницу (радикулит), достал складную лопатку и компас, отмерил два фута от могилы на север и начал копать. Ночь уже окутала кладбище, я полностью обрел себя и даже почувствовал блаженный покой, какой обычно наступал после блестяще проведенной операции (так бывало после удушения двух-трех диссидентов). Вдруг я почувствовал пристальный взгляд из-за кустов, зеленый и пронзительный, как у собаки Баскервильей. На миг окаменел от страха, но тут же взял себя в руки и поднял лопатку. Треск кустов — и жирная кошка мелькнула в лунном луче и скрылась в кромешной мгле. Что делает тут кошка? Ищет кости мертвецов? От этой мысли мне стало безумно весело, снял с талии джинсы, достал из заднего кармана фляжку с виски и сделал затяжной глоток.

Виски приятно обжег пищевод, докатился до желудка и даже, по-видимому, прошел в ноги: лишь до колен прикрытые трусами, они внезапно потеплели.

— Что вы тут делаете? — раздалось как гром среди ясного неба, хотя это был человеческий и даже несколько интеллигентный голос.

Я закашлялся, виски вперемешку со слюной вылетали изо рта, глаза слезились, но сквозь темноту я смог различить маленького священника с фонариком в руке, миролюбивого на вид, но вполне грозного в текущий момент.

— Кто вам дал право залезать сюда без разрешения?! — он решительно взмахнул фонарем. — Я немедленно вызову полицию!

— Извините, отец мой, я пришел сюда по личным делам, у меня тут похоронен родственник... К сожалению, ворота были закрыты...

— Какой еще родственник?! Тут лежит семья Клаттербак! Почему вы говорите с иностранным акцентом? Кто вы такой? Шпион? — вопросы сыпались на меня как камни с неба.

— Я поляк, отец мой, но живу в Лондоне всю жизнь. Мой отец эмигрировал из Польши перед вторжением Гитлера и служил в армии генерала Андерса. Боролся и с фашистами, и с коммунистами. Произошло экстраординарное событие... позвольте объяснить...

К счастью, фонарик падре осветил порванные джинсы и добрался до моих трусов — весь этот натюрморт заставил его несколько смягчить тон.

— Давайте зайдём в приход, у нас не принято бегать голым по кладбищу... Вы католик?

— Формально — да. Но здесь я хожу в англиканскую церковь, она свободнее и не так ритуальна, как католическая. Разница не так велика, все мы верим в Христа. Ведь правда? — и я униженно заглянул в глаза священнику.

Тем временем мы оказались в небольшой пристройке рядом с церковью.

— Вот вам иголка и нитка! — деловито сказал патер. — Зашейте джинсы! Что вы делали на могиле?

Я сбивчиво объяснил, что мой больной дядя попросил меня прибыть на могилу к своему брату — моему отцу —

и поставить свечку в день его рождения. Видимо, я что-то напутал, не туда попал — и вот результат. Священник слушал рассказ идиота и покачивал головой, а я тем временем наскоро скрепил ниткой обрывки джинсов, натянул их на себя и почувствовал себя истинным джентльменом. Тем более что в другом кармане нащупал еще одну фляжку виски.

— Когда-то Клаттербаки жили на Миклфилд-хилл, в доме, где сейчас проживает Дик Эдмондс... — задумчиво заметил опиум для народа. — Может, ваш дядя с ним знаком?

Имя пронзило меня насквозь: вот она — удача! Вот она — плата за разорванные джинсы и страдания на изгороди! И так всегда: поругаешься с негритосами в мастерской — неожиданно тебя обласкает Татьяна, брякнешься, спускаясь вниз по лестнице, — наутро Пушкин присылает благодарность за успехи в работе. Баланс несчастья и счастья, движущий стержень моей жизни, единство противоположностей, как учили классики.

— Дорогой отец, — сказал я, растягивая до боли улыбку и, видимо, напоминая пожившего Чеширского Кота из знаменитой книги. — Дорогой отец мой, не окажете ли вы мне честь? Не могли бы вы выпить со мной немного виски в память о моем усопшем папане?

Враг трудового народа опустил глаза, но явно заколебался. Симпатичный человек. Может, его завербовать? Священники всегда нужны нашей службе, ведь через них можно получить доступ к церковным книгам, где регистрируются рождения граждан, а потом получить свидетельство о рождении и паспорт, причем совершенно законно. Помнится, таким образом мне добыли документы на фамилию новозеландца, который давным-давно умер. Надежный поп — находка для шпиона.

Патер отошел к буфетику, достал стаканчики, поставил их на стол и начал копать в холодильнике в поисках легкой

закуски. Тем временем я налил виски, бросил в его стакан специальную психотропную пилюлю, которая могла вогнать в сон даже слона. Мы подняли стаканы и тяпнули за папаню.

— А кто такой господин Эдмондс? — еще шире улыбнулся я.

— О, это замечательный человек, это гордость нашей деревушки!

— Он не работает случайно в английской разведке?

— Было бы странно, если бы он не трудился в этом почтенном учреждении, — заметил мой поп, начиная засыпать.

— У него есть слабости?

— Огромная шумная семья, он любитель охоты на лис, прекрасный рыболов. Единственная его слабость — это то, что он здоров как бык! — и патер опустил голову на стол и засопел.

Половина задания выполнена, Пушкин будет счастлив.

Я выскочил на кладбище и начал копать. По описанию, контейнер с материалами изготовлен в виде камня, моя лопатка работала так энергично, словно я снова превратился в юного курсанта и осваивал целину в Казахстане. Неожиданно нечто липкое коснулось руки, и холодный пот прошиб меня: неужели это та самая гробовая змея, которая ужалила Вещего Олега? Лягушка! Тьфу! Между прочим, генерал Пушкин обожал лягушек и постоянно просил меня в отпуск привезти несколько упаковок этих обработанных французских тварей. Я представил, как его секретарша и любовница Людка жарит их на сковородке, а он толчется рядом и пускает голодные слюни. Какая гадость! И тут звонкий удар лопатки по камню — ура, вот он, контейнер! Единство противоположностей.

Быстро бросил его в рюкзачок вместе с лопаткой и на радостях легко перемахнул через ограду — воистину удача окрыляет человека. Нажал на кнопку радиосигнального аппарата, и через пять минут появился «Форд» с моей су-

пругой за рулем — все это время она поджидала меня около мусорной свалки, вонь там стояла жуткая, но не привыкать! Неслучайно за боевые заслуги она имела саблю с дарственной надписью от руководства службы.

И мы помчались к Лондону, словно два Шумахера на «Формуле-1», сердца наши бились в унисон, и я уже прикидывал, какую бравурную телеграмму направлю генералу Пушкину. Дома, не теряя времени, я начал возиться с камнем, который, как ни странно, не имел кнопки, открывающей контейнер. Черт побери! Эти вечные накладки! Я схватил молоток и с силой ударил по камню, он раскололся, и моему взору представилась небольшая железная шкатулка явно старинного происхождения. Я открыл ее.

— Танечка, иди сюда!

Мы завороженно смотрели на крупные бриллианты, мерцавшие загадочным и многообещающим огнем. Тане вдруг стало плохо, она мягко опустилась на пол, и пришлось влить ей в нос нашатырный спирт.

— Мой дорогой Карла! Это же бесценный клад! Нам этого хватит до конца жизни!

— Как тебе не стыдно! Мы должны сдать все это в фонд мира, разве ты не знаешь инструкций?

— И сидеть с голой задницей на пенсии в пятьдесят долларов?

Но политического убежища мы не попросили. В первый же отпуск я представил генералу Пушкину рапорт об отставке, мы купили дачу в Барвихе и с тех пор регулярно поднимаем бокалы в честь семейства Клаттербаков. Но все же порой налетает грусть, и хочется хоть на миг вернуться в сапожную мастерскую и немного поработать молотком.

Как ни смешно, но этот незатейливый рассказ был высоко оценен солидным журналом «Спектейтор». За продажу книг

сарраттовцы выручили сто тысяч фунтов стерлингов, крышу отремонтировали, и я таким образом вошел в историю Англии.

...Мистер Деннис Дженкс любезно предложил нам съездить в университеты Кембриджа и Оксфорда. Кембридж я прекрасно знал по описаниям В. Набокова, да и знаменитая «кембриджская пятерка» с Филби и другими училась именно там. Во время кубинского кризиса 1962 года меня пригласил выступить Тринити-клуб Кембриджского университета, и я, тогда третий секретарь советского посольства, вдохновенно отстаивал нашу позицию по Кубе и отрицал переброску туда советских ракет. Тут произошел и конфуз: во время моего спича стало известно, что Хрущев неожиданно признал наличие на Кубе ракет. К счастью, английские студенты не забросали меня тухлыми яйцами, ведь они прекрасно знали, что дипломаты постоянно лгут во имя интересов своей страны. Из Кембриджа мы направились в Оксфорд, где учительствовал не только Джон ле Карре, но и Льюис Кэрролл. У шопа «Алиса», расположенного рядом с домом, где проживала любимица Кэрролла, девочка Алиса Лидделл, нас встретила сама Алиса из Страны чудес.

— Извините, сэръ, но меня крайне шокировало ваше поведение, уж мы с Чеширским Котом никак не ожидали этого от вас...

— В чем дело, Алиса? — не понял я.

— На каком основании вы запретили нам входить в предыдущую главу? Мы, граждане Великобритании, протестуем против такой дискриминации и намерены выйти на сидячую забастовку у колонны адмирала Нельсона на Трафальгаре!

Чеширский Кот уже стоял рядом с Алисой и громко выл, как самый настоящий шакал.

— Но позвольте, господа, разве я не имею права пускать или не пускать определенных персон в сугубо конфиденциальный мир моего друга ле Карре? Тем паче что вы, по-

чтенные господа, не шибко интересуетесь шпионскими романами.

— Почему вы постоянно подчеркиваете нашу малообразованность? Алиса училась у самого Льюиса Кэрролла, а я окончил Сорбонну! — заорал Кот, напряжнив свои мощные лапы.

Тем не менее в лавку меня впустили. Живопись с Белым Кроликом, Безумным Шляпником, скучающей Соней и, конечно же, с чудесной Алисой. Книга Кэрролла в разных видах с различными дорожными украшениями. Подсвечники с Алисой, игральные карты со всеми персонажами, керамика, игры, настенные часы с Красной Королевой.

— А нет ли тут у вас какой-нибудь чашечки? Например, с Моржом и Плотником, которые пудрили мозги устрицам и в результате всех их сожрали? — тут я не совсем тонко намекал на исчезновение заветной чашечки с коровкой внутри.

— Вы пытаетесь снова уйти от ответственности и помешать нам обсуждать шпионскую литературу? — у Алисы расширились ноздри, как бы из них не полыхнуло пламя. Ну и баба! Видно, мне не суждено отмазать обратно любимую чашечку с коровкой...

Что ж, придется начать обсуждение. Как писала шеф британской разведки Стелла Римингтон, «чтобы заснуть, нужна доза шпионских историй, это гораздо лучше, чем считать овец». В Англии всегда процветал шпионаж, агентами были писатели Бен Джонсон, Кристофер Марло, даже великий Шекспир вместе со своим папой служили елизаветинской шпионской машине. Не говоря уж о Даниэле Дефо, мастере по организации гонений на диссидентов. По странной причине Великобритания явилась в XX веке первой страной, где шпионы оказались талантливыми писателями. Таким был Уильям Лё Кё, дипломат и шпион, автор нескольких сотен рассказов и романов. Его фантазии поражали, например, его

герой угощал своих врагов сигарами с наркотиками и читал секретные договоры, лежавшие у них на столах. Много писал о шпионаже военачальник и разведчик сэр Роберт Баден-Пауэлл, основатель скаутского движения. Не могу не отметить английского разведчика Брюса Локкарта, орудовавшего в Москве в революционные годы и написавшего потом талантливые мемуары. Сомерсет Моэм не служил в разведке, а сотрудничал как агент. Главной его разведывательной миссией, как он признается в мемуарной «Подводя итоги», было сохранить Россию на стороне Антанты в Первую мировую войну — задача, которую он блистательно провалил. Зато написал ироничные «Эшенден, или Британский агент» и «Рассказы о секретной службе», отмеченные поразительными находками. Чего стоит, например, доблестный агент, жизнелюб и мексиканский генерал, который по заданию английской разведки душит в отеле вражеского агента-грека (потом оказывается, что жертвой стал совсем другой грек). Грэм Грин служил в разведке совсем немного во время Второй мировой (сидел в одном кабинете со своим начальником Кимом Филби, с которым оставался дружен и после бегства последнего в СССР), вклада особого не оставил, зато унес с собой на волю горький привкус бюрократической тусовки и в результате стал острым критиком разведки. Вспомним, как шеф английской разведки восхищается пылесосом, преподнесенным ему хитроумным агентом как новое оружие, как поглаживает его и восклицает: «Посмотрите, какой у него резервуар!» В романе «Наш человек в Гаване» Грин остро высмеял американскую интервенцию. Не забудем и разведчика Комптона Маккензи с сатирой «Вода в мозгу», за которую его долго терзали спецслужбы. О создателе агента 007 (номер телефона шефа ЧК Феликса Дзержинского) — Яне Флеминге. Его Джон ле Карре снисходительно презирал, как и всю мелкотравчатую шпионскую литературу. Да и шеф

МИ-6 Стелла Римингтон не в восторге от Флеминга: «Бонд — не шпион, хотя говорить об этом — почти ересь. Он не более чем лицензированный убийца, у которого нет миссии, кроме как уничтожать». Я имел удовольствие соприкоснуться с Флемингом в Лондоне. Леди Антония Фрейзер, процветающая писатель и жена министра, временами давала светские приемы, на которых крутились парламентарии, журналисты, дипломаты и лондонская богема. Меня представили узколицему джентльмену, скучавшему в углу с бокалом в руке. Мы обменялись приветствиями.

— Очень рад познакомиться с советским шпионом, — улыбнулся он.

Я не обиделся и тоже осклабился в ответ, ибо каждый второй англичанин подобным образом шутил с советскими дипломатами, английский юмор — штука загадочная. Ян Флеминг только что приехал с Ямайки и похвастался дивным тропическим климатом, посетовав на плохую погоду в «мастерской мира». Поговорили о нашумевшем тогда деле военного министра Профьюмо, связавшегося с проституткой Килер (с другой стороны ее обхаживал помощник нашего военно-морского атташе Евгений Иванов). Флеминга я не читал, разведывательного интереса он не представлял, да и ему явно не было дела до разных дипломатических шибзди-ков. Мы вежливо договорились о будущих контактах и расстались навсегда.

Ян Флеминг происходил из богатой семьи (отец — консервативный политик, мать — светская львица), за плечами привилегированная школа Итон (изгнан за аморальное поведение), затем военная академия Сандхерст, английская кузница офицерской элиты (тоже не повезло, исключили за самоволку). Подвизался на разных работах, в том числе в банках и в журналистике, успешно плейбойствовал. С началом Второй мировой войны Ян Флеминг был мобилизован и взят на службу в военно-морскую разведку. Ни в каких специаль-

ных операциях Флеминг лично не участвовал, однако был причастен ко многим разведывательным планам, в том числе и к известной акции по дезинформации немцев накануне высадки союзных войск в Сицилии (тогда немцам подбросили труп английского офицера со сфабрикованной депешей о высадке в Грецию и Сардинию). Демобилизовался Ян Флеминг в мае 1945 года, однако за свои военные заслуги повышения в звании не получил. Для смягчения своих несбывшихся амбиций вожделенным орденом св. Михаила и св. Георгия (мечта разведчика) он удостоил своего литературного героя Джеймса Бонда. После войны во время поездок Ян Флеминг очутился на Ямайке. Тамшний тропический климат пришелся по душе изможденному дождями и туманами англосаксу, он поднапрягся, построил себе уютную виллу, там он вдоволь пил любимый джин в самых разных вариациях, еще больше курил, глотал одуряюще крепкий кофе, сочинял свои романы и киносценарии, играл в гольф на ямайских площадках. Жажда обогащения преследовала его, найти золотую жилу долго не удавалось. В 1953 году появилась первая, одна из лучших книг о приключениях Джеймса Бонда — «Казино Рояль». Только в 1962 году удалось пробить фильм «Доктор Но» с великолепным шотландцем Шоном Коннери в главной роли. Популярность Флеминга нарастала как снежный ком. Во время войны Флеминг познакомился с Джоном Кеннеди, который, уже в качестве президента, отметил, что в восторге от романа «Из России с любовью» — этим он весьма способствовал росту продаж книг Флеминга в США и других странах. Разбогатев, он приобрел себе и замок недалеко от Лондона, в Кентербери, так и метался между двумя домами. Как пел Владимир Высоцкий:

В глуши и в дебрях чуждых нам систем
Жил был известный больше, чем Иуда,
Живое порожденье Голливуда —
Артист, Джеймс Бонд, шпион, агент 07.

По словам бывшего пилота королевских военно-воздушных сил, ныне эксперта по делам разведки и талантливого журналиста Гленмора Тренер-Харви, шеф английской разведки «Сикрет Интеллидженс Сервис» (МИ-6) сэр Колин Маккол сказал: «Бонд являлся нашим большим помощником в вербовке».

Если действительно кадры английской разведки пополнялись за счет фанатов Бонда, то англичанам не позавидуешь.

Но шпионская литература давно стала массовым трендом и пользуется популярностью. Иногда я сам балуюсь книгами и фильмами такого рода, невольно напокая давний вагонный шлягер о батальонном разведчике:

Потом я лежал в лазарете,
Три долгие года лежал.
Рыдали все сестры как дети.
Ланцет у хирурга дрожал.

Нервная беготня с пистолетами, автомобили, красиво горящие в воздухе, шум и гам, потерявшие память агенты, дамы — и шпионки, и убийцы, и ослепительные любовницы... Фильмы о Бонде прекрасно идут и под виски, и под водочку, хотя однажды ле Карре сказал об этих фильмах: «Fuck them off!»*

Тут начался невообразимый гвалт. Алиса хлопнула меня по физиономии, зарыдала и заперлась в своей лавке, а Чеширский Кот перевернул стол, внезапно обернулся серым волком и стал на меня рыча наступать.

О, эта тоска по бесконечности... Fuck it off.

---

* В таком случае Пушкин писал издателю Шишкову: «Шишков, прости: не знаю, как перевести».

ГЛАВА О ТОМ,

*как мне заморочила голову
чудесная Алиса, о безобразиях
на Бреге Лазурном и о том,
почему опасно пьянствовать
в Монте-Карло и вообще пить*

Не верьте ни одному книжному путе-
водителю, не верьте ни гидам, ни мест-
ным жителям, ни зрителям тюрем,
дворцов и музеев и сторожам при них...

А. Куприн. «Лазурные берега»

— Только идиоты в июле и августе едут на Лазурный! И тем более в Канны! — вскричал я. — Жуткая жара, духота, озверевшие массы туристов...

— Значит, я — такая идиотка! — спокойно возразила Алиса. — Мне приятно поговорить с интеллигентными людьми на пляже, заскочить в «Галери Лафайет», «Эскаду», «Картье», вечерком послушать концерт во дворце Фестивалей, прогуляться по звездной набережной Круазетт, поужинать в легендарном «Мартинез»...

— В «Мартинез»?! На какие такие шиши?

— А какое счастье взглянуть на отпечатки ладоней Джейн Фонда, Клода Лелуша, Настасьи Кински, Сильвестра Сталлоне на Аллее кинозвезд... — сладостно пела Алиса, считая, видно, что уже превратила меня в верного пажа.

— И ради этого смешиваться с потной, вонючей толпой, обедать в переполненных ресторанах, простуживаться из-за безжалостных кондиционеров! — орал я. — Какие там пляжи? В Каннах и берега не видно — сплошные ряды лежаков! Лучше я поеду к дедушке Ване в глухомань, разбухну там на картошке, лучше повешусь, чем поеду в Канны!

И вот мы в Каннах.

Стоит глухая, неподвижная жара, ни легкого бриза тебе, ни мистралья, ни трамонтаны. Конечно, я понимаю, что вкусы у всех разные: для одних — теплое море и солнце, для других — модные туалеты в филиалах парижских магазинов, для третьих — бутылка водки в номере, или ночь в дискотеке, или и то и другое. Я же люблю перемену мест, страдаю на пляже ради Алисы, авось на том свете зачтется... И — о счастье! В первый же день она сторает на солнце!

— Алиса, миленькая, тебе нельзя на море! Давай придумаем что-нибудь другое...

Дабы мои аргументы упали на взрыхленную почву, предлагаю благоверной поужинать в ресторане (улитки, рагу из кролика, набор отменных сыров от бри до «Шом», бутылка доброго шабли). Там и развиваю гениальную мысль о вояже в папский Авиньон, где вечная тень, исцеляющая от солнечных ожогов. В новой шляпе Алиса похожа на Грету Гарбо из антисоветского фильма «Ниночка».

Бросок в Авиньон занимает около часа, за окном мелькают пальмы, кактусы, магнолии и прочая субтропическая зелень, пейзажи духоподъемные (неслучайно местную землю истоптали почти все крупные художники), ласкает глаз синее море, многие коттеджи несут на себе печать XIX века. Тогда и начали застраиваться рыбацкие деревушки Лазурного берега, а Канны вообще стали центром отдыха лишь в 1832 году по прихоти лорда-канцлера Великобритании Броухэма, который не смог пробиться в Италию, где бушевала холера, остановился в Каннах на ночь, привязался к нему всем сердцем и привлек сюда английскую аристократию. В Авиньоне Алиса цепенеет от восхищения. К несчастью, сейчас не проходит театральный фестиваль, но город проникнут его веселым,

карнавальным духом. И духом многочисленных Римских пап, обосновавшихся здесь в 1309 году, живших и вещавших целых шестьдесят восемь лет, отстроив себе величественный папский город, по задумке напоминающий наш Кремль. Узкие средневековые улочки, вымощенные булыжником, грандиозный Дворец пап, рядом различные музеи и, наконец, захватывающий вид на реку Рону. Сумерки средневековья сменяет разноцветная, словно из-под кисти Матисса, площадь Орлог. Там под платанами в уютном ресторанчике мы и выпиваем бутылочку Côte du Rhône и сжираем по кастрюльке мидий по-провансальски.

— Алиса, ты помнишь старый романс?

Шумит ночной Марсель
В притоне «Трех бродяг».
Матросы пьют там эль,
А девушки с мужчинами жуют табак.

Я чуть закатываю глаза и пою хриплым дискантом. Публика смотрит на меня с любопытством.

— Так в чем идея?

— А не махнуть ли нам в Марсель? Туда меньше часа езды...

— Я еще с ума не сошла!

— Оттуда можно подъехать в замок Иф, где томился твой любимый Монте-Кристо!

— Ха-ха! Будто я не понимаю, что тебе хочется пожевать табак со шлюхами! Вот что, милый, катись ты к черту!

Алиса встает, раскрывает свой роскошный зонт от «Барберри» (кстати, мой подарок) и быстрым шагом уходит в сторону вокзала. Я делаю попытку рвануться за ней, но мне преграждает путь официант: «Что угодно, мсье? Счет? Одну минуту». Минута выливается в десять, мое паниче-

ское состояние души уступает место философскому. Ну и что? Не первый раз мне баба устраивает скандал и не последний. Обратный билет у нее есть, денег полон кошелек. В конце концов, я не мальчик, чтобы ползти за ней на коленях... Рюмка коньяку — и я из тряпки превращаюсь в мачо: не подкаблучник же я! Сгоняю на часок в Марсель и вернусь поездом или автобусом в Канны!

Бары переполнены народом. Табачный дым, абсент и ругательства на всех языках земного шара.

А. Куприн

Марсельский порт стоит обедни, не меньшей, чем Париж. Солнце только начинает садиться, покачиваются на волнах белоснежные пароходы и яхты, хохочут ошалевшие чайки, город живет иной жизнью, чем курорты Лазурного берега. В замок Иф экскурсии уже закрыты. Собственно, плевал я на Монте-Кристо и его катавасию с побегом, разве я ради этого приехал в Марсель? Правда, притоны в порту давно переоборудованы в уважаемые кафе и таверны, и при всем желании не увидишь прославленных портовых девок (пою романс: «Там бабы бродят голые, и шлюхи в соболях, лакеи носят пиво там, а воры носят фрак!»). Но разве за этим я сюда приехал из злачной Москвы? Я приехал ради буйабеса, он родился в Марселе, и только в Марселе его умеют готовить! Плюхаюсь за столик, заказываю «Марсельезу» (оказывается именно так именуют тут буйабес) и бутылку полюбившегося ронского. Тут хочется написать большую поэму в честь «Марсельезы», описать аппетитную кастрюльку и ее волшебное содержимое: кусочки судака, скумбрии,

морских гребешков, помидоров, лука, сельдерея, грибов, купающиеся в белом вине. И из этой горячей смеси, отсвечивая в лучах заходящего марсельского солнца, живописно торчат до умопомрачения красные хвосты лангуст! Я купаюсь в блаженстве, попивая вино, Боже, ради буйабеса можно поехать не только в Марсель, но и на край света... Смотрю на часы: о ужас! Уже ушли последние автобус и электричка. Идиот! Поспешно расплачиваюсь и хватаю айфон, ощущая себя нашкодившим котом, увы, без чеширской улыбки.

— Алиса, у меня беда! — голос дрожит от страха (и хвост тоже).

— Что случилось?! — озабоченный голос чудесной девицы, готовой на подвиг в форс-мажорных ситуациях.

— Авария на железной дороге, мне придется возвращаться на такси... — самозабвенно вру я.

— Ты с ума сошел! Это же не меньше 150 баксов! — в голосе звучит металл (словно уже жена!).

— Но что делать? Не ночевать же! (А так хочется одиночества!)

— Перекантуйся как-нибудь, в крайнем случае подремли на скамейке... Вообрази, что ты бомж!

Ха-ха-ха! Ну и ловкач же я! И я врезаюсь в самую гущу толпы, жадно раздувая ноздри, впитываю запахи «Шанеля», смешанные с виноградными ароматами «Вдовы Клико», ползаю раскрепощенным взглядом по оголенным плечам и бедрам блядей, которым Маяковский собирался подавать ананасную воду. Шамкаю себе под нос: «Денег у Грея хватит. Джон Грей за все заплатит, Джон Грей всегда таков!» Блондиночка лет двадцати за соседним столиком вдруг игриво подмигивает. От неожиданности моя душа уходит в пятки, вдруг чувствую себя уставшим, опустошенным, выпотрошенным, вымученным, словно совокупился

с целым полком двадцатилетних блондинок. Поспешно ретируюсь и вдруг вижу надпись «Пансион», кажется, у Бальзака в таких ночлежках любили спать уставшие кучера. Консьержка торгует вином, я беру бутылочку и тащусь в номер. Там храпит (и подванивает) какой-то клошар. Всю ночь ворочаюсь, задыхаюсь от миазмов, часто выбегаю в сортир и в шесть утра уже смываюсь к чертовой матери... На подходе к отелю в Каннах смотрю на пляж и вижу знакомый клетчатый зонт от «Барберри». Алиса уже там, ранняя пташка!

На радостях мы визитируем русскую церковь Архангела Михаила, вошедшую в историю освящением морганатического брака между великим князем Андреем Владимировичем и великой балериной Матильдой Кшесинской.

— Мне что-то скучновато в Каннах, — неожиданно замечает Алиса. — Недавно я прочитала, как бедная американская вдова Шейла Кинг села в туристический автобус и решила попытать счастья в казино Лас-Вегаса. Начала она с «одноруких бандитов» разного типа и выиграла за ночь 250 тысяч долларов. Веселая вдовушка зачастила в казино и в первую новогоднюю ночь выиграла полтора миллиона. Села на «иглу» и играла с переменным успехом: за первые три года выиграла 200 миллионов долларов и все их проиграла... К ее дому в Лос-Анджелесе казино из Лас-Вегаса присылало белый «Мерседес», на заднем сидении которого таились презенты — золотое кольцо или бриллианты вместе с бутылкой шампанского «Мумм» и диковинными цветами.

Намек понят.

— А почему бы нам не съездить в Монте-Карло? Это же почти рядом.

На следующее утро после завтрака (о, эти скудные круассаны с кофе, после них теряешь веру в человечество!)

садимся в электричку, идущую вдоль Лазурного берега до Монако. Жуан-ле-Пен, шикарный курорт с превосходными пляжами, излюбленное место джаз-фестивалей, городок Антиб. Прекрасные музеи Наполеона и Пикассо, балет дельфинов в «Маринленде», джунгли бабочек, маленькая провансальская ферма... Выползаем в Ницце for fun.

Ницца — это сплошное человеческое недоразумение. И Юлий Цезарь, и Август, и, кажется, Петроний избегали этого болотистого, зараженного малярией места.

А. Куприн

Одно удовольствие пройти по Английской набережной (Алиса шумно раскрывает зонт от «Барберри»), выпить по коктейлю в знаменитом отеле «Негреско». В Ницце русский дух, там Русью пахнет: церковь Николая Чудотворца и Великомученицы Александры, музей русской колонии, кладбище Кокад, где похоронено более 3000 известных русских эмигрантов, включая Катрин, светлейшую княгиню Юрьевскую, возлюбленную и морганатическую жену императора Александра II. Там и Вишневецкие из рода моей первой жены Кати и сына Саши. Серб, сподвижник Саввы Рагузинского, полковник Вишневецкий, поставлявший токай армии Петра I, нашел Гришку Розума для принцессы Елизаветы, которая в него влюбилась, произвела в графа Разумовского и тайно обвенчалась. Вишневецкий на этом сделал карьеру и большой капитал. В Ницце блестящая галерея живописи, музеи Марка Шагала и Рауля Дюфи. Увы, Алиса равнодушна к музеям и говорит, что там у нее отберут зонт, а без зонта она живопись не воспринимает. Но мое мятежное

сердце уже жаждет бури, уже горят ладони от тузов и королей, уже загадочно улыбается крупье и барабанят пальцами игроки...

Развращающее влияние Монте-Карло сказывается повсюду на лазурных берегах.

А. Куприн

Если бы мне удалось поймать золотую рыбку и загадать желание, я бы без всяких колебаний попросил: «Посели меня, рыбка, в княжестве Монако, в умопомрачительный „Отель де Пари“, рядом с казино Монте-Карло. Капризную Алиску же отправь на время по синему морю, пусть она тешится хорошей погодой...»

Вот уже семь веков Монако правит род Гримальди, в 1956 году его разбавила американская кинозвезда Грейс Келли, вышедшая замуж за принца Ренье III и в 1982 году погибшая в автокатастрофе. Осматриваем княжеский дворец с галереей в итальянском стиле, салоны, тронный зал и даже музей Наполеона. Перед дворцом стоит караул гвардейцев, сменяющих друг друга ровно в 11:55. Жаль, что сегодня нет спортивных зрелищ, ведь в Монако проходят знаменитые «Формула-1», «Ралли Монте-Карло», теннисный турнир.

А Монте-Карло — просто-напросто вертеп, воздвигнутый предприимчивым, талантливым Бланом на голой и бесплодной скале.

А. Куприн

Чувствую, что у меня горят ладони — так хочется в казино. От нетерпения хватаем такси и подлетаем к самому

входу. Дверцу машины почтительно открывает высокий красавец-негр во фраке и фирменной фуражке. Мой друг, разведчик Александр Иванов, работавший в нашем генконсульстве в Марселе, рассказывал историю о негре, находившемся во время войны в составе американских войск на Эльбе. Там он влюбился в советскую регулировщицу Машу, которая увезла его под Саратов, где он славно трудился в колхозе и народил с Машкой массу негрятят. В конце концов убежал от Маши в Монако, там устроился на работу в Монте-Карло и открывал двери консульской машины Александра Иванова с нежным «Привет, товарищ!». Иванов познакомился с английским писателем Грэмом Грином, проживавшим в Антибе, и тот подписал для меня свою книгу «Почетный консул». «Это Любимов, который чуть не прищемил мне нос, когда я проводил его до машины и нагнулся, чтобы помахать ему рукой?» — спросил Грин. А я вспомнил, как я, коммунист, и он, католик, пили водку на лондонском приеме в честь Иисуса Христа, изгнавшего торгашей из храма.

Рано ушедший генерал Александр Иванов — орденоносец, прирожденный разведчик в работе и в жизни, обаятельный, с чарующими ямочками на щеках. Пытаемся прорваться в тогда неприступный ресторан «Баку» на Горького (Тверская). Саша (многозначительно): «Там был звонок от Гайдара Алиевича» (Алиев, тогдашний член политбюро и генсек Азербайджана). Перепуганный метрдотель ведет в отдельный кабинет, сервис — высший класс. По пути в туалет Саша замечает смазливую девушку: «Извините, я кинорежиссер и хотел бы пригласить вас на съемку...» (протягивает свой телефон). Славно откушав (шашлыки горой и сухое вино рекой), выходим на улицу, Саша обращается к водителю правительственной «Чайки», ожидающей важное лицо. Саша (суперконспиратив-

но и серьезно): «Хозяин просил нас подбросить...» Водитель послушно выполняет пожелание. Магия личности. Вскоре после августа 1991-го генерал перешел на работу в компанию «Ренова» Виктора Вексельберга, с которым был тесно связан. Разбогател, развелся, родил двух очаровательных девочек, развелся, тяжело болел, сорил деньгами, дарил направо и налево. Новая действительность, одухотворенная баблом, пришлась ему не по вкусу. Романтик. Поэт.

Я вернусь к вам, став чуточку старше,
Поседевший от долгих дорог,
Неистраченным, неугасимым
И несломленным грузом тревог.
Не судите меня слишком строго,
Если вдруг после штормов и грез
Окажусь у родного порога,
Не сумевши сдержать своих слез.

Его трогательные строки.

Мы с Алисой важно вылезаем из машины и изучаем обстановку вокруг. Около казино, напоминающего дворец, сгрудилась кучка эмигрантов, живо комментирующих подлетающие черные «Бентли», красные спортивные «Феррари» с открытым верхом, вытянутые желтые «Ягуары». Конечно же, и выходящих оттуда мадам и мсье в вечерних одеяниях («Ну и суки! Зажрались! Денег некуда девать!»). Мы с Алисой тоже не лыком шиты, приоделись вполне прилично и знаем, что в шортах или джинсах в казино не пускают. Предъявляем паспорта (таков порядок!), которые фотографируются и вводятся в компьютер. При входе замечаем вывеску, что запрещено входить в морской форме. Она имеет «русский след»: один из кораблей, доставлявших в бухту Вильфранш членов императорской фамилии (оттуда они следовали в Ниццу), бросил якорь

в порту Монако и на брег ступили капитан и его помощник, пожелавшие попытать счастья в казино Монте-Карло. Бравый капитан в морской форме и с кортиком играл в рулетку и проигрался в пух и прах. Расплатиться было нечем, и он послал помощника на корабль за казенными деньгами. После возвращения на судно капитана обуяли муки совести из-за растраты, он выпил пару бутылей водки, приказал навести пушки на казино и послал гонца с требованием не только вернуть его деньги, но и отдать всю выручку. Угроза подействовала, но с тех пор на морскую форму в казино наложили табу... «Ты помнишь? В нашей бухте сонной / Спала зеленая вода, — шепчу я написанные там стихи Александра Блока. — Когда кильватерной колонной / Вошли военные суда. <...> Случайно на ноже карманном / Найди пылинку дальних стран — / И мир опять предстанет странным, / Закутанным в цветной туман!» Центральный зал казино, облицованный мрамором и окруженный двадцатью восемью ионическими колоннами, переходит в зал оперы со множеством фресок и скульптур. Салоны для игр состоят из просторных залов с цветными витражами, аллегорической живописью и бронзовыми светильниками.

Вся французская печать протитутуируется начальством Монте-Карло с необыкновенной ловкостью и спокойствием. Этим честным журналистам... умышленно платят за то, чтобы они не писали о самоубийствах, случающихся на этой голой скале.

А. Куприн

Но к делу! В моей голове пролетают возбужденные тени великих игроков: английский король Генрих VIII, любив-

ший отрубать головы у своих многочисленных жен, однажды проиграл колокол собора святого Павла придворному сэру Майлсу Патриджу и тут же приказал его казнить. Легендарный Джакомо Казанова однажды просидел за карточным столом сорок два часа без перерыва и за карточные долги угодил в тюрьму. Матерая шпионка и шлюха Мата Хари прожигала там резидентские деньги, Александр Дюма-сын проиграл не только свое состояние, но и все гонорары. И конечно, азартнейший игрок, сумасшедший Федор Достоевский спускал там все до нитки, он, кстати, убедительно умел занимать деньги. Вот строчки из его слезливого письма к добрейшему Ивану Тургеневу: «Обращаюсь к Вам как человек к человеку и прошу у Вас 100 талеров!» А своей лапушке Аполлинарии Суловой — без всяких затей: «Максимум — 50 гульденов, минимум — сколько хочешь!»

О, как я жажду играть! Руки чешутся, пылает душа. Хочу играть! Вмешивается трусливый внутренний голос: 1. не будь дураком и не стремись выиграть слишком много — все равно все спустишь; 2. настройся на поединок, а не на помимку жар-птицы, обычно она улетает из-под носа.

Жалкое и брезгливое впечатление производят эти сотни людей, — нет, даже не людей, а только игроков, — сгрудившихся над столами, покрытыми зеленым сукном!

А. Куприн

Я внимательно смотрю на крупье, его лицо невозмутимо, от него пахнет жуликом. Собираюсь сделать ставку. Подносят виски, коктейли и прочие гремучие смеси. Не на такого нарвались, мсье! Даже идиоту известно, что во всех

казино игроков подпаивают, дабы они понеслись вперед, как ошалевшие кони. Еще используют юных красавиц, которые восхищенно подбадривают, нежно касаясь бедер игрока. С удивлением обнаруживаю около себя скрюченную старушку на двух костылях, она приветливо улыбается мне ослепительно-белой вставной челюстью и говорит на плохом английском: «Вы смельчак, мсье! Я болею за вас!» Как писал Мандельштам, «играй же на разрыв аорты с кошачьей головой во рту...» Чуть не купил фишки на пятьсот баксов. В голове туман... играть! играть! играть! «Ура!» — кричит старушка, и это еще больше подхлестывает меня. Вспоминаю Германа из «Пиковой дамы», его вопль: «Три карты!»

Вдруг появляется возбужденная Алиса с зонтом «Барберри», крепко берет меня за руку и тянет к выходу. По пути я бросаю взгляд на бар и замечаю свою старушку. Костыли лежат на соседнем стуле, она доканчивает бутылку вина, наливая его в бокал двумя трясущимися руками. Костлявые, как у скелета, острые локти судорожно мелькают в воздухе. Она ласково мне улыбается. «Играй же на разрыв аорты...»

Куда нам плыть? Разве что в Hôtel de Paris, где кухня знаменитого гастронома Дюкасса? Недавно мы с сыном, изголодавшись, туда заскочили. Как ни смешно, нас долго не пускали (не было предварительного заказа!), мы с удивлением узрели пустой зал. Гарсон подал шикарное меню, заказали массу вкуснятины (куропатов, голубей, etc). Ожидание превзошло все ожидания, мы, как голодные волки, сожрали все вкуснейшие булки, не оставив места для дюкассовой дичи. Погрузившись в воспоминания о сыне, я не почувствовал, что жую Большой Мак, воткнутый мне в рот чудесной Алисой.

На границе с Испанией нас встретил Чеширский Кот.
— Уж больно вы разгулялись, за вами глаз да глаз! —
молвил он многозначительно.

А чудесная Алиса неожиданно забила ногой, как необъезженная кобылица, и затагнула навзрыд: «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь...»

Куда? Ведь наш мир необъятен. Только в бесконечность.

ГЛАВА О ТОМ,

*как можно проветриться
в Испании, не пронзив пикой
несчастных быков, научиться наливать
по носу в рот вино из бурдюка
и превратиться в мачо*

А мир светляков нахлынет —
и прошлое в нем потонет.
И крохотное сердечко
раскроется на ладони.

Федерико Гарсиа Лорка

«Ну, как ты там поживаешь, старик Хоттабыч? — писал мне обнаглевший Кот, умчавшийся далеко вперед. — Не перестали ли тебе, занудному хрычу, выплачивать пенсию? Живу в самом центре Сан-Фелиу. Старообразный, но приятный город. Только что помочил хвост в море. „Придается все. Лишь тебе не дано примелькаться“, — восторженно писал Пастернак, а у меня море уже давно в печенках!»

Этот Чеширский Кот — безответственное животное, какого лешего его занесло в Коста-Брава? Однообразно жующие и вытирающиеся массы на пляжах, крикливые голоса, внезапный грохот ночью то от взрывов фейерверков, то от завывающего грохота мотоциклов. Переполненные кафе, жара и влажность, — ой, как недалеко ушло все это от времен Сочи, когда я студентом выстаивал очереди за макаронами по-флотски и занимал в шесть утра местечко на пляже для чужой жены! Что ж, мы с Алисой пересекли границу, но разницы не заметили — Европа уже давно на одно лицо. Похожа на большой замечательный музей. Я не принадлежу к обожателям Сальвадора Дали, но считаю с его культом. Эпатажный сюрреалист (часы времени, тающие на деревьях, портрет мальчика с крысой в зубах), величайший эксцентрик, иногда приходивший на

балы с тухлой селедкой, привязанной к широкополой шляпе. Существует байка, что однажды к нему явился на аудиенцию советский композитор Арам Хачатурян, широко известный своим «Танцем с саблями». Целый час он ожидал художника в весьма странной комнате, напоминавшей камеру с наглухо запертыми дверями, и очень захотел по малой нужде. Что делать? Сообразительный композитор быстренько использовал горшок с лимоновым деревцем и успокоился. Прошло еще полчаса. Вдруг в комнату ворвался совершенно голый Дали, скакавший на палке с лошадиной головой. Громко распевая «Танец с саблями», он совершил несколько кругов и с триумфом ускакал обратно. Вскоре появился дворецкий и объявил, что аудиенция закончена. Хачатурян удалился, убежденный в том, что Дали следил за его поведением в комнате, и это была своеобразная месть гения гению... Картины Дали при жизни в основном покупали американцы, в Испании их немного, но зато буйно расцвели три центра Сальвадора Дали: театр-музей в Фигерасе, дом-музей в Порт-Льигате и небольшой замок в Пуболе, подаренный художником своей жене Гале. Театр-музей в Фигерасе создан самим маэстро, его архитектура причудлива и своеобразна, тут и там разбросаны странные памятники, а внутри не только картины Дали и прочих светил, но и разные штучки-дрючки, от которых либо звереешь, либо превращаешься в кисель. Из Фигераса мы двинулись в белоснежный приморский Кадакес, превосходящий по красоте любое место на Коста-Брава. Длинная набережная с памятником Дали во весь рост с пиками-усаами, живописные скалы, галереи, кафе и магазинчики на каждом шагу. Небольшой театр по проекту Дали, музей с восковыми фигурами Дали и его друга Пикассо, старинный автобус, атмосфера гулящей богемы. Там в родительском доме прошла юность Дали, а потом он снял

вместе с Галой одну комнату в Порт-Льигате, что в двух километрах от Кадакеса, где и упивался любовью с ненасытной бабой. А разбогатевав, купил там две рыбацкие хижины и переоборудовал их в дом с садом. Там стоят верблюд и два огромных яйца, символизирующих счастливую пару (в одном из своих трудов Дали писал: «Гала снесла яйцо», — видимо, он имел в виду себя). Между прочим, Гала — это не испанская или французская хухры-мухры, а русская Елена Дьяконова, брюнетка с железным взглядом и волевым подбородком, перед такой бабищей не то что чувствительный художник, но и отпетый русский гангстер встанет на задние лапки. Была преданной женой крупного поэта Поля Элюара, лучшего друга Дали. Но вот однажды Поль с женой приехал в гости к Дали в Кадакес (там сюрреалисты творили Содом и Гоморру), обратно вернулся в гордом одиночестве. Завязался такой бурный роман Дали с Галой, что он после секса не мог говорить и катался по полу, разрываясь от истерического смеха. С тех пор они не расставались, и она запечатлена на многочисленных портретах. Особенно мне нравится Гала в полубогаженном виде с двумя сырыми бараньими отбивными на плечах (символика ясна: бедняга-художник готов был превратиться в барана, лишь бы там полежать). Гала держала мужа в ежовых рукавицах, в Пуболе он не мог показываться без ее разрешения, тем временем она активно наставляла ему рога с молодыми мужиками. В Пуболе она и упокоилась, лежит в довольно мрачной крипте, овеваемая ветрами вечности. Почему художники увлекаются русскими дамами? Вот и Пикассо втюрился в Хохлову, и гениальный красавец Модильяни закрутил роман с Ахматовой («Я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней»), когда она проводила медовый месяц в Париже с мужем — поэтом Гумилевым...

«Приезжай в Сан-Фелиу, прокисший бурундук, мне тут скучно одному, — писал Чеширский Кот, — и привези побольше „Риохи“, без нее у меня не идет в рот гаспачо. Только не жидись, полкаш, бери Reserva, подари пир моей душе и желудку! И умоляю тебя: хорошо потренируйся, прежде чем готовить паэлью, в прошлый раз ты не доложил лангустов и оставил меня голодным».

Мчусь.

Что может быть прекраснее гонки на бешеной скорости по автостраде под звуки рейва из проигрывателя?! И милая головка Алисы... Тишина. Покой. Ласковый мистраль. И уже холодеющее море навевает мысли о вечности, о славе, о любви, и приятно бродить вдоль берега, вдыхая йодистый воздух и разглядывая редких сеньорит и донн. Следует зарубить на носу, что у испанцев и каталонцев между 14 и 17 часами, как правило, наступает послеобеденная сиеста, священное время отдыха, когда наглухо закрываются магазины и кафе, и даже за тысячу долларов никого не вытянуть из постели. Испанская кухня — это не только знаменитая паэлья с креветками, кусочками рыбы — басса, мерлузы и прочих, — с румяными лангустами, замешанными в рисе, пропитанном шафраном и другими специями, но и закуски (тапас), которые подают крошечными порциями на отдельных тарелках. Бычьи хвосты, шпинат с зеленым горошком, кусочки трески в кляре, соленый тунец, кусочки мяса с соусом из виски или бренди, осьминог, сваренный в собственных чернилах, грибы, каталонский салат (лук-латук, помидоры, маслины, разная колбаса и салями) и очень модный в Испании «русский салат», известный у нас как оливье.

Вот и заповедное место на Коста-Брава — Сагаро, совершенно незабываемый проход от шикарного отеля «Ла Габии-

на», где в свое время останавливался сам диктатор Франко, вдоль обрывистого берега моря до самого пляжа La Conca («Раковина»). Уверяю, что перед этой прогулкой меркнут все царские тропы, дух захватывает от волшебных пейзажей и старинных вилл с колоннами, куда на лето прибывают богатеи. Душа горит, и хочется взломать запертые ворота вилл, разбить кувалдой мраморные ступени и надменные статуи, вырвать перья у зажиревших павлинов и по-большевицки потрясти владельцев — разве не писал Прудон, что «собственность — это кража»?* Вот терраса, где мне чуть не протаранила умный череп стремительно влетевшая чайка, вот аллея, по которой гналась за мной испанская бабка, которой наступил случайно на ногу. Вот поворот, где мне сбил боковое зеркало испанский грузовик, шофер вышел, увидел, что я жив и невредим, улыбнулся и уехал.

«Вообще, голуба, Сан-Фелиу похож на старца в лаптях, бредущего под ручку с девицей в джинсах и с бриллиантом в проколоте пупке. Старец напоминает тебя с Алисой, безумец! — я продолжал читать послание ревнивого Кота. — Как отвратительно тут воняет рыбный рынок! Не лучше несло от твоих жен, ангидрит твою мать!**» Одна пахла гнусным „Шанель № 5“, другая — жареным луком, третья — твоим прокисшим бельем! И что проку? Как ты был, так и остался изменщиком! Какой блондинке и на что ты клал свою голую ступню под именная стол? А помнишь, кого ты перетащил на заднее сидение машины? А что ты делал с полненькой дамой, когда ее муж напился

---

* «Если собственность — не твоя собственная!» — мяукнул Чешира.

** Именно эту фразу употреблял председатель КГБ Ю. В. Андропов, когда хотел поматериться в узком кругу. Где Чеширский Кот выведал эту секретную информацию?

и мирно уснул? Мы, коты, гораздо честнее, мы не женимся, а любим всех честных кошек подряд! Зачем ты оставил мне банан с глазками для удаления зубного налета? Люди, прекратите нас опекать, мучить чесалками с силиконовыми пальцами, автокормушками и интерактивными игрушками. Мы — вольные коты, и наш бронепоезд стоит на запасном пути!»

К черту Чеширского Кота. Жажду в Барселону, Барса — прекраснейший город! Сколько раз мы топтали знаменитый бульвар Рамблас, где со всех сторон вымогают деньги жулики в одеждах дон-кихотов, монашек и шварценеггеров! Дивные галереи с ранним Пикассо, умопомрачительный музей Жоана Миро, причудливые строения Антонио Гауди, он трагически погиб под трамваем, как булгаковский Берлиоз, до сих пор не нашли Аннушку, которая пролила масло.

— Вы бывали на празднике святого Фермина в Памплоне, сэр? — вдруг спросила Алиса, придавив меня сразу двумя незнакомыми словами. Честно говоря, святой Фермин не вызывал у меня никаких ассоциаций, разве что с венгерским токаем «Фурминт», но я соорудил морду на манер «Мохнатые уши повесь на толстый внимания гвоздь».

— Праздник святого Фермина проходит летом, туда съезжаются толпы любителей боя быков со всего мира, настоящие мачо в сопровождении блудливейших подружек. Вы же мачо?

Я неопределенно наклонил голову. Конечно же, вроде бы мачо! И тут вспомнил «Фиесту» Хемингуэя. Там группа веселых американцев, с ними леди Брет Эшли, приличная на вид, законченная шлюха. Пьют все, как свиньи, из бурдюков, наполненных «Риохой», и бегают, спасаясь от выпущенных на улицы быков.

Любовник леди Эшли — импотент. Это намек?

И вот она, долгожданная, разукрашенная флагами Памплона! Она дышала праздником, который всегда с тобой, и ничто не напоминало о муках святого Фермина, которого казнили два быка, протащившие беднягу по вымощенному камнями городу. Памплона почему-то напомнила мне «Артек» моего детства: по улицам бродили взрослые персоны в красных галстуках с изображениями быков и тореро, у многих талии были стянуты такими же красными кушаками, а на грешные головы надеты красные панамы или береты.

— Взгляните, какой дивный отросток у этого берета! — встрепенулась Алиса, и я узрел красный берет, из которого торчала длинная, как говорил президент Ельцин, загогулина.

— Сейчас мы увидим кафе «Ирунья», — волновалась Алиса. — Там занудный американец Кон избил тореадора Ромеро, добивавшегося леди Эшли. Он ревновал к ее партнеру Джейку, которому снаряд или пуля попал в это самое место... Зачем ей был нужен импо?

Она дотронулась до моего колена, о Боже! Моя физиономия покрылась красными пятнами.

На улицах появилась процессия, несущая изображение святого Фермина: мужчины были одеты как на премьеры в «Ла Скала», за ними шагали куклы-гиганты, волынщики и музыканты, игравшие на самых невообразимых старинных инструментах, представители различных гильдий и обществ с вымпелами и знаменами и, конечно, священнослужители. Религиозная процессия дошла до церкви святого Фермина, забрала там Библию и двинулась служить мессу в церковь святого Лоренцо. К счастью, все это торжественное занудство продолжалось недолго и закончилось танцами гигантских кукол под звон церковных

колоколов. Вскоре на улице появились всадники на лошадях в черном одеянии, за ними брели, позванивая колокольцами на шее, три унылых мула, их сопровождал целый отряд мулов, на которых восседали разодетые кабальеро. Кавалькаду завершал оглушительный местный джаз-банд, и все это знаменовало прелюдию к центральному событию дня на главной арене — корриде.

Вокруг бродили поддатые испанцы (кое-кто вальяжно лежал на траве в скверике), какая-то веселая компания вытянула из машины ведро с вином и стала зачерпывать оттуда одним общим стаканчиком (испанский вариант «на троих»?). Милые девушки бесплатно раздавали красноватые пластиковые пончо на случай дождя (на небе — ни тучки!). Начало ознаменовалось торжественным выходом Главного Убийцы — тореадора, все вскочили, кое-кто аплодировал, загремел оркестр. Красавец тореро напоминал провинциального актера, он двигался напыщенно и всем своим видом демонстрировал безудержную храбрость, особенно после того, как бык налетал на красный плащ, — тогда тореро поворачивался к нему спиной и гордо отходил в сторону, давая понять, что удар в задницу абсолютно его не беспокоит*. Новый бодрый бык вылетел на арену, тут же вокруг него начали виться людишки с плащами, ловко убегавшие за перегородки, затем выехала какая-то сволочь на коне, бока которого были защищены деревянной попоной. Бык пытался поразить коня, и тут пикадор вонзил в него пику, причем, как истинный садист, прокрутил ее в ране. Окровавленный бык тут же ослабел и превратился в жалкую клячу. Подбежали толстозадые, низкорослые дяди в расшитых золотом камзолах и быстренько воткнули в не-

---

* И действительно, бык почему-то его не атаковал и не поддевал его зад рогом, к моему великому сожалению, ибо с самого начала я, да просит меня трудовая Испания, болел за быков.

го бандерильи — маленькие пики, которые не выпадали и, покачиваясь, свисали со спины. Тут в дело вступил храбрый Главный Убийца, раздражавший его плащом. Бык вяло шел на плащ, а матадор, как в балете, делал свои па, вызывая громовые аплодисменты. При этом публика вскакивала и ожесточенно начинала жрать принесенные бутерброды, запивая их пивом и вином, по-видимому, вся эта процедура мерзкого умерщвления вызывала дикий аппетит. Изможденный бык, обливаясь кровью, тупо застыл около матадора, и тогда последнему подали шпагу. Он картинно воткнул ее в быка, а потом помахал перед его мордой плащом, приглашая пасть на колени и счастливо подохнуть. Однако ни один гордый бык не откликнулся на этот унижительный призыв, все падали на бок и гордо дрожали в агонии. Тогда подбегал юркий матадор, вытаскивал из-под мулеты короткий кинжал и вонзал его в артерию быка. Затем начиналась совсем поганая процедура, когда труп быка канатами привязывали к лошадям и те радостно прямо по земле утягивали его с арены. Всеобщее ликование, гром оркестра, машущие руки.

«Хуан, Хуан!» — истерически выкрикивала имя матадора-фаворита толстая тетка, прыгая от счастья выше скамейки. «Ура! Ура!» — орали все визгливо, и из бешено жующих челюстей выпадали крошки и куски ветчины, многие лили себе вино из бурдюков на лоб, но рука бойцов уже рубить устала, и вино лилось на плечи.

Ура! Ура!*

---

* Однажды мне довелось побывать на корриде в Португалии, где быков не убивают, а лишь покалывают бандерильями и пиками (представляю, какое «удовольствие» они, быки, получают!). Тореро и прочие участники, игриво изображая ужас, прыгали на подрезанные рога, падали и вскакивали, публика визжала от ужаса, наконец, быка останавливали руками, при этом один тип держал его за хвост. Противно, хуже, чем убийство.

А Чеширский Кот вдруг запел любимый уголовный шансон «Мурка»:

— Здравствуй, моя Му-у-ур-р-рка, Му-урка дорогая, здравствуй, моя Му-у-ур-р-рка, и прощай...

На финальном убитом быке публика совершенно ошалела, и против всяких правил полетели сидения, заполнившие всю арену.

— Ты зашухарила всю нашу малину, — орал Кот, — и за это пулю получи!

И тут... Неожиданно какой-то волосатый юнец прицелился в меня из водяного пистолета, и, не успев осознать весь драматизм своего положения, я почувствовал, что я захлебываюсь в вине, стекавшем по моей белой рубашке на белые праздничные брюки (так вот почему душевные испанки раздавали пластиковые пончо!). Творилось невообразимое: публика совершенно потеряла разум, вино со смехом выливали в физиономии из бутылок и бурдюков, запросто прыскали им изо рта (о, эти антисанитарные пасти!), а какая-то злобствующая скотина поливала прохожих из агрегата для удобрения земли — на фоне остальных орудий производства он выглядел как крупнокалиберная гаубица. Совершенно мокрые, в красных пятнах, мы с Алисой вышли во двор. Навстречу весело шагали, поливая друг друга вином, пьяные испанки и испанцы, морды у всех были перевернуты от счастья. Я вцепился в сосок бурдюка и славно отхлебнул, вспомнив у Высоцкого: «Я б засосал стакан — и в Ватикан!» Гораздо удобнее, чем лить себе на лоб и ожидать, когда вино тонкой струйкой стечет на лоб, как делают испанцы. Скосив глаза, я случайно увидел Хемингуэя. Нет, не живого, а его бюст на постаменте. Симпатичный дядя с бородой, шею ему уже успели повязать красным галстуком, и он походил на престарелого пионервожатого, попавшего в общество разврат-

ных пионерок. Вокруг бушевала толпа, и шли гремящие оркестры за оркестрами, облаченные в цветные одежды каждого района Испании. Я схватил Алису, и мы бросились в мокрую от вина толпу. И стали отплясывать черт знает что, и ноги выделявали невиданные кренделя, и счастливо хохотали, отпивая большими глотками из бурдюка...

Энсьерро! Приехать в Памплону и не побывать на ритуале энсьерро — все равно что осмотреть Прадо, пропустив картины Гойи и Эль Греко. Участие в этом тесте на мужество принимают быки, которым выпала честь выступить и умереть на следующий день, их выгоняют на улицу, и они бегут по городу в коррали на центральной арене, впереди и рядом бегут истинные мачо, которым не хватает адреналина. Уж не помню, как мы с Алисой оказались в толпе, удиравшей от быков, но волнение было большим. Казалось, за нами летит огромное дикое стадо, я бежал и бежал, задыхаясь и прижимая к груди драгоценный бурдюк, сердце выскакивало из груди, а низ живота щемило. Самое ужасное, что этот вечный бег (как потом оказалось, не больше двух минут, и пробежали мы всего лишь пятьсот метров) сопровождало гробовое молчание — только гул земли от стучавших копыт! Гул от наших удирающих ног, и, казалось, что вот-вот в зад вонзится острый-преострый, беспощадный рог! На площади нас встретил оглушительный, сбивающий с ног бой барабанов, и как было тут не глотнуть из бурдюка (уже нового!), глотнуть, что унесли ноги... Барабаны, барабаны, барабаны. Гром и молнии фейерверков, падающие с неба звездочки, радостные вопли, красные галстуки и бодрящие загогулины на беретах, танцы и песни, танцы-шманцы-прижиманцы...

— Как глубоко твое падение! — молвил Чеширский Кот. — Как возмутительно твое легкомыслие! Нажрался

вина, нагледелся на убийство невинных животных, набегался с безмозгой Алисой. Где твой партийный билет? Ты же, будучи на пенсии, состоял в одной парторганизации с женой Бориса Ельцина, твоего соседа по улице, тогда жившего близ Миусской площади! Более того, являлся замом секретаря парторганизации по идеологическим вопросам... Ты знаешь, что тебе грозит за аморальное поведение?

Я знал. Но что делать с тоской по бесконечности?

ГЛАВА О ТОМ,

*как загадочно звонят в колокольчики
швейцарские коровы, искусно орудуют
шпионы и торгуют через колючую проволоку
ямайские негры*

На галошах не следует иметь своих истинных инициалов. Это часто дает предателям нить для розыскания лиц, фамилии которых им известны.

*Из «Необходимого руководства
для Агентов Чрезвычайных Комиссий»*

Алекс — Юстасу: «Место встречи: у входа в музей Сегантини, Санкт-Мориц. Время встречи: 12:00. Опознавательные знаки: пастор будет в красной вязаной шапочке. Вам предписывается надеть черную широкополую шляпу. Пароль. Вопрос: „Далеко ли отсюда до отеля «Соглино»?“ Ответ: „Около пяти километров“». Кто или что такое Сегантини? Разновидность швейцарской коровы или итальянского сыра? Шифровку явно готовил идиот с университетским образованием... Штирлиц поморщился, съел несколько конфет знаменитой марки Sprüngli и допил кофе. Боже, переть аж в Санкт-Мориц из-за этого тупицы-пастора! А так хочется вернуться в Цюрих, еще разок прогуляться по Банхофштрассе, купить пару-другую швейцарских часов, помакать сухариком в расплавленный фондю, заесть все свиной ногой с бочковым пивом. Полюбоваться памятником великому просветителю Песталоцци, перебраться через живописную речку Лиммат и быстренько на Шпигельгассе, 14, — поклониться дому, где до революции жил Ильич с Надеждой Константиновной! Ну и мемориальную доску придумали эти швейцарские гномы: «Фюреру русской революции», другого слова найти не смогли, гады! Не задерживаться, не поворачивать головы, никаких эмоций — вдруг сзади Мюллер! — пешком к автобусу. Путь

пролегал через туннели, по великолепным извилистым дорогам, с остановками у кафе, затаившимися среди сосен, запорошенных снегом. «Проклятая шпионская работа! — думал Штирлиц. — Сейчас взять бы свои динамовские лыжи и вместе с радисткой Кэт махнуть сюда хотя бы на недельку. А тут этот разгильдяй-пастор украл у немцев новый пулемет и не знает, как его переправить нам!»

Санкт-Мориц расположен на высоте 1800 метров, среди огромных снежных гор почти рядом с итальянской границей. Эти благодатные альпийские края называют «Крышей Европы», солнце ослепительно сияет там круглый год, неслучайно своего рода гербом курорта стало круглое лицо солнца, излучающее сияние.

«Жалко, что я не освоил горные лыжи, все работа и работа!» — думал Штирлиц, с завистью глядя на подъемники по обе стороны дороги.

Хотите поиграть в крокет на льду живописного озера? Милости просим! Хотите покатать по льду камни, играя в шотландский керлинг? Пожалуйста! Только для мужчин: тобогган, в защитном шлеме, пузом на железные санки — и на дикой скорости вниз по льду! На замерзшем озере Санкт-Мориц проводятся скачки, и ставки тут делают немалые, да и собачьи бега тут в большом почете, а рядом в Сильваплане ежегодно проходят турниры по зимнему гольфу. А какое наслаждение проехать по горной железной дороге! Живописные, словно игрушечные, экспрессы то тянутся, то бегут меж белых великанов. Железная дорога соединяет высокогорные точки, из Санкт-Морица можно пересечь Альпы, через виадуки и туннели, с севера на юг, подобно перелетным птицам, сначала к вечным льдам глетчера до самого Alp Grum, затем в Poschiavo и через изогнутые виадуки Brusio в теплые низины Тирано и Лугано. Не менее прекрасен маршрут на Церматт: из окош-

ка видны средневековые замки и монастыри, тропы, по которым бродили еще римляне, снова ледники и вечные снега... Любители простых удовольствий предпочитают канатную дорогу и покачиваются себе в кабине, обозревая сверху невообразимые красоты швейцарских Альп.

«Пожалуй, стоит взять сюда жену с детьми, — думал Штирлиц, — впрочем, ну их к черту! И занудную Кэт, вечно занятую передатчиком, и вообще всех баб! Проведу явку с пастором, а потом арендую старинные швейцарские сани с холеными лошадками и кучером или просто покатаюсь верхом, как в юности любил у себя в деревне! Но вот и остановка Санкт-Мориц, пора выходить. Где же место явки — музей сыра Сегантини? Вот он! Правда, Сегантини оказался великим итальянским художником, но это дела не меняет. Вон плетется и старая задница — пастор Шлаг, только не в вязаной шапочке, а в буденовке — вечно у него беда с конспирацией! Огромный рюкзак за спиной, лыжи в чехле... Хорошее здоровье у старикана, поработал бы, как я, на Лубянке...»

— Далеко ли отсюда до отеля «Соглино»? — спросил Штирлиц.

— Максим Максимович, друг мой закадычный, как я рад вас видеть! Салям алейкум!

— Почему отзыв не по паролю?! Опять нарушаете конспирацию?

— Да не сердитесь, батенька! Посмотрите, какой я вам притаранил пулемет! На днях слямзил в гестапо... А насчет конспирации вы не правы: для легенды я прихватил с собой лыжи и, зная, что вы поленитесь позаботиться о своей легенде, взял еще одну пару для вас!

— Что же, мы будем кататься с гор на обычных лыжах?! — испугался Штирлиц, страдающий одышкой.

— Эх, батенька, плохо вы знаете местную агентурно-оперативную обстановку! Ведь по озеру Санкт-Мориц про-

ложены великолепные лыжные трассы для марафонов, тут гораздо лучше, чем у вас в Подрезково! А план убийства Гитлера мы обсудим на «философской тропе», там по обе стороны вырезаны и выписаны цитаты из Сократа и Сартра. Кстати, можно пошептаться и в библиотеке...

При слове «библиотека» Штирлицу стало дурно: ведь он не брал в руки ни одной книги со времен окончания средней школы.

— Знаете, пастор, давайте лучше пойдем в местное казино, оно славится на всю Швейцарию. А сначала в бар, выпить за нашу победу...

— В какой гостинице мы будем ночевать? Надеюсь, в люксовой?

Штирлиц промолчал: он знал, что Центр скорее удавится, чем санкционирует командировочные свыше двадцати долларов в день. Даже преданные агенты-пасторы не знают цену народным деньгам...

Штирлиц молча проследовал в бар. Как обычно, достал из портфеля бутылку «Московской», два граненых стакана, сельдь атлантическую (слабого посла), завернутую в газету «Правда». Подошел официант, и для легенды, подавив «жабу», пришлось заказать по кружке пива в качестве «прицепа».

— Извините, Максим Максимович, я схожу по нужде, — просто сказал пастор Шлаг и отошел в кусты.

Штирлиц рванул стаканчик водки и задумался. Может, действительно в целях конспирации провести явку в вагоне или на бобслее? Или пойти с пастором по бабам — это будет самая железная легенда!

Так писал я когда-то, а сейчас шагал по Санкт-Морицу, не туда, куда хочется всем, а к массажисту Руслану, верному агенту, ныне сданному в архив. По славному про-

шлому он долго тосковал, но вскоре взял себя в руки, даже стал слушать по Би-би-си Севу Новгородцева, а потом и во все рванул за кордон. Алиса осталась дома, а Чеширский Кот плелся чуть сзади и ворчал, что он забыл лыжи, а арендовать их здесь не по карману.

Руслан, кряжистый парень, научился мять людишек на кавказском курорте и с тех пор промышляет и вышел на международный простор. Его пальцы пробегают по моей спине, как волны, работает он аккуратно, мягко дотрагиваясь до ребер, словно опасаясь их сломать.

— Можете поднажать, — говорю я. — Разве я похож на кисейную барышню?

— Это все американцы научили! — жалуется он. — Раньше я массировал смелее, особенно когда просили работать пожестче. Но пообщался с америкашками и от них узнал, что массажиста можно затаскать по судам и полностью разорить, если он вывихнет какой-нибудь сустав или причинит боль. С тех пор я привык страховаться, не дай бог попадется такой клиент среди русских. До Швейцарии все российские клиенты были ребятами покладистыми, никому и в голову не приходило предъявлять претензии, одному я даже палец сломал — и ничего!

— А давно вы работаете массажистом?

— С 1987 года, уже началась перестройка. Окончил институт физкультуры, занимался баскетболом, но быстро понял, что в жизни нужна более устойчивая профессия. Тогда массажистов было мало и деньги платили хорошие, гораздо больше, чем сейчас.

— А когда появился в мире массаж?

— Много есть теорий, но мне кажется, что массаж явился на свет вместе с человеком и его болезнями. Тереть больное место — это самый первый простейший массаж. Первобытный человек бил другого дикаря дубинкой по

голове, а потом эту голову потерпевшему приходилось растирать. До перестройки заниматься частной практикой запрещалось, хотя кое-кто делал это нелегально, в узком кругу клиентов, опасаясь каждую ночь, что арестуют. Самое престижное, самое доходное место — кремлевская больница. Я сам пытался попасть в число массажистов, обслуживающих Горбачева и политбюро, заполнил анкеты, имел массу собеседований с чинами КГБ, но в результате мне дали от ворот поворот. Хотя причину не указали, думается, сделали это из-за деда, который не раз высказывался против большевиков, за что и отсидел несколько лет.

— А произошли ли изменения в социальном составе клиентуры?

— Весьма существенные. Когда массажисты были при больницах, к ним обращался народ попроще, и платили тогда многие услугой за услугу: ты мне массаж, а я тебе дверь почию или обои наклею. Конечно, благодарили и бутылкой. В данный момент у нас, массажистов, самый сложный период: богатые люди опасаются рэкета, притворяются бедными, постоянных массажистов себе заводят немногие. А сравнительно недавно это было в моде, и платили иногда за сеанс по 100–200 баксов.

— А много среди массажистов непрофессионалов?

— Уйма, причем многие вообще ничего не знают о массаже. Типичные самозванцы, делающие бабки. Но кто может разобраться, специалист ли это или прохиндей?

— А не скучно работать массажистом? Все-таки есть нечто монотонное в этой профессии: клиент пришел, разделся, лег, вы его помассировали, и он ушел.

— Да что вы! Наша работа переполнена самыми невообразимыми случаями. У некоторых клиенток во время

массажа просыпается страсть, и они начинают вести себя самым вольным образом.

— К вам часто приставали?

— Случалось. Тут ведь вся штука в том, чтобы не обидеть клиентку прямым отказом и тем самым лишить себя заработка. Поэтому приходилось увиливать.

— Ну, а если...

— Это противоречит моим убеждениям, я ведь глубоко верующий человек, соблюдаю все посты. Ведь записано, что «каждый, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...».

Этот Руслан многое мне раскрыл, оказалось, что не только женщины пристают, но и «голубые». Однажды один клиент пригласил Руслана к себе в загородный дом.

— Одному клиенту так понравилась моя работа, что он за хорошую плату предложил мне провести сеанс у него на даче. Устроил пир на весь мир и в процессе ужина начал меня гладить.

— Какое счастье, что у нас, котов, запрещено мужеложство, — резюмировал Чешира, подслушивавший нашу беседу. — Правда, в истории был случай, когда один глупый кот спутал кошку с козлом. Так его за это кастрировали!

После Руслана — в целебный Церматт. Обычное автодвижение в этом курортном граде строго запрещено, поэтому до гостиницы счастливые туристы добираются на электромобиле или в повозке с откормленными лошадьми, задние части которых покрыты специальными попонами с портативными туалетами — не дай бог лошадь осквернит ухоженные дорожки. Это в полной мере касается и собак, на дорогах стоят столбы с пакетами для экскрементов и грозными надписями, что нарушители чистоты караются местной мэрией штрафом в двести швей-

царских франков. Фанаты горнолыжного спорта могут устроить себе праздник: долететь до Цюриха, несколько дней наслаждаться катанием в Санкт-Морице или Давосе, а затем усесться в прославленный «Ледниковый экспресс» (Glacier Express) и напрямую добраться до Церматта, крутясь меж снежных вершин. Освоение этого места туристами началось с середины девятнадцатого века, когда на эту гору стали карабкаться альпинисты-англичане (трое бедняг сорвались, что очень огорчило королеву Викторию). Особенно важно, что у подъемника на Малый Маттерхорн находится большой магазин, где можно купить или взять в аренду любое лыжное снаряжение и великолепное термобелье. Там и уютный отель, на завтрак — наборы зерновых, молоко, вкуснейший ржаной хлеб, который пекут только тут, в кантоне Вале, яйца во всех видах, вяленое и сырокопченое мясо, навалом колбас. А сыры... о, эти сказочные швейцарские сыры! И не терпится взобраться на альпийскую вершину и сигануть вниз, грациозно виляя туда-сюда, надвинув очки и утеплив лицо, если морозный ветер. Счастливым полет с приземлением на открытой террасе горного ресторанчика, где можно откинуться на стул, расстегнуть куртку, обнажить голову и подставить сияющий и бесподобный лик под горячие лучи солнца.

А что же делать тем, кто не умеет кататься на горных лыжах? Бродить по комфортабельным тропам с указателями, хотя на некоторых участках этих великолепных терренкуров следует поглядывать по сторонам, дабы не быть сбитым каким-нибудь сумасшедшим неуправляемым субъектом на лыжах, на доске или на санках.

Самое время поговорить о национальной кухне. Фондю прекрасно в разных вариантах: и макать хлеб в расплавленный сыр — это сырное фондю, и китайское фондю,

когда макаешь мясо в кипящий бульон, который потом выпиваешь. Недурственно и бургундское фондю — сырое мясо макается в кипящее оливковое масло.

— А я обожаю шоколадное фондю, когда макаешь тропические фрукты в расплавленный шоколад, — сказала Алиса, неожиданно очутившаяся рядом. — А еще хорошо идет не менее калорийное блюдо с расплавленным сыром и картошкой в мундире, именуется «раклет». И, наконец, так называемое «рёсти» — мелко нарезанная жареная картошка с луком, в которую навалены овощи либо колбаски, яйца и пр. Все это залито сыром и чертовски вкусно!

Алиса даже облизнулась от счастья, а мне почему-то захотелось высокой культуры. Пару часов поездом до Монтре к Женевскому озеру и Шильонскому замку. Пальмы, олеандры, анютины глазки на траве с тающим снежком, гуляния вдоль озера среди причудливых фигур, сделанных из еловых веток. С деревьев мрачно взирают совы, трехглавый Цербер скалит пасти, пугают динозавры и маленький памятник почившему в Монтрё Фредди Меркьюри, группа Queen. Почти рядом тюряга — Шильонский замок, воспетый лордом Байроном в «Шильонском узнике». Писал божественно, пьянствуя с любовницами. Кремировал труп своего утонувшего друга, поэта Перси Биши Шелли, прямо на берегу моря, любуясь игрой огня и вслушиваясь в шум прибоя. Вскоре выехал в Грецию на борьбу с турками, заболел малярией и умер. Терзало либидо, оно мучило его уже с девяти лет, и в этом виновата его нянька, постоянно залезавшая к нему в постель и продельвающая там разные безобразия. Закрытая школа Хэрроу и сомнительная дружба с графом Клером и герцогом Дорсет. «Каждый мальчик приятной наружности имел там женское имя и становился либо общественной проституткой, либо „сукой“ кого-то из более сильных парней.

Разговоры в спальне и в кабинетах носили крайне непристойный характер. Повсеместно можно было наблюдать сцены онанизма, взаимной мастурбации и интимной близости двух ребят», — пишет современник. «Он звал печаль, весельем пресыщен, / Готов был в ад бежать, но бросить Альбион».

— Граждане России! — вдруг проорал Чеширский Кот. — Будьте бдительны! Не отправляйте ваших мальчиков и девочек учиться за границу, вы можете разрушить их жизнь! Не балуйте их и помните завет Льюиса Кэрролла: «Малютку сына — баю-бай! / Прижми покрепче к сердцу / И никогда не забывай / Задать ребенку перцу! / Баюкай сына своего / Хорошею дубиной — / Увидишь, будет у него / Характер голубиный!»

Я вышвырнул Кота в окно и продолжил о лорде Байроне. Поэт отмечал в своих письмах: «В Англии модные пороки — это разврат и пьянство, в Турции — содомия и курение, мы предпочитаем девицу и бутылку, а они — трубку и мальчика». У Байрона был роман с леди Каролиной Лэмб, муж которой вскоре стал премьер-министром, он обожал ее, и в ответ она однажды прислала ему в конверте локон со своего нежного места, умоляя его сделать то же самое, но только быть аккуратнее с ножницами... Правда, когда он сошелся с ее тетушкой, Каролина сожгла его портрет и прокляла навеки, но что еще ожидать от красивой женщины? Грех со сводной сестрой Августой Ли, инцест — порождение чудовищ, на свет появилась дочь, о которой он написал сестрице: «Это не обезьяна, но если она на нее похожа, то это целиком моя вина». Содом и Гоморра на дому... попытка изнасиловать тринадцатилетнюю дочку леди Оксфорд... совращение семнадцатилетней Клэр Клэрмонт (на свет появился еще один ребенок)... В Лондоне на свое несчастье Байрон познакомился с серой деревенской мышкой, бога-

той и твердокаменной Аннабеллой Милбэнк, и женился на ней, пытаясь поправить свои финансовые дела. Он и не подозревал, в какие железные руки попал: супруга тут же бросила все силы на изменение образа жизни поэта. Брак был ужасен, целый год невообразимых мук, когда он страдал от ночных кошмаров и кричал «Не дотрагивайся до меня!» при виде своей супруги. О, эта кровать с пологом и с красными дамасскими занавесками, эти мерцающие свечи вокруг! В конце концов, 25 апреля 1816 года, после мимолетного романа с умной, но некрасивой писательницей Клэр Клэрмонт (результат — дочка Аллегра), лорд Байрон навсегда покинул Англию. Однажды Байрон проезжал мимо Шильонского замка. Кони неторопливо тянули карету вдоль Женевского озера, сверкавшего под безоблачным небом, вдали виднелась заснеженная вершина Монблана, и вся природа дышала красотой. Мимо проехал английский экипаж, все пассажиры спали. «Типичная бесчувственность британцев!» — проворчал поэт.

Но у меня другой шильонский узник, москвич в гарольдовом плаще — полковник Виталий Шлыков, тоже отсидевший в Шильонском замке. Мне довелось крепко дружить с Виталием Шлыковым, мы учились на одном курсе в МГИМО. По окончании института меня взяли в МИД, а через год — в разведку КГБ, а Виталия — в Министерство обороны, определив в нелегальную разведку ГРУ. Нелегал Виталий родом из Воронежа бедно жил в коммунальной комнате вместе с мамой (лет через 15 министерство предоставило ему квартиру). Мы частенько проводили время в компании прелестных девочек, ездили купаться в Химки, трапезничали. Шлыков пил очень мало, говорил, что у него от спиртного болит голова. Спецподготовку он проходил на отдельных конспиративных квартирах, и, вернувшись из Англии, я очень удивился, услышав его безукоризнен-

ную американскую речь (в институте он изучал немецкий). Мы никогда в жизни не обсуждали оперативные вопросы, хотя были прекрасно осведомлены, кто есть кто. Нелегал Шлыков выезжал за кордон периодически на спецзадания. Однажды Виталий исчез почти на год, впоследствии оказалось, что его арестовала швейцарская полиция и он несколько месяцев просидел в тюрьме — его оказался знаменитый Шильонский замок. Швейцарцам не удалось установить его виновность, его выпустили. Гораздо позже арестовали двух наших агентов в ЮАР — чету Герхардов, передававших нам секреты ядерного вооружения ЮАР. Оказалось, что с ними поддерживал связь Виталий Шлыков, периодически выезжая на эти встречи за кордон. Впоследствии Виталия назначили начальником важного информационного управления ГРУ, в перестройку он неожиданно занял пост заместителя министра обороны России (СССР еще существовал). Виталий Шлыков прекрасно знал Соединенные Штаты, имел большой вкус к авантюре, смене отелей и фамилий, к актерству среди чужих. Хорошо разбирался в военных делах и экономике, не раз схлестывался с Е. Гайдаром по поводу перевода военной экономики на мирные рельсы. Будучи кандидатом военных наук, неоднократно выступал в печати с весьма неординарными статьями, вызывавшими острую дискуссию. Близкие друзья постоянно упрекали Витеньку — так мы его звали — за чрезмерную бережливость, в частности, он закупил в «Березке» несколько ящиков коньяка «Реми Мартен», однако на наших сходках выставлял не больше пары бутылок, это возмущало до слез. Я тогда увлекался эпиграммами на друзей, в том числе о «Шлыкове с его большими рыками»: «То Кеннеди, то Збигнев он, / Хитрейший тип, хамелеон. / Ах, Шлыков, лыком шиты Вы. / Мы все немного Шлыковы». Последние годы стал жаловаться на сердце,

иногда заезжал ко мне на дачу (как правило, с очередной пассией). Колоритная личность, по-своему уникальная, чрезвычайно конспиративен, умен, самоуверен, умел держать удар. Умер внезапно — тромб. Россия должна гордиться такими героями. Вот что он написал в мемуарном очерке для МГИМО «Не оставляя следов», предпослав эпиграф из Бертольда Брехта: «Если решишь умирать, позаботься, / Памятника чтоб не было — он выдаст, где ты лежишь. / Надписи тоже не надо — она на тебя укажет. / И года смерти не нужно — он тебя подведет. / Напоминаю — / Не оставляй следов». О себе писал: «От меня начальство не скрывало, что мне предстоит провести вне Родины не один десяток лет. Меня такое будущее вполне устраивало, ибо оно представлялось мне вызовом, требующим от меня освоения новой жизни с несвойственной человеку в нормальных условиях скоростью погружения в другой мир с его незнакомой культурой и обычаями. Это невероятно мобилизовало на изучение языков и приобретение знаний о Западе, помогало смотреть на обычные заботы окружающих (прописка, квартира, зарплата, семья и т. д.) как бы свысока, помогало, по выражению Маяковского, „смазать карту будня“».

...Если вы поужинаете и переночуете в отеле «Монтрё Палас», где 15 лет жил Владимир Набоков, полюбуетесь видами на Женевское озеро, окруженное заснеженными горами, а потом прогуляетесь по местам, где отметился гулена Хемингуэй, то поймете, как писать хорошую прозу. В «Монтрё Палас» нас ожидало еще одно переживание: оторвавшись от обеденного столика, жена гордо удалилась в туалет и не возвращалась так долго, что я уже начал нервничать. Вернулась она совершенно потрясенная, словно долго беседовала с самим Набоковым, и возбужденно поведала мне о тамошнем туалете: оказалось, что неожиданно

из бачка выдвинулось некое устройство, которое начало омыwać стульчак, при этом дезинфицируя и осушая его таинственными лучами. Я тут же бросился в мужской туалет, однако там этой вершины инженерной мысли не обнаружил — дискриминируют нас, мужиков, что будет, когда до власти дорвутся феминистки...

Двуязычных Набоковых в нынешней литературе я не встречал.

— Но ведь многие стремились к мировому признанию... — деликатно вмешалась Алиса. — Например, ваши поэты Вознесенский и Евтушенко... А Бродский воистину вышел в мировые звезды. На мой взгляд, Бродский на английском — это уже не Бродский. Разве можно сравнить его английский язык с Владимиром Набоковым?

В. Набоков, «На перевод „Евгения Онегина“»:

What is translation? On a platter
A poet's pale and glaring head,
A parrot's screech, a monkey's chatter,
And profanation of the dead.
The parasites you were so hard on
Are pardoned if I have your pardon,
O, Pushkin, for my stratagem:
I travelled down your secret stem,
And reached the root, and fed upon it...*

---

* Что перевод? Ищу ответа.
Бред какаду, прыжки горилл,
на блюде голова поэта
и осквернение могил.
О Пушкин, строгий к паразитам,
ты их простил, меня прости ты,
ведь исхитрился я весьма:
твой ствол излазил задарма,
нашел твой корень, выпил соки...

Пер. Ю. Лифшица

— Мы в восхищении! — заорал Чеширский Кот, явно подражая булгаковскому коту Бегемоту. — И все же Бродский отличился в Штатах, заклеив Филби и назвав шпионаж «наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности» («все эти Рихарды Зорге, Пабло Неруды, Хьюлетты Джонсоны»).

Этот мерзкий кот, наверное, прав. Бесспорно, Бродский — крупнейший поэт, но зачем он влез не в свое дело, дабы потрафить американцам? Да еще не по делу пнул англиканского священника Джонсона, сочувствующего коммунистам... Увы, уж так повелось, что в России каждый уважающий себя интеллигент по неписаным законам считал своим долгом презирать советскую власть и КГБ за удушение свобод, это своего рода ритуал. Но простим Бродского — и на старуху бывает проруха.

— Я придерживаюсь мнения, что в обществе должно царить согласие. Приличные леди и джентльмены не должны препираться из-за пустяков! — важно заявила Алиса.

Верно. Поэтому пройдемся по Швейцарии. Художественные галереи, великолепные рынки, ежегодный международный фестиваль джаза, термальные источники, дегустация швейцарских вин, шоколада и сыра прямо на местах их производства. Можно проехать и в соседний Веве, где жили — не тужили Чарли Чаплин и Грэм Грин. Русских полно и в Церматте, и в Монтрё, русское проникновение очевидно. Уже в аэропорту Женевы наталкиваетесь на балыки царя Николая, «закопченные в сердце Швейцарии», особенно поразило меня царское шампанское, две тысячи бутылок которого якобы затонуло в 1916 году во время кораблекрушения в Балтике.

В Церматте можно осмотреть на высоте ледяной грот и глетчеры, покататься на санях с лошадьми или лайками,

на парашуте или на вертолете. Можно завести истинно швейцарскую корову с колокольчиком на шее, пить целебное молоко прямо из ее сосков, запивать водой прямо из горных речек, построить черное шале с маленькими оконцами и красными ставнями, стать Эрихом Марией Ремарком, опекать хрупкую Патрицию и написать собственные «Три товарища», попивая ром и джин.

А что, если махнуть со снежных вершин в иные края? Из огня да в полымя? Ямайка основной поставщик мигрантов в Англию до массовой миграции. Массовый выезд телевизионщиков со звездой «Поля чудес» Л. Якубовичем и малыми звездочками. Припадок эйфории all inclusive. Толпятся ямайские негритянки около ограды с колючей проволокой и протягивают русским туристам свои незатейливые изделия. Недалеко бурный водопад, где туристы испытывают себя на храбрость. Но жарко. Так жарко было, пожалуй, лишь в Рио-де-Жанейро, где, по Остапу Бендеру, все ходят в белых штанах, а на самом деле их и в шобах найти нелегко. Попытка освежиться в океане успехом не увенчалась — девятый вал прокрутил меня по дну и вынес на берег. Вернувшись в отель, я утолил свои печали в бутылке бургундского в баре у небольшого бассейна, где самозабвенно плескались два мужика, сладострастно поглаживая друг друга, правда, как только я по-русски брутально вошел в воду, они деликатно удалились.

— О, сэр, везде вы побывали, все вы отведали... А Поднебесную вы не посетили? — это была ехидная, но чудесная Алиса.

Посетил и Китай в погоне за бесконечностью. Он необычен, поражает организованностью и трудолюбием, органическим коллективизмом, культом прошлого. Перевод-

чица в знакомом мне стиле пыталась отгородить русских туристов от простых китайцев, но все же мы потолкались с ними в общем вагоне, на нас глазели как на слонов в зоопарке...

— Да ладно тебе, старина, вешать макароны на уши, — промяукал Чеширский Кот. — Вот передо мною документ: «Советы по вопросам безопасности для граждан, выезжающих в Китай», составленный английской контрразведкой МИ-5 в 1990 году и до сих пор имеющий силу.

«ЦЕЛИ КИТАЙСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Задачей китайской разведывательной службы является разработка западных граждан, главным образом путем установления с ними „дружбы“: после этого китайцы используют сложившиеся отношения для получения информации, которую нельзя добыть легальным или коммерческим образом, в целях содействия китайским интересам. Информация, которую они просят, может и не быть конфиденциальной: от комментариев и анализа западных политических и экономических тенденций до проблем безопасности и обороны на Западе, коммерческой практики, позиций на переговорах и промышленных изобретений. Информация о научно-техническом прогрессе на Западе является приоритетной.

Второй задачей „дружбы“ может быть „поиск талантов“: то есть использование контакта для выхода на других западных граждан, которые могут обладать политическим влиянием и иметь доступ к интересующей службу информации.

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА КИТАЙСКОЙ РАЗВЕДКИ

Подход китайской разведки к западным гражданам отличается от более знакомых форм и методов в других коммунистических странах, в частности практикуемых КГБ. Скорее всего, гость с Запада будет предметом долговременной малоактивной разработки с целью „стать друзьями“. Под этим подразумевается положительное отношение к Китаю и особенно любовь к китайской культуре.

Разработка гостя или другого контакта, представляющего интерес, развивается медленно: китайцы очень терпеливы. За первоначальной деловой сделкой может последовать дружеский контакт, например, приглашение в ресторан или билеты на культурное или театральное зрелище. Объект разработки может быть снова приглашен в Китай якобы для обсуждения других деловых вопросов или для выступления в каком-нибудь учреждении; бизнесмену могут быть предложены выгодные коммерческие условия; студентам могут быть предоставлены исключительные привилегии для исследований. На самом деле, второй визит необходим китайской разведывательной службе для оценки потенциальных возможностей объекта. Задача подобной тактики сводится к тому, чтобы создать ответное обязательство объекта, которому в конце концов будет неудобно отказать в неизбежных просьбах. Объекта или „друга“ могут достаточно прямо расспрашивать о научно-технической информации. Часто используется линия, что Китай не настолько богатая и развитая страна, как Запад, и не имеет возможности проводить аналогичные изыскания. Китай не представляет военной угрозы, поэтому, возможно, „друзья“ могут передать, например, образцы и направить технического инструктора. Этот подход

чаще всего практикуется в отношении бизнесменов, заинтересованных в конечной продаже своих товаров. Объект могут попросить раскрыть несекретные, но авторитетные мнения, например, о политической ситуации в стране. Китайская разведывательная служба может развить эти отношения для добычи в конце концов секретной политической информации. В этих случаях китайская секретная служба будет пытаться убедить объект, что разумный обмен информацией является идеальным решением проблемы. Но китайский принцип обмена информацией сводится к тому, чтобы получить как можно больше, а отдать как можно меньше. Бывают примеры, когда китайцы используют тему СССР как общего врага для получения информации по вопросам обороны. Таким образом, отношения, построенные вначале на деловой, а затем на социальной основе, могут постепенно развиваться в вербовку агента, что делает бизнесмена контролируемым источником информации для китайской разведывательной службы.

ТЕХНОЛОГИЯ ОПЕРАЦИЙ КИТАЙСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПРОТИВ ЛИЦ, ПОСЕТИВШИХ СТРАНУ

Китайцы имеют в своем распоряжении широкие ресурсы. Они устанавливают подслушивающие устройства в отелях, домах и ресторанах. Они могут обыскивать багаж и номер отеля, изучать переписку и выставлять наружное наблюдение. Хотя этот вид изучения обычно используется в отношении объектов особого интереса, не исключается и подобное в отношении другой категории лиц.

Лица, прибывшие в Китай, должны знать, что все частные и деловые бумаги могут быть прочитаны в случае оставления их в комнатах и офисах (даже в запертом портфеле), они

должны исходить из того, что персонал отеля, бара, дома или ресторана может быть под контролем китайской разведывательной службы. До сих пор отсутствовала информация об использовании китайцами компромата сексуального характера с последующим шантажом для получения согласия на сотрудничество. Последние данные говорят о том, что при определенных политических симпатиях может быть компрометация на сексуальной (и гомосексуальной) основе. Китайцы также используют существующие интимные отношения между китайскими гражданами и иностранцами. Хотя они не склонны создавать такие отношения, но всегда внимательно следят за подобными контактами.

НАРУШЕНИЯ КОМПРОМЕТИРУЮЩЕГО ХАРАКТЕРА

Лица, прибывшие в Китай, должны тщательно соблюдать местные законы и правила поведения. Незнание их не является оправданием в случае нарушения закона. Нельзя связываться с черным рынком или нелегальным обменом валюты. Следует давать отказ в случае просьбы передать личное письмо в другую страну. Необходимо избегать военные районы и не использовать там фотокамеру. Китайцы в провинции могут возражать против фотографирования бедных и отсталых районов.

ВЫВОДЫ

Знание работы китайской разведывательной службы — лучшая защита для лица, посетившего Китай. Помните, что статус, профессия и биография не уберегают вас от особого интереса. Будьте особенно бдительны при лести или

слишком щедром гостеприимстве. Следите за собственным поведением и не попадайте в компрометирующие ситуации. Если вас арестовали и обвинили в нарушении местных правил или застигли в компрометирующих ситуациях всегда настаивайте на немедленном контакте с британским посольством в Пекине или британским консульством в Шанхае.

Англичанин должен помнить, что в его собственных интересах сообщить британским властям за границей или полиции в Англии в случае, если он имеет неприятности или почувствовал повышенный интерес к нему со стороны китайской разведки. Все, что расскажет лицо, посетившее Китай, будет рассматриваться как строго конфиденциальная информация, и будет дан совет, как избежать дальнейших неприятностей. Существует множество случаев, когда людей компрометировали и они считали, что неприятности закончились, однако через несколько лет к ним осуществлялся разведывательный подход».

— Дорогой Чешик, никогда не думала, что ты пойдешь на нарушение закона и предашь гласности совершенно секретный документ нашего государства! — строго сказала Алиса.

По-моему, этот документ универсален и полезен для любого путешественника. Был такой великолепный поэт Алджернон Чарлз Суинберн: «Склонись, Любовь, излей себя слезами, / Пусть вздохи обручем тугую сдавят грудь...»

Надеюсь, я не нарушу ничьи законы, процитировав его «Заметки о географии»:

«Существует два вида риска безопасности (security risk): люди, которые органически не способны держать язык за

зубами, короче, болтуны и суперконспираторы. Каждый из них находка для шпиона, однако, по-своему.

1. Болтун, как правило, разглашает секретные сведения из хвастовства и тщеславия, ему хочется показать свою осведомленность, собственное благородство, богатство, неограниченные возможности. Сложность работы с ним заключается в необходимости фильтрации большого количества информации, среди которой лишь малая толика является секретной. Болтуна легко разговорить, восхищаясь им или сомневаясь в истинности рассказанного, или даже противореча его точке зрения.

2. Суперконспиратор почти безнадежен для получения информации непосредственно, однако, своей утайкой он часто наводит на след и в этом смысле даже опаснее болтуна. Суперконспиратор вызывает подозрения, и в результате совершенно невинная информация становится предметом полицейского разбирательства. Оно может быть ошибочным, но может совершенно неожиданно привести к успеху. Например, на вопрос, ходит ли он в театр, болтун сообщит о всех постановках, посещенных им в последнее время, суперконспиратор ответит отрицательно и если у следователя есть сведения, что только вчера суперконспиратор был в театре, то невольно возникает вопрос, по какой причине он это скрывает. Перед выездом за границу суперконспиратор напускает на себя такую загадочность, словно он выезжает убивать Римского папу. Даже если эта поездка сопряжена с важными секретными делами, всегда можно прикрыться туризмом.

3. По сути дела, существует два способа сохранения контакта (или сведений) в тайне:

а. АБСОЛЮТНОЕ неразглашение сведений, о которых известно лишь узкому кругу лиц, абсолютное отрицание знакомства с определенным лицом.

Последнее практикуется лишь в том случае, когда сам факт знакомства выглядит как преступление (например, установленный вор и налоговый инспектор в ресторане на окраине города, впрочем, и тут можно создать алиби „случайной“ встречи).

Если достигнута договоренность, что о содержании документа будет известно, допустим, троим фигурантам, то нет сомнений, что только абсолютное молчание всех может обеспечить секретность. Но в жизни слишком часто происходят нарушения секретности, поэтому целесообразна все же ЛЕГЕНДА, объясняющая то или иное событие (контакт, встреча, контракт et tutti frutti), ставшее достоянием гласности;

б. ТАЙНОЕ В РАМКАХ ЯВНОГО. Однако на практике все выглядит сложнее, например, агент и его куратор официально знакомы и встречаются на приемах. Если куратор начнет проверяться от слежки перед такой встречей, то этим он навлечет лишь подозрения на агента. Особенно опасно конспирировать ИЗВЕСТНЫМ ЛИЦАМ, которые благодаря своей популярности могут совершенно случайно стать предметом постороннего интереса, вплоть до слежки со стороны даже просто любопытного. Кроме того, любые сведения об ИЗВЕСТНЫХ ЛИЦАХ распространяются быстрее обычной информации, ибо вокруг них обычно много слуг, знакомых и родственников, которые ухватывают и распространяют любую информацию, особенно носящую характер сплетни. Они основные источники утечки, поэтому их особо нужно питать ЛЕГЕНДАМИ. Часто бывает, что ИЗВЕСТНОЕ ЛИЦО является единственным человеком, убежденным в эффе́кте принятых им конспиративных мер, — на самом деле его секреты широко известны.

ЧТО ДЕЛАТЬ? ОПЫТНЫЙ ГЕОГРАФ пойдет по проверенному пути: в абсолютной ТАЙНЕ сохраняется лишь

САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЛИШЬ СУТЬ, а для остального создается ЛЕГЕНДА.

Глупо отрицать знакомство по линии работы или деловые отношения, однако в глубокой тайне сохраняется их агентурная суть, если таковая существует. Или: бизнесмен Р. часто ездит в Грецию (это скрыть ему трудно, особенно от властей), говорит, что ведет переговоры о закупке шуб, а на самом деле закупает героин. Депутат С. купил в Патагонии ранчо, но скрывает это, утверждая, что лишь арендует его на лето. Он мог бы говорить, что выезжает во Францию, или вообще молчать, но в Патагонии его часто фиксировали думцы и их родственники. Короче, чем лучше и убедительнее виден кончик айсберга, тем надежнее похоронена тайна всего айсберга;

в. ВАЖЕН ПРИНЦИП: ВРАТЬ НУЖНО КАК МОЖНО МЕНЬШЕ хотя бы потому, что потом забываешь, что именно врал, и говоришь другое;

г. ВАЖНЫЙ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ НЕ СЛЕДУЕТ ВОЗВОДИТЬ В АБСОЛЮТ: РАНО ИЛИ ПОЗДНО ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ. Увы, но большинство людей склонно делиться тайной, а иногда (разрыв двух друзей или мужа с женой) намеренно используют свою осведомленность о тайне в целях досадить бывшему союзнику. Отсюда вывод: всегда должна быть ЛЕГЕНДА на случай провала.

4. ПРОСЛУШИВАНИЕ.

ГЕОГРАФУ СЛЕДУЕТ ПОСТОЯННО ИСХОДИТЬ ИЗ ТОГО, ЧТО ЕГО ПРОСЛУШИВАЮТ (в помещении, по телефону, в машине и иногда на улице) И САМЫЕ СЕКРЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗЛАГАТЬ СОБЕСЕДНИКУ НА БУМАГЕ. Однако и тут не следует превращаться в суперконспиратора, включать воду в ванной (это не поможет), внезапно переходить на шепот или включать музыку (посторонние звуки филь-

труются!). Тут снова нужно исходить из принципа засекречивания самого главного и не разминиваться на мелочи. Помните, что можно вставить радиозакладку в одежду, ботинки и прослушать таким образом. Поэтому время от времени следует проверять и помещение, и личные вещи с помощью специального локатора, причем создавать искусственно ситуацию, когда противник не может не включить подслушивающую аппаратуру.

5. СЛЕЖКА.

ГЕОГРАФУ целесообразно постоянно исходить из слежки в целях установления его контактов или мест, где он с ними встречается. Тут опять же не следует постоянно конспирировать и проверяться, это лишь заставит противника принять более эффективные меры. Наоборот, лучше изображать себя простаком, которого мало волнуют слежка или прослушивание.

Для выявления наблюдения необходимо постоянно фиксировать автомашины сзади и впереди, для этого под ЛЕГЕНДОЙ останавливаться в неожиданных местах, заезжать в тупики и создавать всяческие сложности для тех, кто ведет слежку, дабы их выявить. Отрываться от наблюдения можно лишь в ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ случаях, и, вообще, только разгильдяй показывает наружке, что он ее видит и даже готов обвести вокруг пальца. Можно специально строить маршрут так, чтобы за машиной наблюдали с отдельных точек слуги фигуранта: после проезда по маршруту они докладывают о всех подозрительных машинах, идущих в хвосте».

Все это написал поэт-декадент и хронический алкоголик, а ведь золотые слова!

В эту минуту в дверь деловито постучали.

- Это кто?
- Конь в пальто.
- Что вам нужно?
- Вы предали гласности секретные документы... Откройте немедленно, иначе будем стрелять!
- Боже, что делать? Начинаю жечь шифровки.
- И это, представьте себе, тоже поиск бесконечности...

ГЛАВА О ТОМ,

*как превратиться в мексиканского мачо,
смело целовать мертвецов и не погибнуть
от пули великого художника,
испив текилы*

Если вы можете это прочитать, то вы
стоите на моих сиськах.

Надпись на надгробном камне

Донья Смерть ковыляет
мимо ивы плакучей
с вереницей иллюзий —
престарелых попугаиц.

Федерико Гарсиа Лорка

Алиса из Страны чудес начинала мне надоедать. Постоянные наставления, нравоучения, капризы. В конце концов, Льюис Кэрролл сделал из нее культ в англосаксонском мире, но чем Кэрролл лучше нашего Чехова, Хармса или Зощенко? «Образование мы получили отменное, потому что отменяли занятия чуть ли не каждый день». Парадокс Кэрролла. И что? «Я это знаю точно, только неточно знаю, откуда это знаю». Игра слов Кэрролла. «Гавка сказала мышке: „Идем! / Ты мне ответишь перед судом! / Нынче мне скучно, и с интересом / Я занялась бы нашим процессом“./ Мышь отвечала: „Что ж, я согласна! / Пусть нас рассудит суд беспристрастный! / Где же судья и где заседатели, / Чтобы напрасно слов мы не тратили?“ / Гавкин коварный слышится смех: / „Я, дорогая, справлюсь за всех. / Наши законы — ваша вина. / Будешь немедля ты казнена“». Длинно, но в точку. «Я придумал средство от выпадения волос. Волосы почему падают? Потому, что свисают вниз. А надо взять палочку и поставить ее на голову, чтобы волосы вились вокруг нее, как плющ. Они вьются вверх, а вверх падать невозможно, вот! Это мое собственное изобретение! Можешь использовать его, если хочешь!» Однако, не фонтан. Достали и Кэрролл, и Алиса, и Кот. Бывает. Убежать от нее к чертовой матери. Куда?

Рейс Москва — Мехико-Сити переполнен прекрасными дамами. Ансамбль «Березка» или балет Большого театра? Все как на подбор, с изящными сумочками, ножничками, пилочками, маникюрчиками. Менуэты, пируэты, пташек щebetанье. Такие красотки требуют соответственных спутников — мачо. Какой мужчина не хочет стать настоящим мачо? Волевым, сильным, благородным, безоглядно смелым, дерзко бросающим перчатку в лицо смерти? Такие мужички на вес золота, они — соль земли и предмет обожания. Эти герои водятся только в Мексике. Истинный мексиканец — непременно мачо. У него, по достоверным свидетельствам, в отличие от обыкновенного мужского существа, намного больше тех золотых сокровищ, которые снесла курочка Ряба, их много-много — не счесть алмазов в каменных пещерах... Какая женщина не захочет плюнуть на всю житейскую кутерьму и умчаться в Мексику, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Него, с густыми усами до ушей, в огромном, отделанном серебром сомбреро и со звонкой гитарой в мускулистых руках? Любовно мурлычущего «Бесаме мучо» у вздымающейся от волнения нежной груди. Увидеть мачо — и умереть!

Когда в 1519 году испанский конквистадор Эрнан Кортес с четырьмя сотнями солдат впервые вступил в бывшую столицу ацтеков Теночтитлан, что на месте нынешнего Мехико, он был поражен сказочной красотой города, казалось, они попали в рай. Кортеса радушно встретил ацтекский правитель Монтесума II, достойно разместил всех испанцев, не ведая, что такое европейское вероломство. Путь к мачизму был долг и полит кровью — он начался после открытия Колумбом Америки в 1492 году и сопровождался жесточайшей испанской колонизацией индейских племен. Испанцы искали свое Эльдorado, набивали карманы золотом и возвращались, счастливые, к своим испанским женам.

Правда, не забывали о наслаждениях быстротекущей жизни и усердно окучивали прекрасную половину индейского населения. Мачо имел большую семью, в ней из мальчиков растили подобие могучего папаши и не допускали к домашней работе — это удел слабого пола. Муж-мачо делает деньги и кормит, строит свой дом, плодит детей, по праздникам, приодевшись, выползает со всей семьей в хороший ресторан, где все священнодействуют над плодами мексиканской кухни и пьют текилу — гордость страны. Метисы (помесь испанцев и индейцев, а это и есть большинство мексиканцев) как раз и являются носителями мачизма, они делают жизнь, устанавливают и навязывают свои правила, они — индивидуалисты. О, эти несчастные бедные индейцы! Их все притесняли, и все потому, что они мирно отдавались течению жизни, не выпендривались, танцевали, раскрасив физиономии, вокруг костров и были склонны к близкому русскому сердцу коллективизму. В памяти встает древний анекдот: «Что делают бедные индейцы летом?» — «Они ловят рыбу и занимаются любовью». — «Что делают бедные индейцы зимой?» — «Они не ловят рыбу». В 1846–1848 гг. идет война между Мексикой и Соединенными Штатами, последние одерживают победу, оккупируют Мехико-Сити, отхватывают себе штат Техас, часть Калифорнии и другие территории к северу от Рио-Гранде. Неудивительно, что в Мексике американцев (их презрительно именуют «гринго») не любят, хотя завидуют их уровню жизни. Столица — Мехико-Сити — поражает и заставляет забыть все издержки бюрократизма. Центральная часть, особенно проспект Реформы, ослепляет переливающимися на солнце зеркальными небоскребами, зеленые бульвары прерываются площадями и изысканными монументами с фонтанами: памятник Независимости, фонтан с Дианой, игриво натягивающей лук. Строгий монумент Революции, у которого

часто проводят митинги и демонстрации, памятник последнему императору ацтеков Куаутемоку со вскинутым копьем. Испанские конквистадоры пытали его по всем рецептам мадридской инквизиции, кололи кинжалами и прижигали горящими углями ступни ног, а потом привязали к столбу и разожгли под ним костер. По преданиям, вождь индейцев, охваченный пламенем, иронически поднял бровь и спросил: «Не на ложе ли из роз нахожусь я сейчас?» Соколо — главная площадь столицы ацтеков Теночтитлана, тут находились пирамиды и дворцы, тут проходили все религиозные церемонии ацтеков. На площади раскинулся Национальный дворец Мексики, официальная резиденция президента, его стены украшены фресками великого Диего Риверы и других художников, собственно, по этим муралам легко проследить историю страны от самых истоков. Великих муралистов можно увидеть и в изысканном Дворце изящных искусств, что недалеко от Соколо, в том же районе — универмаг, который художник Ороско отделал цветной керамической плиткой, по дороге в университетский городок и олимпийские объекты на юге столицы (они выполнены во всем блеске современной архитектуры). Можно полюбоваться зданием бизнес-центра «Полифорум» с грандиозной фреской Давида Сикейроса «Марш человечества». Сикейрос всегда был заядлым коммунистом, он прошел через гражданскую войну в Испании и был организатором первого покушения на Троцкого в 1940 году, когда в форме майора мексиканской армии с группой соратников он ворвался в охраняемую виллу Льва Давидовича в районе Койоакан*. Пули боевиков изрешетили все комнаты, одна

---

* «Мы живем в скучные времена... Вы отняли у политики две ее неотъемлемых принадлежности: кинжал и яд, сделали ее беспорочной, нудной, глупой, болтливой и обывательской. Без Борджа общество угасает» (*Анатоль Франс*).

попала в пятку внука вождя, а сам Троцкий с женой уцелели случайно, спрятавшись под кроватью. В атаке участвовал и наш выдающийся разведчик-нелегал Иосиф Григулевич, ранее воевавший на стороне республиканцев в Испании. Во время войны Григулевич обосновался в Аргентине, где создал агентурную группу и занимался саботажем: взрывами на судах с германским грузом. После войны он под «крышей» бизнесмена функционировал в Латинской Америке и Европе, а в 1950 году случилось невероятное: по протекции друга Григулевич был назначен послом Коста-Рики в Ватикане, там он развернулся, собирая необходимую информацию. Характерно, что после ареста и расстрела Берии его отозвали из Рима, но, к счастью, не репрессировали. Правда, Григулевич оказался без средств к существованию с женой-испанкой и грудным ребенком. Блестящий эрудит, он начал новую жизнь на научном поприще, поступив на работу в Институт этнографии, специализировался на Испании, Ватикане, Латинской Америке, стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР и приобрел широкую известность как автор книг в «ЖЗЛ», выступая под псевдонимом Лаврецкий. С ним случались «веселенькие» истории. Например, после войны ему поручили убрать одного военного преступника, укрывавшегося в США. Григулевич под легендой договорился с ним о встрече, но накануне преступник покончил жизнь самоубийством. Разведчик направил об этом шифровку в Центр, который в ответ поздравил его с успешным выполнением задания и наградил орденом. Григулевич написал в ответ, что не имеет к смерти преступника никакого отношения, Центр тоже ответил: вы устали после тяжелого дела, подлечите нервы, поезжайте недельки на три отдохнуть куда-нибудь в Ниццу. Григулевичу предлагали убить югославского лидера, маршала Тито, и только смерть Сталина изменила это решение.

Сейчас вилла превращена в дом-музей Льва Троцкого, во дворе — его могила со скромным памятником, над которым реет красный флаг, в уголке двора и клетка с кроликами, которых так любил создатель Красной Армии. Троцкий знал о приказе Сталина его умертвить и сделал из виллы небольшую крепость. Он вел активную партийную работу, создал свой Интернационал, дружил с Диего Риверой, жившим недалеко. Закрутил роман с его женой, художницей Фридой Кало, которую в Мексике почитают как богиню красоты. Любовь, любовь, что ты делаешь с людьми! Убийца Троцкого, агент НКВД Рамон Меркадер познакомился со своей жертвой, влюбив в себя его личную секретаршу Сильвию, и благодаря ей стал завсегдатаем на вилле и другом охранников. Да и самого Меркадера привлекла к сотрудничеству с НКВД его мать Каридад, влюбленная в полковника НКВД Леонида Эйтингона (после смерти Сталина отсидел много лет), близкого друга главы отдела «мокрых дел» Павла Судоплатова, прославившегося во время Отечественной войны генерала, тоже отсидевшего в тюрьмах после смерти вождя народов. Судоплатов славно ухайдокал главу ОУН полковника Коновальца, подложив ему взрывчатку в коробку конфет. О, как хладнокровно он менял внешний вид, переодеваясь в макинтош и шляпу, купленные в соседнем магазине, когда взлетел на воздух целый квартал вместе с Коновальцем!

...Когда Рамон обрушил на голову Троцкого, читавшего рукопись у себя в кабинете, альпийскую кирку, запрятанную под пальто, Каридад и Эйтингон ожидали Рамона за углом в автомобиле. Но Рамона Меркадера арестовали, не получили никаких признаний, осудили на двадцать лет и выпустили лишь в 1960 году. Он уехал на Кубу, затем в Чехословакию (в СССР наступили другие времена, и его, не смотря на заявление, даже не приняли в компартию), умер

на Кубе в 1976 году, и прах его захоронен на Новокунцевском кладбище, недалеко от могилы советского разведчика Кима Филби.

...Шочимилько — плавучая деревня на плотках. В ацтекские времена в этих плавучих садах любили повеселиться жители столицы, катаясь в украшенных цветами лодках и распевая веселые песни под гитары. Чапультепекский парк уже с раннего утра заполнен бегунами и другими любителями физкультуры, он по праву считается легкими города, имеющего экологические проблемы. В то время я еще бегал и с завистью глядел из окна отеля на вереницы бегунов. Впрочем, бег в центре Москвы больше похож на самоубийство шизофреника — какое может быть здоровье от гущи газов? Что делать в Мехико вечером? Можно пойти послушать пение под гитару на площадь Трех культур. Можно забраться в дискотеку или в ресторан, где тоже играют и поют на полную катушку, можно даже пойти в оперу или на концерт. Но лучше всего не привязывать себя к одному месту, а бродить бессмысленно по улочкам, пропуская по чашке кофе с недурственным мексиканским бренди в приглянувшихся кабачках. Бывшая столица тольтеков Теотиуакан (их там жило около 200 000 человек) расположена в тридцати километрах от столицы и возведена во втором веке до нашей эры. Пришедшие с севера ацтеки застали величественные развалины и пирамиды, они это не уничтожили (уважали чужой труд в отличие от европейцев), но и жить там не стали. Первые люди предположительно появились в Мексике 21 000 лет назад (!), они двигались из Сибири в течение 70 000 лет (!) со скоростью 27 километров на целое поколение (оказывается, мы, русские, не только долго запрягаем, но и долго едем!). Сибиряки пересекли Берингов пролив, прошли через Аляску, Канаду и Северную Америку, оседая на подходящих землях. Можете представить себе

здоровенных сибирских мужиков с дородными бабами, тоже питекантропового вида, которые медленно, как черепахи, перли через континенты до самого Чили, пожирая по дороге мамонтов, диковинные растения и запивая все это огненной водой домашнего производства!

Теотиуакан поражает. Пирамиды Солнца, Луны и Кетцалькоатля — Пернатого Змея красочно блестят под солнечными лучами, и люди на них издали кажутся жалкими муравьями. Пирамида Солнца чуть больше шестидесяти метров, подъем на нее крут. По нему карабкаешься, как по пожарной лестнице, сверху открывается такой необыкновенный вид на город и зеленую долину, что зрелище может стоить инфаркта. Кетцалькоатль — это богочеловек, вышедший из морских вод, его змеиное тело украшали перья птицы кетцаль, но вскоре он превратился в белого человека с лицом, покрытым волосами, и, согласно легендам, мудро правил индейцами, а потом бесследно исчез, пообещав явиться снова. По одной из версий, врагам удалось опохмелить трезвенника Кетцалькоатля вместе с родной сестрой мексиканской брагой пульке (единственный спиртной напиток, который индейцы знали до прихода испанцев), в результате случился грех инцеста, и утреннее похмелье вместе со стыдом превосходило любую из пирамид. Пришлось уйти на берег моря и навеки себя там замуровать, правда, сердце Кетцалькоатля превратилось в планету Венеру и мерцает на ночном небе.

Майя поклонялись многим богам (до ста пятидесяти) и проводили торжественные религиозные церемонии, они приносили в жертву своих детей, вырывая у них сердце, они приносили в жертву самих себя, отрезая уши, язык и руки, они даже протыкали себе копьем мужскую гордость и окропляли кровью статую бога. Мало этих глупостей — так еще пришло в голову воздерживаться от секса во

время сева и сбора урожая, словно колхозные трудодни боялись потерять! И вообще с моральным кодексом переусердствовали: если женщина теряла девственность или изменяла, ей между ног втирали перец! А мужчине, совершившему грех с чужой женой, вскрывали живот и выпускали оттуда кишки... Боже, как хочется к морю после всех этих ужасов! Как надоедают пирамиды, и уже не рвешься на верхотуру, а спокойно пьешь местное пиво «Корона» или «Сол» у подножья, и тугими мозгами пытаешься переварить всех этих ольмеков, тольтеков, запотеков, и клянешь ученых с противоположными точками зрения...

Канкун — вытянутый полуостров — разделен на downtown и более чем двадцатикилометровую череду отелей. Остановливаюсь в шикарном отеле «Парк Цезаря», разве я не подобен Гаю Юлию Цезарю? В зеленом саду — бассейны с барами и ресторанами, внутри — магазинчики, спортивный центр, холл с фонтаном, где по вечерам играет оркестр, служители бесшумно разносят коктейли, а старый мексиканец за столиком в углу картинно скручивает из табачных листов внушительные сигары, которые не идут ни в какое сравнение с теми, что в коробках. Надеваю парадные полосатые шорты и выползаю на прогулку по городу. Сразу же натываюсь на несколько шарман-балерин из моих самолетных спутниц. Это удивляет, неужели наши корифейки выступают в таком захолустье? Хотя Канкун — отнюдь не деревня, а переливающийся огнями сгусток удовольствий: там между разноцветным Карибским морем и задохнувшейся лагуной, разбросано бесчисленное множество дискотек и ресторанчиков, там раскинулись duty free торговые центры — дворцы, и, наверное, наши потомки в случае конца цивилизации, раскопав через много веков эти гиганты архитектуры, будут долго ломать головы, почему погибли люди, если они были такими талантливо-

ми и умными. Шествую походкой Цезаря (вспоминаю Шекспира: «Истлевшим Цезарем от стужи / Заделывают дом снаружи») на гостиничный пляж. Там сразу обнаруживаю еще одну самолетную спутницу, она сладостно обнажилась под солнцем, сняла верх, а плавки ловко запрятала в своих прекрасных расщелинах. Вспоминаю опыт молодых лет в ялтинском санатории КГБ «Черноморье». Четверо курящих мужиков в палате, а тут еще у одной секретарши обнаружили сифилис и объявили карантин. Для бегства на городской пляж и возвращения мы использовали окно, на пляже я и научился по песку на пузе подползать к загоравшим девушкам. Итак, снял роскошные шорты и присоединился к самолетной спутнице. «How are you?» — «Hi!» (Явно меня не узнала.) Английским не блещет, ведет себя деловито. Звонок по телефону, это Чеширский Кот: «Ты думаешь, я о тебе забыл? Старая ты простофиля, если думаешь, что по айфону нельзя вычислить твое местонахождение! Какого черта пристаешь к русской бляди?!» И тут я узнаю, что Канкун — это хлеб для русских профурсеток, они вылетают туда стадами. Жизнерадостные гринго из американских южных штатов, уставшие от своих безжизненных жен, набрасываются, как голодные звери, на огненных русачек, отваливают им бешеные деньги, гуляют, пожирая омаров и текилу, до раннего утра.

...К Шкарету (о майя, майя!) нужно готовиться, как к свиданию с возлюбленной, и выезжать туда на целый день. Прыгают по веткам и бормочут о своем симпатичнейшие попугаи, позируют розовые фламинго, помахивают толстыми хвостами еноты. Морские черепахи в аквариуме носятся, как подводные лодки, и тупо смотрит в одну точку зеленый крокодил, огражденный от слишком любопытных рвом. Но это не зоопарк, тут воздвигнута образцово-показательная деревня майя, воспроизводящая древние вре-

мена. Никакой искусственности не чувствуется, через деревяню протекает подземная река, иногда выходящая из пещер на волю, это святой источник, в котором раньше очищались от грехов пилигримы-мая. Решив искупить грехи (хотя никого не мазал перцем!), я сдаю вещи в гардероб и получаю спасательный жилет, по расцветке напоминающий форму наших дорожных рабочих. Пытаюсь отказаться — уж не мне, опытному волжанину, плавать в жилете! — но, оказывается, это обязательно, ибо несколько лет назад утонула пара слишком резвых ныряльщиков. Наверное, спасательный жилет кому-то нравится (если не думать во время заплыва о «Титанике»), но попробуйте правильно его завязать и проплыть в нем впервые в жизни метров семьсот! Жилет возвышался над моей головой, как привязанная к спине резиновая лодка, плыл я уныло и тяжело, словно заканчивал пересекать Ледовитый океан. Борьба с проклятым жилетом отнимала все силы, и какой-то старичок-американец, отдохавший у проема, поинтересовался состоянием моего здоровья. Тем не менее мои несчастья не смогли заслонить всей уникальности движения по кристально прозрачной воде, под сводами пещер с цветной подсветкой... Где еще в мире такие подводные священные реки? Обессилевшему борцу с жилетом сам организм приказывал подкрепиться в ресторане, куда я и направил стопы, нацелившись на мексиканскую кухню. Самый распространенный fast food — это кукурузная или пшеничная лепешка, в которую завертывают все что угодно: бобы, жареный мясной фарш, куски курицы (во всех случаях ее в Мексике готовят очень вкусно), говядины или свинины. Баранина у мексиканцев не в чести, рыбу готовят прекрасно, но она не так популярна, как мясо. В меню много блюд, напоминающих гуляш или бефстроганов, с обилием нарезанных овощей, в большом ходу чечевица и бобовые во всех видах. Мекси-

канские соусы — испытание для желудка, и новичок может целый час хлопать обожженным ртом, как рыба, выброшенная на воздух. Недурственны холодный ацтекский суп или острый суп из креветок, для гурманов-авантюристов сойдут суп из желтых цветов, суп с червями (!) или муравьиные яйца. Предварительно заказываю рюмку текилы, не простой, а с мертвым червячком на дне — в этом особый мексиканский шик! Текила внушает мне трепет: я видел своими глазами, как молодой человек, орудуя ножом, отрезал от листа агавы колючку, вытягивал ее вместе с тканью-ниткой, которую соком агавы перекрашивал в разные цвета. Он расслаивал листья агавы, и они превращались в прекрасный папирус, из агавы индейцы плели сандалии, вили веревки, шили одежду... В Канкуне бесподобно готовят омаров (или лобстеров), их ловят в Карибском море и подают в ресторанах за 12–15 долларов, словно это какие-то гамбургеры! Омара и заказываю, вспомнив строчки Н. Гумилева: «Дело важное здесь нам есть — / Без него был бы день наш пуст — / На террасе отеля сесть и спросить печеных лангуст». Из ресторана наблюдаю, как в водоеме резвится дельфин, прыгающий вокруг юных туристок, остальные двое лежат на спине и дают гладить свое пузо... Но еще не вечер. Оранжевая с бабочками ослепляет, они носятся перед глазами, мечутся под сеткой, помахивая разноцветными крыльями. Пещера с летучими мышами окунает в мир мистики, и кажется, что в каждом темном углу сидит по черту, а вокруг летают ведьмы с крысиными мордами. Но стремительно темнеет, и начинается самое главное действие в Шкарете: ритуал древних индейцев. В деревне майя, у святой реки, оглушительно бьют бубны и барабаны, заливаются в криках и рыках вожди, зажигаются костры, и в их отблеске затевают сумасшедший пляс индейцы в шкурах и соблазнительные индианки. Все потрясают копьями и томагавками,

пушат птичьи перья, обрамляющие головы, меняют маски, прикрывающие лица, сверкают обувью, отделанной ракушками и перламутром. Плышет челн с важными товарищами-индейцами, и грозный вождь вонзает каменный нож в грудь индейца, принося его в жертву, и вырывает оттуда сердце. Запахи дыма и благовоний заполняют все, и хочется сорвать с себя шорты, натянуть на тело шкуру и броситься в этот неистовый пляс.

Кажется, я уже стал мачо... Держу в руках череп, ощупываю его, поглаживаю руками, залезаю пальцами в глазницы, упираясь в их дно. Даже понюхал — запах совсем не напоминал о вечном сне: нечто нейтральное, вроде руки наяды. Отломил бугристый кусочек от поверхности и лизнул его языком — словно клубничное варенье.

В свое время известный русский поэт Юрий Кузнецов эпатировал читателей, начав стихотворение со строчки: «Япил из черепа отца...» Представим, что каждый гражданин будет дуть водяру из черепов родных, ушедших из жизни! С другой стороны, а почему бы и не пить? Может, покойному это доставит только радость? Хранила же в своей спальне жена английского поэта и мореплавателя Уолтера Рэли его заспиртованную голову, отрубленную по приказу короля!

Сейчас я в гостях у потомка индейцев Рамона, на знаменитом празднике поминовения мертвых, который отмечается по всей Мексике, и лижу с удовольствием череп, правда, он искусно сделан из сахара. Эта фиеста продолжается два дня: 1 ноября — для безвременно умерших детей, 2 ноября — для почивших взрослых. Вот где тосковать по бесконечности жизни! В Мексике обожают мертвецов и делают из них культ.

Тут в пространство ворвался Чеширский Кот, одетый во фракную пару и в галстук-бабочке, прыгнул на стол, вздыбил свой могучий хвост и проорал:

— Черепа в студию!

Первой вышла дама с обнаженной грудью в маске черепа, она недавно бросила мне в бокал зеленую оливку. Ее сопровождали мексиканцы, отбивающие чечетку на дубовых гробах.

— Скелеты в студию! — заливался Кот.

Веселые скелеты в поношенных сандалиях с легкомысленными шарфами на шеях. Черепа в пышных усах и в посеребренных сомбреро, с бутылками текилы в костяшках бывших пальцев. Скелеты наяривали на банджо, скелеты хохотали и дули вино прямо из бочки.

— Дамы приглашают кавалеров! — не унимался Кот.

И тут же скелеты-дамы с цветными бантиками на черепах застучали костяшками ног по полу в искрометной пляске. Скелеты-мужчины не отставали, тоже лихо танцевали, нежно прижимая к груди кости партнерш и целуя их в прогалины черепов.

— Рыцарей в студию! — продолжал Кот.

Храбрые скелеты с пиками в руках, в рыцарских доспехах мчались на скелетах лошадей биться с вражескими скелетами.

Скелеты с огромными птичьими крыльями и длинными седыми бородами. Скелеты на велосипедах, переезжающие другие скелеты.

Самозабвенно любуясь скелетами, я заметил, как на мой столик впорхнула зеленоватая канарейка, склевала несколько хлебных крошек и уставилась на меня пронзительными глазками.

— Ты что, маленькая, хочешь кушать? Сейчас найду для тебя вкусных зернышек...

— Не трудитесь, сэр, — ответила канарейка, медленно превращаясь в чудесную Алису. — Извините, сэр, но что с вами происходит? Из относительно нормального джентль-

мена вы превратились в мистика, помешанного на мертвецах. Стыдно сказать, но вы похожи на сумасшедшего Гоголя, осужденного критиком Белинским! Вы, извините, не просто обскурант, вы, видимо, хотите выслужаться и занять место российского патриарха или папы Римского! Вы хоть понимаете, что ставите под угрозу наши дружеские отношения?

— Подарки в студию! — визжал Кот. — Бесплатная раздача слонов!

Алиса помахала мне зонтиком от «Барберри», снова превратилась в птичку и упорхнула. Что мне оставалось? Только лишний раз окунуться в мексиканские муралы и графику. Хотя и там дыхание дамы с косой. На огромной фреске великого Диего Риверы «Сны в Аламеде» в одной компании почти со всеми историческими фигурами Мексики стоит символ Смерти — Череп Катарины в белом платье, шикар-ной шляпке и боа из чешуи Пернатого Змея, которому поклонялись индейцы. Она держит за руку юного Риверу с зонтом (позади его красавица жена Фрида Кало, художник-сюрреалист), фаланги другой руки продеты сквозь галантно согнутую руку ее создателя, художника Хосе Посада, который не вылезал из темы Смерти в своем творчестве. Да! Мудрые индейцы считали, что Смерти не нужно бояться к ней следует относиться просто, мужественно и с юмором, она лишь продолжение жизни, одна из многих бед людей, с которой нужно смириться.

Утром 2 ноября я прогулялся по городу. У входа в самые злачные дискотеки висели скелеты и черепа, в витринах магазинов лежало то же самое, кроме этого, повсюду были расклеены плакаты и гравюры: скелет Дон Кихота, воюющего с мельницами, скелеты тореадоров с плащами, убивающие мачете скелеты грозных быков, очаровательные скелеты-невесты под ручку с не менее очаровательными

скелетами- женихами... Везде продавались черепа из белого сахара со вставленными в глазницы сверкающими цветными камешками, дети радостно покупали булочки и пирожные в виде черепов, и в барах подавали Levanta muertos — крепкий коктейль «Подъемник для мертвых», от которого захватывало дух. Народ веселился. На эстрадных площадках играли музыканты (естественно, в костюмах скелетов и в масках-черепах), публика вокруг дарила друг другу булочки-черепа, насмешливо и ласково называя смерть Лысой или Костлявой. В большинстве лавок стояли портреты почивших родителей хозяев, рядом горели свечи, стояли рюмки и бутылки с текилой, которую мог попробовать любой посетитель. Тут же множество разноцветных черепов и изящный скелетик из пластика (к этому времени я уже проникся к ним нежностью и даже купил несколько штук для резвых внуков). По крупнейшему торговому центру бродила высокая девушка с осиной талией и в белом платье, на лице была маска смерти, она предлагала посетителям выпить текилы и закусить кукурузной лепешкой. Когда я принял рюмочку, то увидел, как за маской сверкнула нежная улыбка...

С Рамоном, чистокровным индейцем, я познакомился накануне, после ритуального представления, когда, облаченный в перья, он в танце убивал копьём дикую утку.

— Мой папа при жизни очень любил жареную дикую утку и сегодня будет счастлив ее отведать! — говорит он с радостной улыбкой.

Стол накрыт скромно, но со вкусом. Посредине — портрет покойного отца, на видном месте — дикая утка, которую он так обожал, множество цветов, особенно желтые ноготки (или бархатцы), выпивка и стаканчик для папы. Все как у людей. Ровно в шесть вечера колокол близлежащей церкви начал «созывать мертвецов», и бил он до вос-

хода солнца следующего дня. Около полуночи, изрядно поговорив и выпив в память покойного папы Рамона, все родственники направились на кладбище. Я уже настроился на то, что там нас встретит скопище привидений и всевозможных Дракул, которые будут обнимать и целовать в уста, неожиданно выпуская грязно-желтые клыки, я уже представлял, как из склепов начнут выскакивать покойники и затягивать к себе посетителей.

Но открывшееся зрелище было торжественно и поразительно: все кладбище мерцало сотнями свечей, около каждой могилы сидели люди и отмечали этот древний ритуал. Воздух был пропитан ладаном — оказывается, вернувшиеся души мертвцов находят путь к своим могилам по запахам ладана и мерцанию свечей. На могилу Рамон перенес часть выпивки и закуски из дома (естественно, и дикую утку), мы пили за «здоровье» души усопшего папы, весело пели и танцевали вместе со всеми, угощали соседей по могиле. И длилось это, пока внезапно не погасла одна из свечей, что было истолковано Рамоном (слезы счастья и горя струились по его лицу) как знак того, что душа папы с благодарностью явилась на застолье, порезвилась на нем и наслаждалась общением с потомками...

Я возвращался в гостиницу и думал: почему я так быстро привык к этой необычной фиесте? А собственно, так ли далеко мы ушли от язычников-индейцев? Ортодоксальное православие не признает поминки, тем не менее мы привыкли после похорон стряхнуть с себя скорбь, посидеть за столом, поставив тарелку и стакан для усопшего, вспомнить о нем по-доброму, посмеяться и облегчить этим печаль близких.

И хорошо.

Бывая на могилах своих родителей и друзей, разве мы не захватываем с собой водку, соленые грибки и огурчики?

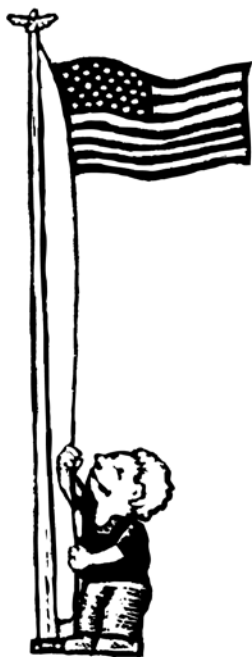
Разве мы не поднимаем стопку в их память, зажигая свечи? Разве на Пасху и после нее не напоминают наши кладбища большие закусочные? А разве православные грузины не строят целые склепы с любимыми вещами покойного и не отмечают там скорбные дни хорошим вином?

Кончился XX век, а всего лишь в X веке наши предки-язычники по указу князя Владимира сбрасывали бога Перуна в воды Днепра. Так ли это было давно на фоне истории человечества? А может, мы — индейцы? Ведь первые люди пришли в Америку из Сибири 21 000 лет назад. Они пересекли Берингов пролив, прошли через Аляску, Канаду, Северную Америку, Мексику и дотопали до самого Чили, обживая земли на пути.

С этой мыслью я и заснул, гордясь нашими сибирскими мужиками и бабами.

Дотопал до бесконечности...

ГЛАВА 0 ТОМ,

*как прекрасно отдать прекрасную жизнь
борьбе с главным противником — США —
и наконец на пенсии посетить страну
и читать лекции врагам*

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак! Он лучше бы открыл
На Менделеевской пивную.

Студенческая песня

Перед визитом президента США Джорджа Буша — младшего в Великобританию центральная британская газета Mirror опубликовала «Путеводитель по Великобритании для идиота», адресованный высокому гостю.

В справочнике всего десять пунктов:

1. Великобритания — это такая страна на островах к востоку от Штатов, где люди говорят как-то странно. Лондон — ее столица. Эта страна — независимое государство, а не Ваш пятьдесят первый штат.

2. Наш монарх — королева Елизавета II (произносится, как «вторая», а не «одиннадцатая»). Ее не стоит обнимать и называть «дорогая». К ней следует обращаться со словами «Ваше Величество» или «Мэм». Всегда.

3. Ее старшего сына зовут принц Чарльз, а не Чак. Не надо говорить с ним о дворецких, слугах или справляться, не видел ли он каких-нибудь особенных видео.

4. На банкете следует сначала пользоваться приборами, лежащими далеко от тарелки. Картофеля фри и Биг Мак в меню не будет.

5. «Битву за Британию» во время Второй мировой войны выиграли Королевские военно-воздушные силы, а не Том Круз или Брюс Уиллис.

6. Мы живем в демократическом государстве, а в нем разрешено свободно выражать свое мнение. Поэтому если

вы увидите вдоль дороги тысячи демонстрантов, то не просите отправить их на базу в Гуантанамо.

7. Мы говорим «брюки», а не «штаны», если не имеем в виду Вашу внешнюю политику.

8. Уильям Шекспир — наш великий драматург. Именно он, а не Франко Дзефирелли, написал «Ромео и Джульетту». Не просите познакомить вас с Уиллом — он умер.

9. Будьте готовы к пробкам на дорогах в Лондоне. За нарушение правил дорожного движения наш мэр Кен Ливингстон выпишет вам штраф в 40 фунтов за каждую машину кортежа.

10. В чай мы наливаем молоко, а не кладем лед, утром за завтраком едим тосты, а не вафли, на улице ходим по «тропуару» (*англ.* pavement), а не по «обочине» (*амер.* sidewalk).

Но это было позднее, об американцах я впервые серьезно услышал во время войны, когда ел американскую свиную тушенку. Позже летал на «дугласах» и ездил на «виллисах», читал у Бориса Горбатова о Гарри Трумене, «маленьком человеке в коротких штанах», атомной бомбе в Хиросиме и Нагасаки. В Куйбышеве (Самаре) в пятидесятые выходил к горкому партии, где висела огромная карта о ходе боев в Корее. О, как наши корейцы отогнали южан до самого Сеула и чуть не скинули в море! А тут вторглись американцы с их генералом Макартуром... и не помогли даже китайцы! Как мы болели за наших против янки! В Московском институте международных отношений я специализировался по Штатам, писал курсовые работы «Милитаризация экономики Калифорнии», «Фашизация политического строя США», а дипломная работа называлась «Советско-американские отношения в начале войны (1941–1942 гг.)». Практику, как фигура беспартийная и не на выборных комсомольских должностях, проходил не в США, а в отделе печати МИД СССР. Там под псевдонимом подготовил и опубликовал в центральной печати несколько обличительных статей об

американских корреспондентах в Москве. Восхищался зав-отделом печати Л. Ильичевым (потом ведущим идеологом КПСС), который в пух и прах разделявал у себя в кабинете видного корреспондента США Брауна. На службе в разведке дела все силы бросил на борьбу с ГП — главным противником. Разрабатывал цэрэушника, превосходного парня. Как славно мы выпивали, играя при этом сцены из шекспировского «Гамлета»! Затягивали друг друга в капкан, не шибко ожидая успеха. Я покупал в нашем посольском магазине по скидке дубленку для Джорджа, а он мне — американских индеек к Рождеству! В копенгагенской резидентуре нам пару раз повезло завербовать нужных американцев, ударить по их влиянию. Однажды на товарищеском футбольном матче с американским посольством мне, резиденту, удалось забить гол с классной подачи офицера безопасности, но разве за это дадут хотя бы медальку?

После отставки в 1980 году не унимался и выстрелил прямо в сердце ЦРУ, поставив в театре и на всесоюзном радио свою пьесу «Убийство на экспорт». Там сотрудник ЦРУ Дик Смит, направленный ликвидировать премьер-министра одной развивающейся страны, влюбился по уши в его помощницу и сорвал операцию. В газете «Совершенно секретно» тоже усердно перемывал американские косточки. По линии общества «Знание» постоянно читал лекции о советской политике американцам и другим иностранцам, особенно активно этим занимался на волжских круизах и на курортах Кавказа и Крыма. Высмеял зловредных цэрэушников и англов в романе «И ад следовал за ним», опубликованном в пятимиллионном «Огоньке» в 1990 году. Приход Ельцина к власти вместе с распадом СССР и приватизацией встретил скептически, особенно неприятно поразила речь президента в американском Конгрессе, когда он благодарил США за уничтожение коммунизма.

— Похоже, ты отчитываешься за свои грехи перед партийной организацией? — в окне показалась хитрая морда Чеширского Кота. — А разве вы все не прокакали холодную войну? Не проиграли ее американцам?

Ну что несет этот паршивый Чеширский Кот?! Полная чушь и клевета, поддержанная, увы, премьером Егором Гайдаром. Американцы всегда традиционно ненавидели Советы и коммунистов, в этом они абсолютные догматики. Директор ЦРУ Гейтс в мемуарах признался, что перестройка Горбачева вплоть до 1990 года рассматривалась США как некий дезинформационный маневр и капкан для американцев. Только с появлением Ельцина и с распадом СССР они почувствовали вкус интриги и возможность стравливать бывшие республики друг с другом, что мы видим ныне. Перестройка назревала давно, ее инициатива безусловно принадлежала Горбачеву и его окружению, цели ее были возвышенны и сводились к улучшению существующей системы, освобождению ее от догматических наслоений и усилению демократизации. Увы, но поезд сошел с рельс, произошла революция, на смену пришел «дикий капитализм». При Ельцине наступили свободные во всех отношениях времена, разгул бандитов, ошеломительная хула в адрес КГБ, вплоть до требований «запрета на профессию», полчища нежных проституток на каждом углу, жульнические пирамиды, навал западных продуктов и барахла. Развернулось некоторое братание наших и иностранных спецслужб. Весь период «дружбы» с Западом метко назван директором СВР, генералом В. Трубниковым, эйфорией. Частично открыли архивы КГБ, грянул массовый наплыв журналистов и цэрэшников, берущих интервью у советских разведчиков. Не только у меня брали интервью, но и у последнего начальника советской разведки Леонида Шебаршина, главного информационного зубра Николая Леонова, резидента в США Бориса Соломатина, вербовщика американских шифровальщиков.

Тогда и в голову не приходило, что на наших материалах американцы создадут горы книг и сериалов, заработают на славу, а мы потом все это честно переведем на русский.

Директор вышедшей из КГБ Службы внешней разведки (СВР) Евгений Примаков искусно маневрировал меж Сциллой и Харибдой, придавая организации дружественные черты, американцы тоже делали партнерский вид. Ельцин сосредоточился на разгроме внутренних органов и их чистке, развернулась соответствующая пропаганда в СМИ с упором на грехи органов в сталинские годы (заметим, что после смерти вождя народов именно партия и КГБ выступали под знаменами XX съезда, осудившего репрессии). Начались плаксивые признания некоторых известных деятелей-агентов КГБ в сотрудничестве с последующим раскаянием. Американцы вели себя нагло, но с улыбками. Однажды меня пригласил на ланч некий Бейкер, бывший атташе посольства США в Дании, кадровый сотрудник ЦРУ, ныне он якобы уже работал в оружейной фирме. Попросил связать его с Коржаковым, из охранника Ельцина взлетевшего чуть ли не в кураторы наших спецслужб, однако я уже погрузился в писательство и нужных контактов не имел. «А не хотите ли работать у меня на фирме в качестве советника? Зарплата вери гуд». Совершенно легальное предложение пенсионеру КГБ, однако на нашем оперативном жаргоне это называется вербовкой, причем грубой и прямой. Да, американцы после конца холодной войны считали нас пораженцами, поверженными, низшими существами, вроде бедных индейцев, которых подкупали алкоголем. Отмечаю, что нас охмуряли на вид безобидно, но системно, вкупе с другими организациями типа Фонда Сороса...

— Как странно! — заметила Алиса. — Ведь судя по Льву Толстому, русские весьма проникательны, неужели вы не видели, что Запад вас облапошивает?

Видели, конечно, но не верили. Как известно, русские легковверны и доверчивы, это наша национальная слабость.

— К тому же вам всем замутили мозги словно свалившиеся с неба первосортные западные товары, шикарные костюмы, виски, какие-то сраные туфли! — заорал Кот. — А поездки на западные курорты?! А шанс отхватить на наворованные в приватизацию денежки старинный замок во Франции? А тупых детишек образовать в Европе?

После публикации в 1990 г. романа в популярном «Огоньке» я уже ощутил «сладкое бремя славы» и потому не особенно удивился приглашению в Иерусалим на Международную книжную ярмарку в 1992 г. Престижный отель «Мишкенот» в Еврейском квартале, его удостаивались театральный мэтр Юрий Любимов, а ныне — Евгений Евтушенко с женой и я, грешный, с безгрешной половиной. По соседству — крупный американский издатель, который меня опекал, вокруг масса американских евреев, включая милую представительницу издательства «Пантеон». (Во время кровопролитий октября 1993 г. она прибыла в Москву и подписала со мной контракт на издание романа в США, выплатив большой аванс. Роман перевели, но так и не издали. Позднее я понял почему: переварит ли читатель в США русского нелегала, обводящего вокруг пальца американского резидента и недалеких английских подпевал?) Ярмарка прошла на славу. Головокружительные приемы на высоком уровне, встречи с деятелями израильской разведки «Моссад», экскурсии в кибуцы, крепость Масада и на грязи Мертвого моря. Назревал мой первый визит в США. Во время своих корабельных лекций для иностранных туристов я законтачил несколько нужных американцев и получил приглашение посетить университет Джорджтаун в Вашингтоне. Ноябрь 1997 г. Суматошная беготня по нью-йоркскому аэропорту Кеннеди в поисках выхода на Вашингтон. Долетел,

поселили в общежитии университета, в тот же день встретился в отеле со своим коллегой, генералом Олегом Калугиным, в те дни он метался между США и Россией и еще не выдавал советских агентов. Олег Данилович показал мне некий торговый центр (там он очень ловко опрыскивался духами из пробных флакончиков), ночь я провел на его скромной дачке на море, пили скотч, закусывая местными лобстерами. Университет Джорджтаун — это приют ЦРУ (Лэнгли совсем недалеко), там я провел несколько публичных лекций, окруженный вниманием цэрэушников (которые называли меня «легендарным», тщеславие содрогалось от гордости). Сотрудников ЦРУ я и раньше знал не понаслышке. Ким Филби, друживший с Джеймсом Энглтоном, шефом управления контрразведки в ЦРУ, всегда вспоминал его с иронией. Энглтон был славным выпивохой. Спасаясь от глаз жены на рыбалке, прятал спиртное на дне озера. В то же время стал жертвой кагэбэшного перебежчика — психа Голицына, видевшего в каждом сотруднике западных спецслужб «агента КГБ». В результате — чистки в ЦРУ и СИС! Во времена эйфории в 1996 году я встречался на «Кинотавре» с замом начальника этого управления Джорджем Бейли — так, по его приказу цэрэушники два года держали в тюрьме предателя из КГБ Носенко, хотя он выдал им расположение подслушивающей техники в посольстве США в Москве. Эта оплошность, видно, сделала Бейли навеки суперосторожным, и, когда на берегу Черного моря мы раздавили бутылку коньяка, он отказался дать мне интервью с видеозаписью. Правда, потом мы посмотрели фильм Довженко, сделанный по заказу Лаврентия Берии, «Прощай, Америка!». Там шла речь о соблазнении певцом и агентом КГБ первого секретаря американского посольства Аннабеллы Бюкар. Оставшись в СССР, она (не без помощи КГБ) написала жесткую книгу «Правда об американских дипло-

матах». Счастливо вышла замуж за певца, отлично работала в иновещании на советском радио и щедро давала займы коллегам! Прекрасно играли свои роли Лилия Гриценко и Юрий Любимов, жаль, что в свое время фильм не выпустили на большой экран. Цэрэушники зациклены в своих взглядах и оценках, однако системны в своих устремлениях. Помнится, после переворота на Украине в 2014 году, попав на конференцию некоей общественной организации в Париже с участием бывшего посла в СССР Мэтлока и видных цэрэушников, я позволил себе объяснить наше присоединение Крыма укреплением российского капитализма, избавляющегося от компрадорства. Ой, как холодно и надменно это было встречено! Ведь Россию уже исключили из числа великих держав, низвели в беспомощное государство.

И как это вдруг оказалось, что мы проиграли холодную войну, если мы постоянно были на высоте? Советская разведка совершила величайший подвиг, проникнув в тайны американской атомной бомбы, тут было задействовано множество агентов и научных контактов, даже великих Эйнштейна и Бора обошли вниманием. В историю мирового шпионажа вошел полковник КГБ Рудольф Иванович Абель, настоящее имя которого — Вильям Фишер. Он родился в Лондоне в семье немецкого коминтерновца, вскоре переехавшего в Москву, и связал свою судьбу с разведкой. После войны, въехав в США по фальшивому паспорту, открыл радио- и фотобизнес, имел художественную мастерскую в Бруклине (Абель неплохо рисовал, СВР устраивало вернисаж его картин). Он выступал в США под разными фамилиями, имел на связи некоторых агентов, причастных к американским атомным секретам, лично фотографировал некоторые военные объекты. 11 мая 1957 года агенты ФБР окружили отель, в котором проживал Абель под фамилией Мартина Коллинза, ворвались к нему в номер и взяли с по-

личным: в карандашах-тайниках нашли микропленку с письмами от родных на русском языке (он так любил жену и дочку, что не в силах был их уничтожить, соблюдая конспирацию, — ничто человеческое не чуждо и разведчику), расписание радиосеансов с Центром, мощный радиопередатчик и коды. ФБР с ходу предложило сотрудничество, но полковник отказался. На суде выяснилось, что его завалил помощник, по национальности финн, который спился и спутался с проститутками, об этом Абель хорошо знал и планировал отправить его в Москву. Предчувствуя такой исход, этот подонок явился с повинной в ФБР и рассказал все, что знал. Судебный процесс над Абелем всколыхнул всю Америку. Москва, естественно, отмалчивалась, лишь инспирировали статью в «Литературной газете» о провокации ФБР и «превращении некоего фотографа Абеля в главу шпионского центра, естественно, существующего на золото Москвы». Впервые в истории публично судили нелегала КГБ, который совсем не выглядел как исчадие ада, а больше походил на честного и скромного семьянина. Допрашивали свидетелей, дававших ему отменные характеристики, зачитывали вслух письма от дочери: «Дорогой папочка! Уже три месяца, как ты уехал... Я собираюсь замуж... У нас новость: собираемся получить квартиру из двух комнат... Как ты живешь? как твой желудок? Все друзья желают тебе здоровья и счастья, счастливого и быстрого возвращения домой». Абель ни в чем не признался, отрицал свою связь с разведкой, хотя признал, что являлся гражданином СССР. Ему впаляли тридцать лет, он чудом избежал смертной казни (незадолго до его ареста американцы повесили чету Розенбергов, обвиненных в шпионаже на СССР): ему сохранили жизнь лишь как заложнику на случай ареста в СССР американского агента. Как в воду глядели: через несколько лет наши ракетчики сбили американский разведывательный

самолет и захватили в плен пилота Пауэрса, над которым тоже состоялся публичный процесс. В конце концов на него в Берлине обменяли Абея, который благополучно возвратился в Москву, получил награду, занимался в основном преподавательской работой внутри КГБ. Повышать его не стали, так и остался полковником. Умер через несколько лет от рака горла, оставив после себя двухкомнатную квартиру на проспекте Мира и убогую дачку.

Мощные удары мы нанесли, завербовав шифровальщиков американских ВМС Уокеров, шефа русского отдела ЦРУ Эймса, видного сотрудника ФБР Ханссена и многих других, оставшихся в айсберге разведки, где виден лишь небольшой кончик. Большевики создали уникальную разведку, какой не существовало в иных временах. Даже две разведки — ИНО ОГПУ и военную разведку, частично вышедшие из нелегальных партийных кадров с опорой главным образом на «леваков» за кордоном. Она вознеслась в тридцатые годы и вскоре сгинула в Большой Рубке согласно невидимым, безжалостным парадоксам истории. Когда еще в мировой истории разведчики осваивали иностранный язык и фальшивую идентичность столь совершенно, что их принимали за иностранцев? Лично я никогда не слышал об англичанах или американцах разведчиках, выдававших себя за русских граждан. А у нас целых две нелегальных разведки — в СВР и в Министерстве обороны.

Однако не пугайтесь, что весь мир нашпигован бизнесменами, сапожниками и художниками, которые на самом деле работают в российской разведке. Нелегал — это «штучный товар», подготовить его сложно, стоит это очень дорого и далеко не всегда окупается. Один поиск русского, который, допустим, походил бы на француза, изучил бы в деталях прелести «родной» кухни, хорошо знал бы «свое» место рождения и жительство где-нибудь в Провансе и всю свою

«легенду-биографию» — задача трудная. Тем не менее, хотя у нас в стране разрешили упоминать без санкции КГБ о разведке лишь со времен перестройки, в народе имеется свой любимый нелегал — великолепный Штирлиц, он же полковник Максим Максимович Исаев. Вера в Штирлица настолько велика, что российская разведка в своих официальных очерках опровергает сам факт существования русского нелегала в высших кругах гитлеровской Германии. Были блестящие агенты-немцы («Красная капелла»), были высокопоставленные английские разведчики Филби и Берджесс — асы своего дела, было множество других ценных агентов, но вот Максима Максимовича, увы, не воспитали. К тому же внезапное нападение Гитлера и чистка Сталиным нашей разведки привели к хаосу в работе резидентур во время войны. Сложно было со связью в оккупированных Гитлером странах, гестапо удалось запеленговать и арестовать нелегалов военной разведки в Бельгии и Франции. Парижскому нелегалу Трепперу удалось убежать и примкнуть к Сопротивлению, однако после войны его и бельгийского нелегала Гуревича ожидала тюрьма Лубянки. Такая же участь ожидала и резидента ГРУ в Швейцарии Шандора Радо, его резидентура оказалась единственной нелегальной точкой в Европе. Тем не менее шла важная информация о Германии из нейтральной Швейцарии, из Англии, из США, например, наши агенты в Англии («кембриджская пятерка») передавали шифровки абвера, которые расшифровали англичане. Фольклор о Штирлице подмечает много черт, свойственных разведчикам в жизни, например, был случай, когда нелегал плыл саженками у Лазурного берега, а с пляжа кричали: «Это русский! Только в России плавают саженками!» Очень обиден и несправедлив анекдот о том, что русского нелегала можно определить при выходе на улицу из общественного туалета: он обычно застегивает ширинку. Сколько я видел французов и испан-

цев, поступающих таким образом! Иногда я задумываюсь, не много ли усилий мы тратили на добычу секретных документов? Перед глазами сестра шефа жандармов, княгиня Ливен, героиня «Плаща и кинжала». Как сладко шпионилось во времена будуарной разведки — ни тайников в подъезде за батареей, ни беготни под наружкой, ни характеристик с места работы. А зачем характеристики Доротее (Дарье) Бенкендорф, дочке рижского губернатора, родной сестре будущего шефа жандармов и опекуна Пушкина, смолянке и любимице жены императора Павла, тут же сделавшей ее фрейлиной двора? Уже в пятнадцать лет Дарья выскочила замуж за двадцатипятилетнего графа Ливена, фаворита Павла, а затем Александра, особым целомудрием она не отличалась и первые свои подвиги совершила на отечественном фронте, крутив легкие романы с великим князем Константином Павловичем и другими сановными фигурами. Удостоилась она и танца с самим императором Александром в залах Екатерининского дворца. Однако великое заблуждение считать, что с помощью одних нежных ласк возможно стать крупной разведчицей (представляю вздохи многих красоток!), графиня обладала незаурядным интеллектом, даже литературным даром, умела вести тонкие беседы, а не только сногшибательно орудовала в постели. В 1810 году молодого Ливена назначают посланником в тогда провинциальный Берлин, там и проявились таланты Даши, ловко снимавшей информацию с развязавшихся языков подвыпивших гостей, кичившихся своим знанием дел. Но уже в 1812 году Ливена назначают послом в Англию. Мать пяти дочерей и одного сына, Доротее Ливен быстро организовала в Лондоне литературно-политический салон, собирались там сливки английской аристократии: герцог Веллингтонский, победитель Наполеона при Ватерлоо, в разное время премьер-министры, пэры Англии Уэлсли, Каннинг, Грей,

великий дипломат Талейран, не говоря о такой «мелочи», как великий ученый Гумбольдт. Более того, Ливены были на дружеской ноге с будущим королем Англии Георгом IV, который был у них крестным. Мощная информированность Дарьи затмевала средние способности мужа, и это быстро оценили и двор, и царь. Александр как-то посетовал, что России не хватает таких «дипломатов в юбке», как Доротея Ливен, мадам (вместе с мужем и без) составляла депеши в Петербург, вела личную переписку с министром Нессельроде и лично излагала свои мысли царю. Граф Ливен пробыл в Лондоне 22 (!) года, но жена посещала все важные конференции в Европе. Жертвой Дарьи пал министр иностранных дел лорд Грей (в честь его назван чай с бергамотом Earl Grey). Куда исчезла английская сдержанность? Представляю, какая река секретов утекала из нагретых страстью будуаров! Ведь это была любовь с политическими спорами, с разговором по душам, а не сладкая интрижка! Но вскоре на Венском конгрессе в Дашины сети попала такая крупная рыба, как князь Меттерних, отец Священного Союза, с которым, будучи в составе русской делегации, она закрутила длительный роман. Меттерних обожал танцевать, и потому Венский конгресс предавался балам больше, чем заседаниям. За сердце Меттерниха Доротее пришлось соперничать с другой очаровательной шпионкой, княгиней Багратион, утешающей себя на балах в связи с гибелью ее мужа под Бородино. Какие же сведения поставляла Дарья царю? Конечно же, бесконечные тайные интриги Англии, которая «всегда гадит», и Австрии, тоже не отличавшейся девственной чистотой. Да и Франция не брезговала тайной дипломатией. Меттерних не льком был шит и тоже тянул из Дарьи информацию, посему министр иностранных дел и Дашин куратор граф Нессельроде стал использовать ее для передачи канцлеру дезинформации. Упоительные вечера на конгрессах

с Меттернихом перемежались с напряженной работой в лондонском салоне. Дезинформацию «двойной агент» Доротея направляла в два адреса: Нессельроде и Меттерниху (кличка Цветочник), причем последнему для конспирации писала левой рукой, измененным почерком и с грамматическими ошибками. В то время свою энергию Доротея сконцентрировала на министре иностранных дел, потом премьере, лорде Каннинге, тот был ею ослеплен и делился секретами (Грей уже отошел от дел и проклинал соперника). В 1834 году Николай I приставил князя (!) Ливена наставником к своему сыну — прощай, туманный Альбион! Здравствуй, столица! Но не для Доротеи, которая в свои пятьдесят с небольшим выглядела на 35, блистая умом и обаянием, и не переносила российский климат. В Париж! И там вскоре ее салон соперничал со сборищами знаменитой Рекамье, любовницы самого короля. И снова она — это «дозорная вышка Европы», устроенная в бывшем особняке Талейрана, купленном княгиней после его смерти. Внезапно почил и сам князь Ливен, но уже в княгиню безумно влюбился Франсуа Гизо, занимавший многие посты в правительстве, включая премьера, крупный историк, не меньше нашего Ключевского. Благодаря ему Дарья служила посредником между враждующими сторонами во время Крымской войны. В салоне княгини циркулировал весь бомонд, ей поклонялся Бальзак, читал стихи Мюссе, играли Лист и Шопен, считали честью бывать премьер Тьер и военный министр, душитель Парижской коммуны генерал Кавеньяк. Теперь уже важная информация направлялась в два адреса: Нессельроде и шефу жандармов, братцу Бенкендорфу. В 1857 году, заболев бронхитом, Дарья внезапно скончалась на руках у сына и рыдающего Гизо. Вот такой была княгиня Доротея Ливен, разведчица высочайшего класса! Известный английский историк Темперлей писал о ней: «Никогда еще иностранка не получала столько сведений об английском обществе из

первых рук и не обладала в нем бóльшим влиянием». К сожалению, мы, россияне, до сих пор не знаем своих героев. Зато вместе с Западом восхищаемся голландской профурсеткой Матой Хари и рыдаем на фильмах и мюзиклах об этой неудачнице.

...Повертевшись в обществе цэрэушников, я поездом рванул в Нью-Йорк, на вокзале томительно долго ожидал такси, доставившее меня в отель на Бродвее (номер с общим душем стоил сто двадцать долларов, жуткие деньги по тем временам, не думал, что в США отели стоили дорого). Нью-Йорк с его небоскребами, шумом и грохотом не пришелся мне по душе, но абсолютно покорили художественные галереи и открытость американцев. Конечно, Максим Горький прав: это «город желтого дьявола», мистера Бабло. Однако это не означает, что там плохо жить и работать.

Не преминул сходить в «Русский самовар», слушал там «Сиреневый туман» и тяжело вздыхал на словах «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда».

— Ты забыл сказать, что выпивал там со смазливой актеркой, игравшей в спектакле по твоей пьесе «Убийство на экспорт», — Чеширский Кот улыбался с люстры.

— Брысь, мерзкая скотина! Брысь!

Кот перепрыгнул на горящую свечку, воспламенился и, словно комета, унесся через окно в небо.

Я переселился в общежитие Колумбийского университета, там тоже вещал о перестройке. Американская публика везде слушала меня с интересом, но их наставники меня удивили: почти все из Одессы и местечек с резко антисоветской риторикой, не понимавшие изменений в нашей стране. Разумеется, не обошлось без Брайтон-бич и Гуггенхайм-центра, затем Бостон и Гарвард, там тоже вещал и вещал, аки Цицерон...

Бывший бухгалтер и фирмач Билл пригласил меня погостить в его вилле близ Лос-Анжелеса. Сначала я наслаждался прелестями Голливуда, посмотрел отпечатки пяток звезд и пару студий, обнюхал, как пес, Беверли-Хиллз. Словно специально для нашего ТВ высмотрев бомжей с тачками и по контрасту — супершикарные ботики типа Родео-драйв. Разумеется, возложил розу на могилу Мэрилин Монро. С Биллом посетил Диснейленд, и мои дрожащие мощи ощутили всю стремительность американских горок. В доме хозяина просвещал средних американцев, в благодарность был отправлен на три дня в изысканный отель в Санта-Барбаре, где обнаружил, что изнеженные янки предпочитают купаться в бассейнах, а не в океане. После лекции в Калифорнийском университете ко мне подошел солидный мужчина и представился как шеф бюро ФБР в Калифорнии.

— С интересом вас слушал, полковник, но очень удивился, что не получил никаких ориентировок о вас от своего начальства.

Я объяснил, что ЦРУ традиционно не ладит с ФБР, а я, по-видимому, за кордоном находился в разработке ЦРУ. Попутно он спросил, чем объяснить, что русские разведчики из консульства во время поездок справляют нужду не в положенных местах на заправках, а рядом с автострадой. Как истинный патриот, оставил его вопрос без ответа. Он уныло покачал головой и попросил аудиенции, которая состоялась в доме Билла и была заснята на мою видеокамеру (на случай допросов на «кровавой Лубянке»).

Война рано или поздно закончится, но вряд ли мы будем повторно брататься с Западом в припадке эйфории. А вот наша тоска по бесконечности никогда не иссякнет, и мы продолжим бродить по прекрасным улочкам Старого и Нового Света.

В ушах звенит: «Эх, Америка — это страна, / Где гуляют и пьют без закуски. / Что с ней будет, не знаю, потом. / Вся проблема лишь в том, что я русский!»

ГЛАВА О ТОМ,

как приятно прогуляться по Виндзору,

порадоваться, что не учился в Итоне,

измять Раннимидские луга,

поклониться Шекспиру

и воронам Тауэра

Пуcкай ты прожил жизнь без тяжких мук, — что дальше?
Пуcкай твой жизненный замкнулся круг, — что дальше?
Пуcкай, блаженствуя, ты проживешь сто лет.
И сотню лет еще, — скажи, мой друг, что дальше?

Омар Хайям

И все же я люблю смешаться с толпой и потрястись в электричке, разглядывая англичан, беспечно засоряющих вагон просмотренными газетами, окурками, пустыми бутылками. Выходишь прямо на королевском вокзале Виндзор, где выставлен на обозрение допотопный паровозик, тянувший в свое время вагоны с королевским семейством. Ныне вокзал превращен в привлекательнейший универмаг, там торгуют прославленные английские фирмы, включая «Маркс и Спенсер», прозванную благодарным российским человеком «Марксом и Энгельсом». Но лучше любого сувенира — визит в фотостудию викторианского портрета, что рядом со станцией, там за пять долларов вас разоденут и в кружевное платье английской леди, и в мундир английского гвардейца восемнадцатого века, да еще дадут саблю в придачу. Я предпочел одеяние Шерлока Холмса: строгий сюртук, на плечи наброшена обширная клетчатая накидка, в руки фотограф сунул мне огромную трубку, а на голову водрузил идиотского вида клетчатый головной убор с козырьком и завязанными сверху «ушками». Жена же сияла соблазнительным декольте. В длинных белых перчатках и огромной круглой шляпе в перьях она была неотразима. Особенно на фоне впечатляющего замка, где, несомненно, подвалы с золотом...

Вдруг появилась чудесная Алиса и оттянула меня в сторону.

— Послушай, старина, соблазни меня! Прямо здесь, в королевском вагоне! Как надоели мне все эти англичашки и фигли-мигли ихних джентльменов! Хочу настоящего полковника! — она начала уже срывать с себя платье. На глазах появились слезы, губы дрожали. — Умоляю тебя, милый. Я так просила об этом застенчивого Льюиса Кэрролла, но профессора слишком пугливы, и он все ссылался на мою девственность, хотя я уже рожала...

— Алиса, дорогая, что с тобой? Я же тут с женой, это безумие!

— Давай убежим на Раннимидские луга, там хорошо пахнет травкой... там поют соловьи...

Я еле вырвался от девицы, быстренько подбежал к жене и взял ее под ручку.

Виндзор раскинулся на Темзе, патриархально несущей свои зеленоватые воды, частенько там устраивают регаты, впрочем, и в обычные дни по ней снуют пароходики и яхты. У реки у меня разгорается аппетит. При всем уважении к Альбиону ответственно заявляю, что английская национальная кухня хороша перед самоубийством: утром это тоскливые каши, бобы в томате, сосиски наполовину из хлеба, яичницы и жареный бекон, в другое время — рост-бифы, не дай бог с йоркширским пудингом, или жуткий хаггис — тяжелое шотландское наследие, нечто вроде требухи, сваренной в овечьем желудке. Тем не менее я предпочитаю обильный и невкусный английский завтрак скудному французскому, когда лязгаешь зубами от голода, давясь лишь круассаном с кофе, и официант разводит руками: больше ничего нет, даже сыра!

При входе в Виндзорский замок высится массивное здание гильдии, созданное великим архитектором Кристофером Реном, застроившим, наверное, пол-Лондона, включая собор Святого Павла. Хитрый Рен, которому власти вечно

недоплачивали, сдавал свое произведение с недостроенными колоннами, доделывал он их только после полной выплаты денег. Тут же хитросплетение домиков, где находится самая короткая улочка в Великобритании, носящая имя королевы Шарлотты, длина улицы чуть больше метра, рядом дом «Маркет-Кросс», где мемориал с ордером на отсечение головы Карла I. Недалеко Виндзорский приход, где можно попросить сделать оттиск с медных изображений и потом повесить гравюру особы королевского вида у себя в хоромах. Если держат ноги, можно прогуляться по трехмильному авеню Long Walk & Copper Horse, на ней укрепляли свою плоть короли и королевы, сия тропа упирается в статую Георга III. Но не все короли одинаково плохи. Нынешний король Карл III, еще будучи принцем, включился в нашу бескрайнюю пушкиниану и издал на свои деньги уникальный труд наших пушкиноведов: факсимильное воспроизведение и описание восемнадцати рабочих тетрадей Пушкина, состоящее из восьми томов альбомного типа. А ведь вокруг Виндзоров постоянно бушуют скандалы — ведь они владеют угодьями, замками, тысячами драгоценных произведений искусства, у покойной Елизаветы II было пять «Роллс-Ройсов» и одна яхта «Британия», к тому же государство оплачивало 75 % расходов. В Виндзорском замке, заложенном еще норманном Вильгельмом Завоевателем, разгромившим англов и саксов в 1066 году, находились апартаменты королевы, заполненные вазами, картинами Гейнсборо и Рембрандта, изящной мебелью, гравюрами и барельефами. Грех пропустить часовню Святого Георга и часовню-мемориал принца Альберта — там мраморные надгробия прекрасно сочетаются с распухшим богатством, жизнь соседствует со смертью, и после этого уже не страшно внезапно испустить дух в электричке. В 11 утра начинается смена караула, по улицам городка шагают гвардейцы, входят

в дворцовые ворота, и на главной площади дворца происходит красочный и замысловатый ритуал. После осмотра замка неплохо умиротворить себя прогулкой по королевскому парку вдоль берегов Темзы, представляя, сколько аристократических каблуков приминало эти ухоженные травы. Потом лихо заскочить в паб Fort & Firkin и выпить там бочкового пивка, которое варят на месте, или в очень английский Donkey House («Дом Осла», но это не должно смущать туриста, он не осел, ослы — другие). Затем самое время перейти через маленький Виндзорский мост, застыв на минуту для созерцания пейзажей вокруг. О, эти черные и белые лебеди, они величественны, как генералы! Далее начинается городишко Итон, знаменитый своей частной школой. Если закончились занятия, можно увидеть на улочках толпы школьников во фраках, полосатых брюках и стоячих белых воротничках с белой бабочкой, иногда в цилиндрах. У большинства физиономии отнюдь не аристократические, а просят кирпича, и многие отпрыски нашей элиты вполне бы вписались в эту среду. Традиции Итона жестоки: там в свое время любили лупцевать провинившихся розгами, а трагическое отсутствие прекрасного пола приводило к живым гомосексуальным связям, чем до сих пор славится английская аристократия. Ребятишки не только предавались греховным страстям, но и подрывали греховную плоть интенсивным спортом, вроде регби, футбола и тенниса, гоняли на лодках, а потом в отдельных апартаментах с камином, который разжигали слуги, мешали французское шампанское с шотландским виски... Однако визит в Виндзор и Итон будет неполон, если не засвидетельствовать почтение зеленым лугам Раннимиды милях в двух от Виндзора. Там в июне 1215 года король Иоанн Безземельный уступил наглým баронам и даровал им Великую хартию вольностей, или Magna Carta, — первый в мире продукт демократии. Представляю,

как бузили на этих лугах одемокраченные бароны, плескали друг в друга апельсиновым соком, таскали за волосы чужих леди и норовили отдубасить короля...

Но душа моя тянулась к старому времени, к Шекспиру и его Стратфорду-на-Эйвоне, мой утомленный лугами взор жадно искал веселых виндзорских кумушек из знаменитой комедии Шекспира и добродушного пьянчугу Фальстафа, однако, увы, попадались лишь озабоченные сухопарые виндзорки, спешащие на электричку и не вызывавшие никаких эмоций. Любезный Фальстаф, как часто я вспоминал твои слова: «Ты, Юпитер, превратился однажды в лебедя — помнишь, когда ты влюбился в Леду? О всесильная любовь! Она заставила бога, отца богов, уподобиться глупой птице гусиной породы».

До Стратфорда-на-Эйвоне ехать два с половиной часа, электричка успокаивает, сидеть там комфортно, за окном мелькают зеленые пастбища с благородными коровами, свиньями и овцами, везде в вагоне валяются прочитанные газеты. Стратфорд-на-Эйвоне живописен и изыщен. Летом там тишь и благодать (кроме омерзительных харь туристов), домик, где родился Шекспир, стоит среди сувенирных лавок, переживая свое величие. Много вопросов возникает к товарищу Вильяму, когда узнаешь, что жене он завещал только кровать, сестре с мужем — два дома, а нищим — пять фунтов. Вот они, сеятели разумного, доброго и вечного!

— Вот ты измываешься над Вильямом, а сам хоть пожертвовал копейку нищим? — зашипел мне в ухо внезапно явившийся Кот. — Копишь и копишь всю жизнь, а зачем? Помрешь, твой пепел развеют по ветру и ни хрена не останется! Умерь свою жабу, пенсионная обезьяна!

Любуюсь прелестной речкой Эйвон, оккупированной гордыми лебедями, пронырливыми утками и прочей живностью, зданием Королевского Шекспировского театра, он гастролирует не только там, но в Лондоне и других районах

Англии. Перехожу к группе скульптур, фотографируюсь в обнимку с пьяницей Фальстафом и прекрасной леди Макбет («Леди долго руки мыла, / Леди крепко руки терла. / Эта леди не забыла / Окровавленного горла» (*Ходасевич*)), а потом надолго застываю у слишком задумчивого Гамлета и ищу в его глазах баламутную истину. Шекспир непереволим, хотя каждый переводит его в меру своей испорченности.

И снова в Лондон, к воронам Тауэра, каркающим «nevermore», дразнящим мою тоску по бесконечности. Окруженный рвом, неприступными стенами и башнями, Тауэр до семнадцатого века был королевской резиденцией, а затем превратился в идеальную тюрьму. Я пешком прошел через Сити, купил билет, оказался в знаменитой крепости-темнице и сразу же остановился у поляны, где девятьсот лет проживали черные вороны — верные стражи Тауэра, вырывавшие куски человеческого мяса из казненных трупов и затем аккуратно, как истинные палачи, вытиравшие длинные окровавленные клювы о зеленую травку. Я предвкушал необычную встречу с этими загадочными существами. «И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале, / Видя важность черной птицы, чопорный ее задор, / Я сказал: „Твой вид задорен, твой хохол облезлый черен...“». Но жизнь прозаична, как овсяная каша, и легко опрокидывает наши иллюзии: я долго искал птичек, пока не оказалось, что они настолько обалдели от туристов, что готовы прятаться от них в любом месте. Наконец я узрел в кустах пару смурных и недоношенных существ с жидковатыми перьями. Отнюдь не самые упитанные вороны с моей дворовой помойки в сравнении с ними смотрелись королями, а этих несчастных вполне могла сожрать даже полудохлая мышь.

— Не верь ни одному слову гида! — заметил Чеширский Кот, сопровождавший меня на экскурсии (естественно, пришлось превратить его в кота-невидимку, иначе с него содра-

ли бы фунт стерлингов за входной билет стражники-йемены). — Как лживы их слова о том, что без этих мерзких воронов давно рухнула бы знаменитая Белая башня, построенная Вильгельмом Завоевателем! Знай, что самый старый ворон по имени Ронни родился в графстве Линкольншир всего лишь в 1989 году, а самая молодая ворониха Джеки появилась на свет только в 1991, хотя корчит из себя старушенцию, заставшую казни при самых кровожадных королях...

Публика толпилась, естественно, в любимых сердцу местах: там, где в свое время стояли виселицы, на которых благополучно вздергивали Анну Болейн и Кэтрин Говард, страстных любовниц, а потом верных жен Генриха VIII — ему не годится в подметки Синяя Борода, а наш Иван Грозный — просто невинное дитя! Как мужествен и осанист этот Генрих на картине Гольбейна, никогда не поймешь, зачем ему потребовалось отрубать своим любимым публично головы — уж если так хотелось, мог бы и тихо отравить или удушить в постели. О, эта любовь народных масс к публичным казням! Итальянский авантюрист Казанова описывает, как в обществе двух кокоток он с наслаждением наблюдал казнь из квартиры на парижской площади. Казнили человека, всего лишь пырнувшего ножиком короля Людовика, — руки и ноги несчастного привязали к коням, которые под ударами бича помчались в разные стороны и разорвали тело на части. Видимо, казнь подогревает страсть, ибо Казанова в этот драматический момент изловчился задрать юбки у сидящих рядом дам и предаться греху...

С трепетом вошел я в Кровавую башню, где целых тринадцать лет томился сэр Уолтер Рэли, великий человек. В каких только сферах не отличился Рэли! И мореплаватель, и организатор пиратских экспедиций, поэт, историк, драматург! В молодости опасный бретер, которого называли первой рапирой Англии, завсегдатай всех кабаков

и прочих зланных мест Лондона, игрок и душа всех компаний, между прочим, выпивавший с малоизвестным актером Шекспиром из театра «Глобус»... И главное — очень серьезный фаворит королевы! Говорят, бриллиантовым кольцом-подарком королевы он начертил на оконном стекле: «Высоко я лезу, но боюсь упасть», на что Ее Величество тем же бриллиантом вырезала: «Если у тебя сдает сердце, вообще не лезь!» Дернул же черт сэра Уолтера влюбиться во фрейлину королевского двора Елизавету Трокмортон и тайно на ней жениться! Более того, сдав родившегося сына на руки кормилице, Елизавета вернулась во дворец, дабы исполнять свои обязанности фрейлины. О королевский гнев! Возмущенная фурия в 1592 году заточила обоих в Тауэр и отлучила от двора. Правда, в конце концов любовники получили амнистию и разрешение на бракосочетание при условии, что будут вести уединенную жизнь в отдаленном поместье. Блестящий Рэли не терял времени зря и в своем замке около Дорсета писал стихи, занимался математикой и спорил о проблемах философии со своим другом, драматургом Кристофером Марлоу (кстати, и тот и другой подозреваются в том, что были истинным Шекспиром, разве малообразованный актер был способен на гениальное?). Но что перо и бумага, что умные мысли в сравнении с подвигами! Это печальный удел жалких писак, которым не хватает мужества, грубой мужской силы, безоглядности и ловкости, они не нюхали настоящего шторма и, как Жюль Верн, просидели в кабинетах, сочиняя фантазии. Всю жизнь Уолтер Рэли мечтал об Эльдorado, о стране золота, которое вознесет и его, и целые страны, этой мечтой были заражены многие конквистадоры и авантюристы. В 1595 году Рэли наконец получил разрешение покинуть Англию, его корабли вышли из Плимута и долго блуждали по реке Ориноко в поисках «золоченого короля»,

Рэли проплыл на открытой лодке 400 миль вверх по реке в поисках своего Эльдорадо...

В 1597 году Рэли организовал удачное нападение на испанский порт Кадис и снова стал фаворитом королевы и даже членом парламента. Интересно, что в то время все захваченные земли считались собственностью королевы, Рэли же получил право считать их своей личной собственностью! Но всему имеется конец, и в 1603 году королева отошла в мир иной, это был конец правлению Тюдоров. Спустя несколько часов король Шотландии Яков VI, сын обезглавленной Елизаветой Марии Стюарт, был провозглашен королем Англии Яковом I — два королевства объединились под его началом. Несомненно, это означало закат политической звезды Рэли. Но если бы только это! Бывшие друзья тут же стали злейшими врагами и нашептывали новому монарху, что Рэли — республиканец, атеист, испанский агент, заговорщик, посягавший на трон. В 1603 году его арестовали, судили за государственную измену и приговорили к смертной казни. Однако король Яков смилостивился и даровал ему жизнь, заключив в Тауэр, где он и просидел тринадцать лет. Так бы и продолжалось до конца жизни, если королю не потребовались бы деньги — казна опустела, а Рэли фонтанировал идеями о своем Эльдорадо. В 1616 году сердце короля дрогнуло, он выпустил его на свободу, и уже через несколько недель небольшая эскадра под руководством бывшего государственного преступника направилась к берегам Южной Америки. Однако это уже был не энергичный гвардеец, а шестидесятилетний старичок со слабым голосом, переживший два инфаркта. Штормовые ветры и судьба уже были против Рэли. Ураганы рвали паруса, корабли летели на скалы, буря выбрасывала их на мель, экипажи были на грани бунта, и пришлось лечь на обратный курс. Попутно он ограбил испанский городок, потерял в битве любимого сына

и забыл, что король дорожил своей дружбой с Испанией и передал дело Рэли в Тайный совет. Там великий авантюрист нашел сочувствие, даже прокурор заявил: «Сэр Уолтер Рэли был звездой, на которую взирал весь мир; но звезды падают — нет! — они должны упасть, когда они тревожат сферы, которым подчиняются». Целую неделю Рэли тщательно готовился к смерти — ведь по духу он был воином и римским стойком, он восхищался остроумием и хладнокровием жертв Тюдоров. Рано утром 29 октября 1618 года в черной мантии Рэли вышел на площадь (не в Тауэре, а в районе Вестминстера), где его уже ожидала толпа, и поднялся на эшафот, попросив всех принести вместе с ним молитву. Затем он провел пальцем по топору палача и произнес: «Это острое и вполне подходящее средство для излечения меня от всех болезней». Когда один из свидетелей потребовал, чтобы осужденный, кладя голову на колоду, повернул лицо на восток, появился повод пошутить еще один раз: «Неважно, где находится голова, важно, чтобы сердце было на месте».

Умная голова отлетела навеки. Эту голову положили в красную кожаную сумку, а тело завернули в бархатную материю. Верная жена Елизавета Трокмортон похоронила тело мужа в церкви святой Маргариты в Вестминстере, а забальзамированную голову хранила целых 29 лет в своей спальне до самой смерти — вот какие бывают любящие жены! Вы нынешние — ну-тка!

Много лет спустя я прочитал в дневнике Джона Обри: «Сэр Уолтер обычно имел дело с простыми девками, но как-то заташил в рощу и прижал к дереву одну из фрейлин по имени Елизавета Трокмортон — это была первая в его жизни знатная дама. Сначала она, похоже, испугалась за свою честь и начала кричать: „Любезный сэр Уолтер, чего вы от меня требуете? Вы погубите мою невинность! О нет, любезный сэр, только не это!“ В конце концов, по мере того

как одновременно усиливались и опасность, и удовольствие, она в экстазе стала выкрикивать: „О, сэр! О, Уолтер! О, сэр! О, Уолтер!“ » От этой сцены до головы большой путь.

— И вообще, старче, ты склонен поболтать о хитросплетениях любви и разных похождениях легкомысленных талантов! — заметил Чеширский Кот, выглянувший из окна соседнего дома. — Что ты носишься, как псих, с заспиртованной головой?! Почему бы тебе, претендующему на тягу к высокому, не заглянуть в Сомерсет-хаус? Там, в Институте Курто, собрана одна из лучших коллекций французских импрессионистов, особенно Ренуара, да и старых мастеров хватает. Там все углы заполнены лаковыми миниатюрами и табакерками для нюхательного табака, там имеются резные золотые двери, подаренные Екатериной II английскому королю. А как мы, коты и кошки, любим танцевать на лестнице от галереи к Темзе, по которой ходил адмирал Нельсон!

Увы, в Курто был выходной, пришлось перебежать на другой берег Темзы. Там раньше гремели краны на вонючих верфях и громоздились бесконечные склады, забитые привозными каучуком, кофе и чаем. Ныне жизнь взяла свое, на южном берегу функционирует Музей движущихся изображений, отражающий путь кино и телевидения: тут китайские тени, фильмы ужасов, история цензуры и пропаганды. Рядом прекрасный аквариум и музей садов. Соседний шекспировский театр «Глобус» похож на ресторан для нуворишей, рядом затаился паб Old Thameside Inn, построенный на месте Пикфордской верфи, с видом на новый мост Миллениум. Друзья мои, много чего я едал в своей многострадальной жизни, но закажите жареного барашка (Roast Lamb Shank) в красном вине с розмарином и пюре — и вы поймете, что в этом пабе можно прожить всю жизнь. Хорошо после всего этого посетить новое здание галереи Тейт, похожее на роскошный крематорий с ги-

гантской трубой, приют современного искусства, эксцентричного и притягательного.

Некоторые туристы пренебрежительно относятся к садам Кью, а ведь они потрясают своей красотой, особенно весной, в доме пальм собраны оные со всего мира, в музее лилий — кувшинки и лилии, при созерцании которых трепетал Моне, а весной источают аромат невиданные цветы, и хочется их срывать и дарить возлюбленным и женам. Но как не побродить по самым таинственным закоулкам Лондона, используя экскурсии The Original London Walks? Даже если вы не очень кумекаете в английском, подобные дневные и вечерние прогулки заряжают и знанием, и новой энергией. Турист соприкасается с районом Ист-Энда, с болью описанным Джеком Лондоном, превратившимся в элитные районы. Прекрасны маршруты «Маленькая Венеция» с каналами и «Старая деревушка Хэмпстед», любимое место английской интеллигенции. Трудно оценить Лондон без маленьких улочек Хэмпстеда и уютных особняков, можно забрести в дом поэта Китса, особо притягательна галерея Kenwood, где собраны полотна Гейнсборо и Констебля. А для любителей острых ощущений предусмотрены вечерние маршруты «По местам Джека-потрошителя», «Привидения Уэст-Энда». После этого трудно заснуть: кажется, что из окна высовывается костлявая рука, готовая придушить прямо в постели. Да, осмотр Лондона должен напоминать хорошо скроенную пьесу: действие развивается по нарастающей и в конце выливается в бурную кульминацию. Таковой является посещение музея Вифлеемской королевской больницы, по-простому — бедлама или дурдома. Среди фотографий и картин психов-художников на этой выставке безумия чувствуешь себя нормальным человеком, и хочется жить, и стоит работать! Разве не об этом нам неустанно повторяет Чеширский Кот? Мы крутим по улицам и наконец останавливаемся недалеко

от рынка Портобелло, знаменитого тем, что на нем побывали все русские разведчики, а также все английские агенты, когда-нибудь на рыночных рядах будут висеть синие дощечки с их фамилиями. О Портобелло! Каждую субботу, погрузив в машину жену с сыном, мы мчались на этот фруктово-овощной пир, особенно я любил покупать яблоки сорта «грэнни смит», жрал я их по фунту в день — этим, между прочим, я полностью отличался от Кима Филби, у которого даже при виде яблока начиналась аллергия. Мы набирали полные сумки картофеля, брюссельской и цветной капусты на всю неделю, экономя на этом несколько фунтов. Иногда использовали эти рыночные выезды как легенду для дальнейших подрывных акций: в этом случае я выгружал из багажника коляску, клал туда дитя, жена торжественно катила коляску через Холланд-парк до нашего дома, а я, как хитрый лис, крался через улицы и переулки, радуясь, что обманул бдительность филеров. Подбежал чей-то сенбернар, он радостно крутил хвостом, и я подумал, как важны для шпионажа собаки. Во время прогулки с ними можно не только поставить сигналы на столбах, деревьях, скамейках или просто бросить смятую пивную банку рядом с мусорной урной либо даже бутылку из-под водки, если с утра опохмелился ею, — эти знаки предназначены для тайного агента, они могут обозначать все что угодно: вызов на срочное рандеву, прекращение связи, сигнал опасности... Особенно любили использовать собак немцы во время Первой мировой, кобели переносили секретные донесения агентов, запрятанные в шкуру или даже в пасти и, чтобы захватить их (кобелей, а не агентов) живьем, англичане выпускали сук — по-своему вариант «ласточек». Русские в то время тоже использовали собак, однако были безжалостны и засовывали донесения в задницу — это и привело однажды к провалу: патруль, остановивший местного жителя с овчаркой, увидел,

что животное мучилось и никак не могло отделаться от тяготившего его бремени, наконец это овчарке удалось, и патруль заинтересовался блеснувшей капсулой.

Тут я почувствовал настоятельную потребность посетить известное место — напружинив память, я припомнил, что такое в мои золотые денечки (*in my palmy days*) располагалось прямо на Пикадилли у Грин-парка. Уборные — давняя страсть всех разведок, трудно найти более подходящее место для оперативной работы. Тут удобно сосредоточившись записать в кабинке информацию, которую неудобно было фиксировать во время встречи с агентом за столиком в ресторане, тут можно просто отдышаться от бега после спасения от слежки. Тут удобно произвести моментальный обмен (вам агент сует атомную бомбу, вы ему — миллион долларов), мгновенно обменяться инфо во время мытья рук. В кризисной ситуации, скажем, в случае войны, когда контакт с агентом может сразу же повлечь за собою арест и расстрел на месте, можно разместиться в соседних кабинах, повернуть дырочку (они обычно бывают в туалете, смежном с дамским, это очень удобно, если агент — дама) и тихо, заглушая разговор шорохом туалетной бумаги, обмениваться мыслями.

Признаю еще одну пагубную страсть, кроме твидов и фланелевых брюк, — граффити. Нет, это не прихоть избалованной души и тем более не потребность, это попытка найти отдохновение после тяжелых рабочих часов, после интенсивного политического разговора, вынимающего из груди буквально все. В те времена граффити поражали не только изобретательностью рисунка, но и высокой литературностью стиля, которому позавидовали бы авторы запретных «Фанни Хилл» или «Любовника леди Чаттерлей», правда, я замечал большой перевес творчества юношей, испытывавших Эдипов комплекс. Сидя на унитазах, можно

впитать самые яркие, самые мудрые мысли: «Stop screwing around patronage your local brothel!» (Брось драть, иди в свой местный бордель!) «You can shake it and shake it as long as you please, but the last drop will always clip down to your knees». (Ты можешь трясти и трясти сколько душе угодно, но последняя капля всегда упадет на твои коленки.)

Я шел по Даунинг-стрит, улице английской дипломатии, вспоминая, как наблюдал за передвижениями сотрудников Форин-офиса. Шагал следом, выслеживал места их скопления. Неужели все они поглощают пищу в служебном буфете? Один раз я увязался за толстяком в костюме в серую полоску, который влез в «Уимпи-хаус» (в то время это нечто вроде «Макдоналдса») и вцепился в Уимпи, как будто голодал несколько дней. По наивности, а больше от отчаяния, я попытался с ним заговорить, но толстяк лишь проворчал что-то, роняя крошки, и не пожелал отрываться от трапезы.

Как я мечтал достичь высот в разведке! Не больших чинов, а агентов в Форин-офисе и шифровальной службе. (Писал стихи: «Скользя по лезвию ножа, / Дрожа от сладости пореза, / Чтоб навсегда зашлась душа, / Привыкнув к холоду железа».) Хотя бы как шевалье д'Эон де Бомон, который под видом женщины пролез во двор русской императрицы. Д'Эон хорошо напроказил и в Англии, там руководил французским шпионажем и даже украл портфель с документами у заместителя министра иностранных дел Роберта Вуда. Д'Эон любил порезвиться в Клубе адского пламени, где собирались члены правительства, надев маски, там проходили мистификации и маскарады. Бедного Д'Эона даже подвергли там обследованию для выяснения пола, но авторитетная комиссия (в Англии уже тогда обожали создавать комитеты и комиссии), как ни странно, не пришла к определенному выводу, впрочем, вскоре д'Эон запродавал французские секреты английской разведке...

Что там Д'Эон! В советской разведке трудились истинные орлы, вербовавшие направо и налево даже шифровальщиков. В двадцатые — тридцатые годы блестящим нелегалом был Дмитрий Быстролетов, работавший под именами чехословацкого гражданина Йозефа Шверма, греческого подданного Александра Галласа, венгерского графа Перельи, английского лорда Роберта Гренвилля и еще под многими именами. Заметим, что Быстролетов не владел в совершенстве языками указанных стран и поэтому в Англии выступал как венгр, а в Венгрии — как англичанин. Быстролетов родился в крымской деревне и был незаконным сыном сельской учительницы, дочери священника. Отца своего он не знал, в 1919 году окончил Мореходную школу в Анапе, поступил вольнонаемным матросом на пароход и, чтобы избежать призыва в белую армию, сбежал в Турцию. Затем скитался по разным странам, пока не попал в поле зрения советской резидентуры в Праге, с 1925 года начал выполнять разведывательные поручения. Быстролетову были свойственны безграничное мужество, романтизм и авантюризм, к тому же он был красив и умел покорять женские сердца. В 1927 году он обольстил и завербовал шифровальщицу посольства одной крупной западноевропейской державы и регулярно получал от нее секретные документы*. Кстати, о своих романах по служебной линии он сообщал своей жене, красавице чешке, как он сам пишет, «мы дали друг другу слово, что, как бы мы оба ни грешили физически, духовно останемся друг для друга самыми близкими людьми». Бывали и накладки: например, Быстролетов вербовал «в лоб» технического секретаря Союза промышленников Чехословакии, предложив ему крупную сумму денег, тот встал, набрал в рот побольше

---

* В романе Грэма Грина доктор Гассельбахер говорит: «Дело начинается с акrostихов, кроссвордов и математических загадок, а не успеешь опомниться, как тебя уже завербовали».

слюны и плюнул ему в лицо, — в результате пришлось покинуть Чехословакию. У генерального консула Греции в Дандиге (еврея из Одессы) разведчик купил себе греческий паспорт, но всем говорил, что вырос в Англии и греческого языка не знает. Затем, изучив много литературы о Венгрии и поездив по этой стране, он переехал в Англию, там выступал как венгерский аристократ и завербовал крупного чиновника Форин-офиса. Для лучшего контроля за агентом он познакомился с его женой, которая по уши в него влюбилась и однажды, закинув подол платья и расставив ноги, требовала ответной любви — естественно, разведчик не стал портить отношений с женщиной. Впоследствии этот чиновник попал под подозрение английской контрразведки, и однажды, прибыв домой к агенту, Быстролетов застал там контрразведчика, допрашивавшего жену. Контрразведчик недвусмысленно заявил, что ищет «человека, который крутится около агента», однако Быстролетов ничем себя не выдал, наоборот, расположил к себе посетителя и даже пригласил его на ленч в шикарный ресторан. В качестве графа он начал разрабатывать фанатичную нацистку, работавшую в секретном архиве крупного германского концерна, где хранились важные документы экономического и политического характера, сначала она воспитывала «графа», «ничего не понимавшего в политике», он просил для собственного просвещения некоторые документы, дарил ей дорогие подарки. Так эта дама и не узнала, что работала на советскую разведку. Однажды Быстролетову поручили перевезти из Италии в фашистскую Германию армейский газозащитный комбинезон и ручной пулемет. Утром в Риме к вагону люкс явились хорошенькая монашенка и служитель из больницы, которые вели под руки скрюченного больного, закутанного так, что из пледов был виден лишь его желтый трясущийся нос. Сзади шел слуга и тащил сумку, откуда торчали клюш-

ки для гольфа (там лежал и пулемет). Сестра по-итальянски с английским акцентом объяснила проводнику вагона, что больной — сумасшедший английский лорд, страдающий буйными припадками, его не следует беспокоить. Проводник, получив хорошие деньги, проявлял потрясающую заботу о больном, рассказывал всем таможенникам-пограничникам, включая немцев, о припадочном лорде, показывал его паспорт и просил не тревожить. Заглянув в купе, у ложа больного контролеры видели монашку, шепчущую молитвы, и почтительно закрывали дверь без всякого досмотра. В 1938 году легендарный разведчик был арестован и посажен в тюрьму (сталинские репрессии «очистили» разведку процентов на 90), где находился до 1957 года, затем работал референтом-переводчиком в одном не очень престижном НИИ. Получил пенсию по инвалидности, жил в комнате с площадью десять квадратных метров в коммуналке и занимался литературной деятельностью. Характерно, что КГБ вспомнил о своем герое лишь в 1968 году и даже предложил пенсию, от которой разведчик отказался.

В начале шестидесятых в Англии гремело дело полковника Конона Молодого. Он родился в небольшом городке в Сибири, затем родители переехали в Москву, отец преподавал физику в Московском университете. Высокий образовательный и культурный уровень семьи отличал Конона от его сверстников. Он говорил по-английски, читал и писал по-немецки. Когда ему исполнилось десять лет, мать направила его жить к тетке в Беркли (штат Калифорния), где он пошел в престижную частную школу и в совершенстве овладел английским. В 1938 году, вместо того чтобы принять американское гражданство, он вернулся в СССР, окончил школу и в 1940 году был призван в армию. В годы войны он служил сначала рядовым в разведывательном дивизионе, а затем помощником начальника штаба дивизиона, осуще-

ствлявшего фронтовую разведку. Лейтенант Молодой неоднократно переходил линию фронта, добывал «языков» и вел визуальную разведку. Все это требовало смелости, находчивости, быстрой, точной реакции и физической силы. Был награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной Войны первой и второй степени, многими медалями. После войны Конон поступил в Институт внешней торговли, окончил его и остался преподавать китайский язык в стенах альма-матер. В 1952 году ему сделали предложение перейти на работу в разведку, которое он охотно принял, — тогда ему было 30 лет. Подготовку он проходил по сокращенной программе, ибо язык знал в совершенстве. В 1954 году Молодой прибыл по фальшивому паспорту в Канаду, где достал метрику умершего канадца финского происхождения Гордона Арнольда Лонсдейла и присвоил себе его имя. В 1955 году новоиспеченный канадский гражданин приехал в Лондон и записался на курсы китайского языка в Школе востоковедения и африканистики при Лондонском университете и на средства КГБ открыл собственный бизнес, став директором нескольких компаний по прокату игральных, музыкальных и торговых автоматов. Как он потом сообщил в интервью с журналистом, «напомню: весь оборотный капитал и прибыль моих четырех фирм (а это миллионы фунтов стерлингов!), умножаемые каждый год не без моей помощи, были „социалистическим имуществом“». На курсах вместе с Молодым училось множество западных разведчиков, один сокурсник как-то сказал ему: «Гордон, наверное, кроме нас с вами, остальные здесь все шпионы». В Лондоне Лонсдейл имел на связи ценных агентов — клерка в Управлении подводных вооружений в Портленде Гарри Хафтона и его любовницу Этель Джи, работавшую там же, от них регулярно поступала совершенно секретная информация о противолодочной обороне и ядерных подводных лодках. До Лонсдейла

советские разведчики работали с Хафтоном «под польским флагом», но затем решили перейти на «советский флаг» и признались, что они русские и служат в нашем посольстве в Лондоне. Хафтон заметил, что он уже давно сомневался в том, что с ним контактируют поляки: он немного знал польский, долго жил в Варшаве, и наши «поляки» постоянно «прокальвались» в разговорах, никак не реагировали на польские идиоматические выражения, которые он знал, уклонялись от перехода на польский язык. Интересно, что Лонсдейл не хотел, чтобы Хафтон знал о его нелегальном положении, и представился как сотрудник советского посольства. Однако Хафтон, наученный горьким опытом с «поляками», не поверил ни в русское происхождение Молодого, ни в его принадлежность к советской разведке: на английском он говорил, как на родном, по-западному одевался и имел хорошие манеры джентльмена, этим он резко отличался от посольских товарищей. Собственно, Хафтон и явился косвенной причиной провала Лонсдейла в 1961 году: он был завербован в Польше с участием польской разведки (отсюда и «польский флаг»), а через несколько лет поляк, знавший об этом, сбежал на Запад и выдал агента. Англичане очень тщательно подготовили операцию по захвату Лонсдейла, арестовали и его радистов — чету Крогеров (Кознов), старых нелегалов, героев, работавших до этого в США с Абелем по добыче атомных секретов. На суде Лонсдейл держался мужественно, не признал ни своей вины, ни принадлежности к КГБ. Он получил срок — 25 лет, более трех лет просидел в тюрьме и в 1964 году был обменен на английского бизнесмена Винна, арестованного за связь с английским шпионом, полковником ГРУ Пеньковским.

Кладбища — это моя слабость, там отдыхает душа и расслабляется мозг. Прекрасно Лычаковское кладбище во Львове, где похоронен Иван Франко, бесподобно венское клад-

бище, где целый сонм великих музыкантов, на парижских кладбищах мы уже побывали. В Лондоне, кроме марксовой Хайгейт, имеются и иные кладбища. Первый визит — к могиле майора Андре, англо-французского шпиона, повешенного американцами в войне за независимость. «Меня взяли в плен американцы, раздели догола, оставив лишь фото Оноры, которое я спрятал во рту. Сохранив его, я чувствовал себя счастливым», — писал Андре из тюрьмы одному из своих друзей. Разве не герой-любовник? Какая жалость, что так мало прославленных шпионов в Вестминстерском аббатстве! Жертв сыска гораздо больше, вот и могилы бедняг Кольриджа и Вордсворта, поэтов «озерной школы», попавших под пристальное око тайной полиции. Конечно, Кольридж, слышавший из-за своей учености смутьяном, вполне заслужил такое отношение, не зря агенты допытывались, не распространял ли он листовки с призывами к свержению строя, не собирал ли он местных жителей на собрания и не толкал ли там злобные речи, не делал ли он зарисовки местности?

Что там Кольридж с Вордсвортом, гораздо ужаснее выглядело наблюдение за Дэвидом Лоуренсом, автором «Любовника леди Чаттерлей», и его женой — немкой Фридой, когда они во время Первой мировой войны жили в Корнуолле у самого берега моря. Лоуренса подозревали не только из-за немки, но и потому, что он носил бороду и что-то писал — в те времена все это было необычно. Однажды, когда Лоуренсы возвращались домой, они были остановлены и обысканы, хотя в рюкзаке обнаружили не фотокамеры, а овощи и пакет с солью. Все местные жители шпионили за Лоуренсами: Фрида не могла повесить сушиться полотенце на куст, вынести помой или затопить камин — все это рассматривалось как сигналы для немецкой авиации. Считалось, что Лоуренсы снабжают немецкие подлодки продовольствием и горючим, запрятанным среди скал. Однажды,

когда Лоуренсы сидели на прибрежных скалах, Фрида, вдохновенная морским воздухом и солнцем, вскочила и побежала по тропе — белый шарф на ее шее развевался от ветра. Лоуренс заорал: «Остановись! Остановись, дура! Они решат, что ты подаешь сигналы врагу!» В конце концов незадачливую чету выслали из Корнуолла. Спецслужбы всегда подозрительно относились к мастерам пера. По признанию Томаса Манна, его задержали в аэропорту лишь из-за схемы рассадки гостей у Иоганна Вольфганга фон Гёте, необходимую для его романа о поэте.

Но вот и могила моего любимого Киплинга, барда шпионов, который честно нес «бремя белых» и распевал «Марш шпионов».

«Мы в мире — для иного; / Свой флаг скатали мы. / Лишь когда полшара земного / Смерть возьмет, как язва чумы, — / Для этого Генерала / Мы не свернем знамен, / И лишь под его начало / Встать согласен шпион. / Где чумы силуэт вороный над землей держав и колоний, / Место тебе, шпион!»

Кладбище — это любимое место сотрудника спецслужбы, там не только отдыхает душа, отвлекаясь от быстротекущей жизни, ругани начальства, несостоявшихся вербовок и позорных провалов, там проходит и настоящая работа, окутанная пеленой риска: как удобно присесть на скамейку рядом с чужой могилой и, поливая ее слезами и ожидая прихода агента, отдыхать под развесистым вязом от жарких лучей солнца! Как бьется сердце, когда залезает чуть дрожащая рука под могильную плиту, где оборудован тайник, и вдруг кажется, что в палец вцепится зубами обозленный холодной слякотью череп. Или некое чудовище с горящими глазами выпрыгнет вдруг из-за кустов и прокричит: «Я бывший твой начальник, я генерал Х!» Сразу вытягиваюсь в струнку. Или кто-то похлопает сзади по плечу, пощечочет спину — и перед тобою, закутавшись в белый саван, мило-

видная дама с хитрым прищуром — о, да это проверенный ценный агент! Вдруг она скидывает одежды и превращается в банальный скелет, грохочущий костями, он хохочет, разевая черную пропасть рта и грозя желтой костяшкой пальца...

Помню, как с этого кладбища контрнаблюдал за Сашей Хлыстовым на встрече с агентом. Хлыстов прошел через отдел диверсий (потом упраздненный), отличался здоровым авантюризмом и смелостью, вечно конфликтовал с начальником разведки В. Крючковым, был заместителем директора Торговой палаты и даже при первом правительстве Ельцина — министром торговли. Извилистый и трудный путь, но еще в Лондоне ему предварительно удалось узнать цену, которую англичане предлагали за нефть министру химической промышленности Костандову, на этом мы выиграли не один миллион. Даже спасибо не сказали!

На Банхилл Филдс покоится знаменитый шпион Даниэль Дефо, вошедший в историю как автор «Робинзона Крузо». В 1702 этот лондонский купец и виг издал брошюру «Кратчайший способ расправы с диссидентами», в которой пародировал торийских церковников, за что и угодил в тюрьму. Но у англичан весьма подвижна граница между рациональным и иррациональным (точнее, между тем, что они говорят, и тем, что думают), а посему от сатиры Дефо перешел к шпионажу и предложил проект организации всеобъемлющей шпионской сети для борьбы с врагами правительства как внутри Англии, так и за ее пределами. Вскоре он уже создал боевую сеть шпионов в Юго-Восточной Англии, ездил по всей стране, принимая те или иные обличья. Беседуя с рыбаками, Дефо интересовался рыбным промыслом, купцам говорил, что намерен завести стеклодувное предприятие, льняное или шерстяное производство, с пасторами рассуждал о переводах библейских псалмов, ученым

мужам выдавал себя за историка. «Сэр, — писал он своему шефу, — мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, здесь самое простое дело — нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей».

И конечно, после Банхилл Филдс я помчался бы в Барн-Элмс (в тех краях к Карамзину приставали разбойники и он еле унес ноги), в дом, где некогда жил великий шеф шпионажа сэр Фрэнсис Уолсингем. Он организовал перлюстрацию писем от французского посла в Испании, получение сведений об Испании из портовых городов Руана, Нанта, Гавра и Дьеппа. Создал наблюдательный пост в Кракове для ознакомления с отчетом об испанских делах, которые поступали из Ватикана, засылал своих агентов (французов, фламандцев или итальянцев) под видом купцов или путешественников на испанское побережье для наблюдения за приготовлениями врага. А разве не Уолсингем провел блестящую дезинформацию испанцев перед отплытием армады? Разве не он распространил сведения, что Темза якобы слишком мала для прохода испанских кораблей? А как же полковник Лоуренс? Неужели я не посещу его могилу в соборе Святого Павла, которую с трудом устроил для него лично сэр Уинстон Черчилль? Лоуренс, как и многие английские разведчики, неплохой писатель, правда Грэм Грин удивлялся, как полковнику, захваченному турками, удалось так точно описать детали своего истязания кнутом, если он лежал спиной к мучителям?*

Я вышел на Трафальгарскую площадь, где мы договорились встретиться, ибо маячить рядом с парламентом весьма опасно: вокруг бродят секьюрити гардс и полиция, видя в каждом прохожем потенциального поджигателя парламента вроде Гая Фокса.

---

* Намек английского писателя поймут приверженцы ЛГБТ.

Голуби обступили меня, они взлетали на голову и на плечи, и я кормил их по старинке крошками, купленными рядом. Но вдруг я напрягся и задрожал от страха — ведь сэр Бэзил Томсон, один из шефов спецслужб, писал, что во время Первой мировой войны было опасно даже близко приближаться к голубям, один иностранец попал под арест лишь потому, что вокруг него крутились голуби, — бытовало мнение, что немцы оснастили голубей миниатюрными антеннами и таким образом поддерживается связь с неприятелем.

Но на самом деле именно англичане и их союзники превратили голубей в надежных агентов: с их помощью фотографировались немецкие фортификации, английские агенты, пробиравшиеся в тыл, обычно захватывали с собой клетки с голубями, которые устраивали на деревьях, с голубями переправлялись самые секретные донесения, неслучайно к концу войны англичане имели только на Западном фронте штаты в шесть тысяч голубей.

Перенесемся в Портон-Даун, знаменитый центр химического и биологического оружия, расположенный в идиллической сельской местности. Во время увеселительной поездки с четой Бояровых (Виталий Константинович Бояров, тогда замрезидента, потом — руководитель всей советской контрразведки) мы решили устроить пикник на симпатичном травянистом холмике с березками, которые почему-то растут не только в России. Откуда нам было знать, что это засекреченное место? Им занималась военная разведка и наши ловцы научно-технических тайн. Совсем недалеко виднелась кирпичная стена и ворота, куда въезжали и выезжали машины. Поместье? крупная фирма? Мы разрывали на части холодных цыплят и аппетитно уминали их под белое вино. И вдруг, словно тучи сгустились, из ворот начали выходить мрачноватые типы, они пристально смотрели на дипломатические номера наших машин и на нас, весе-

лившихся на бугре, они возвращались за ворота и снова появлялись, смущая своим грозным видом.

Борнмут — провинциальный городишко, где порой проводят партийные конференции, попробуйте произнести Bournemouth, не сломав язык!

— Сегодня мой день, — говорю я. — Карл Маркс любил хорошо поесть и выпить. Могу я пригласить тебя в «Риц», двери которого открыты равным образом для богатых и для бедных? (Эта фраза сидит у меня с детства вместе с «если вы украли булку, вас посадят в тюрьму, а если железную дорогу, то выберут в сенат».)

— Борнмут! — соглашается Чеширский Кот, но при этом слове зубы у него не ломаются, как у меня, и язык тоже.

— Чешира, почему ты меня не уважаешь? — добиваюсь я. — Почему ты ненавидишь русских?

— Борнмут! — отвечает Кот и делает мне козью морду.

— Баламут! — в тон ему дразнит Алиса.

— Никого вы, англичане, не выносите! Что привозит ваш соотечественник из Испании? Круглую шляпу, похожую на старинную глубокую миску? дурацкий бурдюк с вином? огромные ножи, куда можно запихнуть полкоровы? — ору я.

— Борнмут, — не возражает Алиса.

— Бур-р-рнемут! — орет Кот. — Бур-мур-мут, сарынь на кичку, ядрена вошь! Миру — мир! Да здравствует мировая революция, смерть комарам и мухам! Здравствуй, моя Мур-р-рка, и прощай!

— Надоели вы мне! — говорит Алиса. — Хочу спать.

Если чудесная Алиса захотела спать, усладим ее сон финальным байроновским стихом Пушкина в главе восьмой «Онегина»:

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well.
Прощай, и если навсегда,
то навсегда прощай.

ГЛАВА ПЕЧАЛЬНАЯ,

*полная «ума холодных наблюдений
и сердца горестных замет»*

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною...

А. С. Пушкин

А подо мною не Арагви, а бесшумное Пироговское водохранилище, это мое море. Бухта Радости, Сорокино. Ни песка, ни гальки, зато трава, ивы на берегу, кивающие проплывающим выводкам уток, кусты (лет семьдесят назад они были прибежищем юных студентов, включая вашего покорного слугу). Теперь рядом — кафешки обрусевших таджиков и узбеков, у берега — детская площадка, благополучное сельпо с заморскими и фейковыми винами, много авто, некоторые разжившиеся в перестройку крестьяне в царственных особняках (встречаются и постройки в стиле альпийской Швейцарии). Я тут с голым пузом в обществе чудесной Алисы и, разумеется, неотлучного Чеширского Кота, который блаженно греется на солнышке. Отметим, что на нашей поляне (назовем ее пляжем) имеется сортир для обоих полов, запрещено жечь костры и мангалы, а также купаться (на это никто не обращает внимание, плещутся взрослые и дети, даже ныряют под волны пролетающих катеров и яхт. Впрочем, думы мои, как обычно, о высоком, я их временами озвучиваю для своих спутников жизни. Революция. Перестройка. Тоже еще какая революция! В перестройку я угодил уже на пенсии, купался в ней радостно, впервые после службы в разведке выехал за границу (в Будапешт), посмотрел Париж, всю Европу и другие страны. Помню, как в свое время в Лондоне ЦК КПСС сорвал сов-

гражданам уик-эндovou поездку из Лондона в Париж, опасаясь, что там мы предадимся разврату (странно, что в Лондоне не предались!). Правда, был случай, когда сотрудник посольства заговорил со шлюхой, зазывающе брэнчавшей ключами у подъезда в безнравственном Сохо, так этот прискорбный инцидент разбирали на партсобрании (точнее, на профсобрании, ибо партия в посольстве конспирировалась со времен Октябрьской революции). Но вернемся к разведке, поразившей в свое время мою душу (тут явные английские шпионы — чудесная Алиса и Чеширский Кот — растопырили уши, а почтенный Льюис Кэрролл перевернулся в гробу).

С самого начала перестройки внешняя разведка КГБ регулярно информировала руководство СССР о негативных последствиях перестройки, в частности о движении «стран народной демократии» в сторону НАТО, о бардаке при выводе наших войск из ГДР, о смятении в рядах друзей нашей страны. Разумеется, эта информация от иностранных источников и из секретных документов вызывала гнев у лидеров перестройки и в дальнейшем обострила конфликт между Горбачевым и Крючковым. Это не ново. Аналогичная история происходила перед войной, когда донесения разведки о готовящейся фашисткой агрессии вызывали резкую реакцию Сталина.

— Удивительно, — прорезалась Алиса, — а почему они не выступили против? Не вышли на демонстрацию протеста?

— Да потому, милая Алиса, что КГБ — не свободный клуб, а военная организация. Это на Западе «безграничная свобода» (вспомним у Евтушенко: «Настоящей свободы — ее ни у нас, ни у вас — лишь минуты...»), вот и живите в своих ЛГБТ, педерастах и лесбиянках, похабных сетях, мародерстве и погромах...

Чеширский Кот при этом помалкивал, но одобрительно помахивал хвостом.

Горбачев терпел КГБ (порой его терпимость ко всему граничила с мягкотелостью и желанием всем понравиться), чересчур решительный Ельцин не только развалил СССР, он несколько раз жестко реформировал контрразведку (ее он боялся как огня). Разведка же после относительно мягкой чистки выплыла в одиночное плавание под руководством прагматичного и хитроумного государственника Евгения Примакова. Директор нового СВР в угоду западным «уральским правдолюбам» чуть подсократил некоторые раздутые резидентуры, в западном стиле (блабла-бла) заговорил о сотрудничестве и отменил понятие «главного противника», как раньше называли США. Важный акцент в условиях новой «свободы» был сделан на пиар, на контроль над разведкой (мечта идиота, что же это тогда за разведка?), на свободы и права, известные всем еще со времен французской революции. Появились совместные американско-российские публикации (в основном построенные на наших, а не на американских архивах), к нам хлынул поток цэрэушников и их подручных, жадно заинтересованных в бабле от гонораров... Еще бы — получить такую золотую жилу, как история советской разведки, да еще из уст именитых разведчиков и из архивов! Сколько я ни изучал историю американского шпионажа, увы, не раскопал ни одного интересного случая, ни одной блестящей комбинации, ни одного истинно героического подвига. Разве что майор Андре, который был счастлив, что при аресте в войну между Севером и Югом сумел сохранить во рту письмо от возлюбленной... Но майор был англичанином. У английских шпионов был опыт поживописнее, наиболее впечатляет подброс немцам трупа своего офицера с ложным указанием о высадке войск союзников. А в основ-

ном репутация английской разведки сложилась на основе писаний разведчиков, которые по воле небес обладали талантом: полковника Лоуренса, Комптона Маккензи, Роберта Баден-Пауэлла, Сомерсета Моэма (правда, он был агентом, но на несколько голов выше и проницательнее своих кураторов), Яна Флеминга, Грэма Грина, Джона ле Карре. Не говоря о менее одаренных, вроде влюбчивого Брюса Локкарта, которого после революции постоянно водили за нос неопытные и к тому же голодные чекисты вместе с незаурядной дамой Мурой Будберг, воспетой писательницей Берберовой в «Железной женщине» (у Муры я разок был на лондонской квартире вместе с другом, советником Софинским, однако, будучи подшофе, мы эту бабушку не восприняли). Отмечу, что постоянные претензии со стороны вождя народов к нашей «кембриджской пятерке» (Филби, Блант и другие), работавшей в разведке и контрразведке, сводились к суровому: «А где же английские шпионы, засланные в СССР?!» Вопрос вполне уместный. Ведь доверчивым советским людям все уши прожужжали о шпионах, которыми кишит СССР! Прошли жуткие процессы, полетели головы заслуженных партийцев и военачальников, расстреляли и сгноили в тюрьмах прославленных разведчиков вместе с семьями. А шпионов-то, оказывается, нет... За это недоносительство и утерю бдительности чуть не ликвидировали героев «пятерки» как подставу и гнусных дезинформаторов английской разведки. Но, в конце концов, интересы страны взяли верх над психозом сталинской верхушки. Нет сомнения, что среди погибших разведчиков было немало золотых перьев, даже выжившие Дмитрий Быстролетов, Роман Ким и Павел Судоплатов кое-что написали, несмотря на жесткую цензуру. Однако не все же, как полковник и выдающаяся разведчица Зоя Рыбкина, «мягко» отправленная начальством сотрудницей воркутин-

ского Гулага, могли переквалифицироваться в популярных детских писателей (она писала под псевдонимом Зоя Воскресенская).

Но отвлечемся от этого лирического отступления и вернемся в 90-е годы. После распада СССР и приватизации на Россию спустилась такая жуткая туча, которую не смогла бы предсказать ни одна разведка. Словно Сатана вышел из ада и запел: «Люди гибнут за металл, / Сатана там правит бал!» Разгул преступности (вспомним книгу прозорливого Говорухина «Криминальная Россия») вплоть до убийства политических деятелей и крупных бизнесменов, масштабные «пирамиды» и прочие жульнические аферы, разрыв в уровне жизни, когда подводные лодки и замки во Франции — на одном краю, а «жизнь взаимы» — на другом. Половина наших олигархов имеет иностранное гражданство. Обезьянье подражание американцам: здание правительства названо «Белым домом», составлено правительство из олигархов во главе с Черномырдиным, должность государственного секретаря для идейного вдохновителя ельцинского курса Бурбулиса — тоже на американский манер. Всего не перечислить. Почти исчезли хорошие фильмы, их сменили американская дешевка и отечественные подделки, которые отлично смотрелись под смачное жевание кукурузных хлопьев, экран заполнили детективы. Писать книги и делать фильмы с добрыми чувствами стало дурным тоном и «соцреализмом», незаслуженно обгадили Горького, Маяковского и других советских писателей. Наши города, включая Москву и Петербург, изуродованы полуграмотными вывесками на ломаном английском языке, это весьма напоминает английские колонии. Вообще, после «низвержения коммунизма» и воцарения «дикого капитализма» исчезли традиционные русские понятия «справедливость», «честность» и т. п., словно они вышли из ныне

осужденного «Кодекса коммуниста», а не из заповедей Христа, призывавшего изгнать торгующих из храма. Телевидение и Сеть заполнили игры и передачи типа подражательного «Кто хочет стать миллионером?», причем выигравших убеждали, что они заработали деньги, а не выиграли — не дай бог народ решит, что казино, ростовщичество, банки и т. п. — это не работа, а нажива бездельников. Умный народ, к счастью, так не решил и с радостью использует ипотеку и займы. Тем не менее нажива стала чуть ли не маяком в нашей жизни. Американцы вдоволь нашпионились на наших военных объектах, мы прикрыли авиационную и автомобильную отрасли (зачем они, если все можно купить в США и Европе? — типичный взгляд бедных американских индейцев). Неожиданно для россиян на авансцену нашей жизни в качестве властителей дум явились не космонавты, ученые, трудяги на станках и полях, писатели и философы, а всевозможные музыканты и артисты, особенно эстрадного жанра. Информация о том, что на красной ковровой дорожке некая мадам поцеловала своего нового любовника, шла наряду с варварскими обстрелами Донбасса. Разговоры о сексуальной жизни во всех ее богатых и извращенных проявлениях вошли в моду в СМИ и Интернете, русским леди и джентльменам жутко захотелось отрачивать груди и прочие драгоценные места. Наконец-то некоторые артисты, в том числе и доморощенные халтурщики, вдохнули воздух свободы, заколесили по всему миру, превратились в миллионеров! Шумные крики, причем на искореженном английском языке, оглушали и воспитывали нашу молодежь, вытесняли из их юных мозгов традиционную русскую культуру, включавшую в себя и культуру советскую (разумеется, без пропагандистских наслоений). Но не будем походить на ранних большевиков и радикальных младолибералов и выметать из истории

железной метлой перестройку. Открылись границы, люди узнали о Западе не из газет, многолетние споры в КПСС закончились разрешением частной собственности (со всеми издержками типа заборов, преграждающих гражданам путь к водоемам). Вспомним ленинский НЭП «всерьез и надолго», напрасно его загубили и десятилетия мучились в дефиците. Загородные дома появились у многих людей, после тотальных мук, сотрясавших наше сельское хозяйство весь советский период, случилось возрождение, и даже начался экспорт зерна за границу. Запад с рвением ухватился за наш обширный рынок, испарился дефицит, предприятия иностранцев, испугавшихся санкций и исчезнувших из России после СВО, с успехом используются нашими соплеменниками. Тем не менее во всем был перехлест. В целом, наша перестройка в известной степени ассоциируется у меня с анекдотом о еврее, который решился на обрезание. После этого он явился к любимой супруге, и та с ужасом воскликнула: «Хаим, ты же хотел, чтоб тебя обрезали, но... чтобы так обкорнать!»

Теперь вернусь уже к собственным приключениям. Напомню непосвященным, что прошел путь в разведке КГБ от оперуполномоченного до начальника отдела, работал в Англии и Дании (резидентом). В 1980 году ушел в отставку, переквалифицировался в писателя и журналиста (Ильф и Петров: «Бывший полицейский Небаба стал музыкальным критиком»). Мой роман «И ад следовал за ним», публиковавшийся пятимиллионным «Огоньком» с осени 1990 года, восприняли в КГБ болезненно, и руководство комитета по указанию Крючкова официально объявило, что герой романа «держит в одной руке бутылку, а в другой — презерватив». За 25 лет работы в разведке я не встречал непьющих коллег, хотя не могу утверждать, что поголовно все изменяли женам и девушкам и были безгрешны, как Штирлиц.

Мой герой Алекс неидеален, но он яростный патриот России и ставит на карту свою жизнь во имя России. Более того, в романе ЦРУ и английская разведка выведены тупицами, а предатель Родины уничтожен Алексом. Так за что же меня причислили чуть ли не к врагам? За что?! Поразительно, но когда в 2014 году вышел дорогостоящий фильм Владимира Бортко «Душа шпиона», от его рекламы внезапно отвернулись все именитые продюсеры (не глас ли Божий?), и фильм быстро сошел и гуляет в Интернете. Так что, увы, в спецслужбах у меня плохая репутация. Тем не менее в 1991 году меня призвал в Ясенево начальник разведки Леонид Шебаршин в связи с просьбой моего «взглядовского» сына Саши сделать передачу о разведке. Меня он быстро прощупал, понял, что я не «ельцинский демократ» и не Бармалей, и одобрил инициативу сына. С тех пор мы дружили до его трагической смерти. Неоднократно он подчеркивал, что в тот момент передача «Взгляд» была спасительной для разведки (мне казалось это невероятным, но я был уже давно оторван от политики и погружен в писательство). В 90-е годы, прошедшие под знаком бабла, многие разведчики за деньги давали интервью (при этом никто не разглашал секретов). Я сам давал и организовывал интервью Шебаршину и зубру разведки, бывшему резиденту в США, генералу Б. Соломатину. Однажды меня, как ветерана разведки, пригласили на встречу с делегацией ЦРУ. Сидел я рядом с бывшим шефом русского отдела Мерфи, который держался снисходительно и фыркал по поводу выступления одного из руководителей ПГУ, умнейшего Сергея Кондрашева. Так что у меня опыт пенсионера и писателя, я только могу догадываться о том, что происходило в недрах разведки. Недавно бывший начальник информационной службы СВР генерал Леонид Решетников заявил по ТВ, что директор Секретной разведывательной службы

Англии (СИС) говорил ему: «Мы же указывали вам, куда идти!» Это похоже на правду, но я бы послал директора СИС на... Но тогда были другие времена и другой курс, а я все же советское дитя, не такое уж упрямое в своих суждениях, склонное меняться, но уже в преклонном возрасте. Поздно и зачем?

Кажется, в 1992 году я неожиданно был приглашен на книжную ярмарку в Иерусалиме (кроме меня там был Е. Евтушенко), там меня с женой поселили в шикарную гостиницу, окружили заботой и изучавшими меня американцами, среди которых была и представительница издательства «Пантеон», заключившая со мной контракт на упомянутый роман в 1993 году в Москве. Отметим, что авансом мне был предусмотрен большой куш (уж не с поддачи ли ЦРУ?).

Тут вдруг завопил Чеширский Кот:

— Живешь в шикарных гостиницах, купаешься в бабле, катаешься по Европам, а несчастный кот в твое отсутствие живет в прихожей на даче и кормится из рук приходящего соседа! Где справедливость?

— Отвечу на это словами из диалога Балаганова и Паниковского из Ильфа и Петрова: «Где справедливость, Михаил Самуэлевич?» — «Как говорил мой знакомый гинеколог, даже там ее нет!»

И потрясенный Кот умолк...

Самое интересное, что уже прекрасно переведенный роман так и не вышел на английском. Но кто же позволит в США изображать советского разведчика патриотом своей страны, а не предателем, а американские спецслужбы — тупицами? Не забывали меня и англичане. С помощью журналиста Криса Роббинса и писателя Джона ле Карре организовали мою поездку в Лондон для создания художественного фильма о холодной войне (проект, однако, лоп-

нул по финансовым причинам). С Джоном ле Карре мы подружились, встречались в Москве и Лондоне (я даже провел неделю в его доме в Корнуолле) и переписывались до его кончины. (Об этом прекрасном писателе — мое эссе в «Иностранной литературе», июль 2023.) Поскольку я в свое время курировал Кима Филби, а после его смерти дружил с его вдовой Руфой, меня постоянно осаждали английские журналисты. Отставной сотрудник ЦРУ посещал Руфу и меня, издал в Штатах книгу Руфы о Филби, включив туда и мой очерк о Киме. Довольно часто я общался с ныне покойным лордом Беттелом, связанным с СИС, последний даже однажды посетил сходку бывших сотрудников разведки, проходивших «курсы Филби» при нашем отделе разведки.

В 1994 году я получил приглашение в Джорджтаунский университет (важная кузница кадров для американской разведки) рядом с Вашингтоном и штабом ЦРУ в Лэнгли. Там я прочитал несколько лекций о перестройке, много вращался в кругах цэрэушников, которые вели себя вполне корректно, но доброжелательного отношения не было. Кстати, из своего жилища под Вашингтоном туда приехал и генерал Калугин, тогда еще не вставший на путь предательства. Конечно, ЦРУ не стоит недооценивать, однако мне не посчастливилось встретить среди цэрэушников и вообще среди американцев интересных личностей. Может, мне просто не везло. Или везло? После Джорджтауна я благополучно выступал с лекциями в Колумбийском и Гарвардском университетах. Тамошняя профессура меня разочаровала своими устаревшими взглядами, непониманием перестройки, состояла она в известной степени из еврейских выходцев из России. На моей лекции в Калифорнийском университете ко мне подкатился импозантный мужчина и, представившись как шеф отдела ФБР

в Калифорнии, спросил: «Полковник, а почему меня никто не поставил в известность о вашем приезде?» Я пожал плечами, но предположил, что меня за кордоном разрабатывало ЦРУ, которое, по-видимому, не склонно делиться информацией с ФБР. Впоследствии шеф отдела ФБР провел со мной достаточно нейтральное интервью в доме, где я жил по приглашению доброго американца, с которым познакомился на туристическом круизе в СССР. Правда, страж закона очень интересовался, почему сотрудники группы нашего военного атташе в консульстве предпочитают справлять нужду рядом с автострадой, а не в туалете при бензозаправках, но я из конспиративных соображений уклонился от этого вопроса и страшную тайну не выдал.

Мои впечатления от турне по США? Я люблю путешествовать, объездил массу стран и всегда только радуюсь этому. Специализировался по США в Институте международных отношений, писал курсовую по теме «Фашизация политического строя США» (как в воду глядел!), защищал диплом о советско-американском сотрудничестве в первый год войны. Добавим к этому 25 лет работы по «главному противнику» — США в советской разведке, а после отставки — чтение лекций и дискуссии с американскими туристами по линии «Общества знаний» и «Интуриста», а также постоянные встречи с иностранными журналистами, интервью нашему и западному ТВ. Понравился Нью-Йорк, хотя небоскребы я считаю уродцами XX века и пугаюсь их росту в Москве и иных городах. Восхищали меня, как любителя живописи, музеи Метрополитен и Национальная галерея искусства, вообще музеи в США на высоком уровне. В целом, мне ближе европейская культура. Правда, я обожаю Хемингуэя и посвятил ему целый цикл стихов.

...Как можно, как можно закончить так ложно?!
Без старости долгой, больной и бесплодной,
Где нет ни охоты, ни виски с содовой,
Где женщины — только предмет для толка,

И звезды сбиты, и нет корриды!
А самое страшное — строчки линяют,
Пустеет сердце и мысли бродят.
Ты клеишь, клянешь, кричишь, умоляешь!
Но нет! Ушло! Ни черта не выходит.

Рука — как медуза, и корчится муза!
Ну, музыка, выше! Нет, больше не выжить.
О леди Макóмбер, как правы вы пошло!
Ружье на ладонях сжигает мне кожу...

Это о его самоубийстве. Но дело пошло дальше. Для встречи с агентом в Швейцарии я выбрал кабак в Монтре из прекрасного рассказа Хема «Посвящается Швейцарии», сам побродил по перрону, как герой рассказа мистер Уилер, который никогда не рисковал. Итак, прощай, Америка! До свидания, ЦРУ! И не ошибся. Свидание состоялось. В начале сентября 2014 года совершенно неожиданно я был приглашен на конференцию в Париж американской организацией Esalen, связанной с Институтом гражданской дипломатии. Повестка дня «Холодная война II: Как разведка и медиа формируют общественное восприятие». Nota bene: конференция имела место после нашего возвращения Крыма в феврале того года — американцы уже тогда зачухались! Из российских граждан присутствовали генерал СВР в отставке Ю. Кобаладзе, тогда главред «Сноба» Н. Усков, В. Познер, остальных не знаю. Американский состав был впечатляющ: бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, кумир некоторых наших литераторов, ярый сторонник перестройки (разумеется, в американских интересах), Д. Маклафлин, бывший замдиректора ЦРУ и некоторое время даже и. о. директора,

еще несколько высокопоставленных цэрэушников и госдеповцев. Была там Нина Буис, бывший председатель фонда Сороса (зловредного и хитрого миллиардера) в России, переводчица стихов Евтушенко и моего романа «И ад...», так и не опубликованного на английском. Компашка что надо! Выступления не выходили за рамки общих фраз, зато напитки и закуски были отменными, да и пятизвездочный отель подобрали в самом центре Парижа. Я тоже выступил с весьма обтекаемой речью, пытался шутить и прочее бла-бла-бла. Однако имел неосторожность вякнуть, что русский капитализм окреп после 90-х годов и способен проводить свою самостоятельную политику. Блеснул вроде бы марксистским подходом, но, видимо, наступил на большую крымскую мозоль, ибо после этого отношение ко мне сменилось с холодно-вежливого на ледяное. Слава богу, вербовочных подходов не было даже у меня в голове. Хотя я помню свою бдительную голову в далекие английские годы, во время ночлега в загородном коттедже одного из лидеров лейбористов, во время войны шефа Службы психологической войны, блестящего профессора Дика Кроссмана. О, как я нервно дергался в постели его спальни и боялся, что вот-вот в нее запрыгнет соблазнительно голая англичанка...

Англичане меня и выгоняли из страны, и вербовали неоднократно, а вот американцы почему-то не тревожили. Правда, однажды в Москве мне позвонил цэрэушник Бейкер, которого я знал по Копенгагену как атташе посольства США, и пригласил на ленч. Там он поведал, что ушел из ЦРУ в оружейную фирму (ха-ха!), и просил меня связать его с управлением охраны ФСБ. Увы, все мои контакты в правоохранительных органах давным-давно испарились, и я никак не мог исполнить его желание. Тогда он, мило улыбаясь, предложил мне работу на его фирме в качестве советника. Возможно, кто-нибудь из наивных непосвященных и ухватился бы за

столь лестное предложение, но на нашем профессиональном языке это именуется вербовкой. Наверное, цэрэушник не знал, что старого зубра уже не раз пытались вербовать, да и сей «дружелюбный» акт под флагом оружейной фирмы лишний раз доказывал недостаточную компетентность почтенной организации.

Что на это сказать? Вторить юмористу Задорнову и молвить, что все американцы — тупицы? Или закончить на мажорной ноте известной песенкой: «Эх, Америка — это страна, / Где стреляют и пьют без закуски. / Что с ней будет, не знаю, потом. / Вся проблема лишь в том, что я русский!» «Гей, славяне!» — подпели, взревели разом чудесная Алиса и Чеширский Кот.

ГЛАВА О ТОМ,

как прекрасно жить в хороших отелях,

о непокорных Клодтовых конях,

о нашем Крыме и о смысле жизни

Когда-то мы были хозяева тут,
но все нам казалось не то:
и май не любили за то, что он труд,
и мир уж не помню за что.

Денис Новиков

Как прекрасно путешествовать и жить красиво! В разведке такое и не снилось. В Лондон тащились поездом с пересадкой в Варнемюнде, со своими тазами и кастрюлями, а не самолетом (режим экономии валюты), в командировках жили предельно скромно, экономили. Смешно, но ни разу не жил в классных отелях. И вот привалило счастье: Питер, «Гранд Отель Европа». Перо дрожит от восхищения. Сервис отзывчив, улыбчив, все пышет золотом*. Как истинный «совок», набиваю сумку шикарными отельными ручками и блокнотиками, жажду слямзить ложку для обуви, но боюсь подмочить свою репутацию. Радуют девушки, помогающие пенсионеру наладить суперкофемашину. Не украли мой зонт, забытый в лобби, портер не кланчит свой рупь, буравя взглядом. Не проверяют белье перед отъездом (в 80-е годы в суздальском мотеле уборщица попрекала жену пятнами на простынях — о сладкие греховные воспоминания!).

Мой друг, режиссер Владимир Бортко встречается в шикарном баре, где он снимал «Бандитский Петербург» (а потом фильм «Душа шпиона» по моему роману — уже в лон-

---

* Владимир Ленин: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира».

донских и парижских барах). Перемещаемся в ресторан, где давим бутылку новозеландского совиньон-блан. У зажженного камина кайфует публика в невзрачных куртках, пьют лишь кофе, зато у камина в гранд-отеле. Красиво пить не запретишь.

Впервые в Питер прибыл в конце шестидесятых честолюбивым капитаном в составе инспекторской группы для проверки работы первого отдела местного КГБ, занимавшегося разведкой. Приказ подписан начальником советской разведки Александром Сахаровским, кстати, работавшим в Ленинграде. Устроились в задрипанном номере на пару с неким старым храпуном, о минибарах и кофемашинах в то время не слышали. Ленинградцами мы всегда подпитывали наш англо-скандинавский отдел, особенно финское направление, их также охотно направляли на работу в представительство КГБ в Германской Демократической Республике, там, как известно, служил и ленинградец Владимир Путин. После отставки Питер я навещал часто, когда читал лекции о нашей стране американским туристам во время круизов, однако знаю город плохо. Запомнился визит к актеру Евгению Лебедеву, женатому на сестре Георгия Товстоногова, — разумеется, я прихватил свою нетленную пьесу. Георгий Александрович вышел из стены, как призрак отца Гамлета (две квартиры соединялись), без сюртука, в одном халате. Зашел светский разговор, великий режиссер прощупал уровень моей глупости: поговорил о новинках в «Новом мире», поинтересовался мнением о рассказе Ю. Нагибина об инвалидах-«обрубках» на острове Валаам*. Лебедев жарко читал свои стихи, умеренно пили сухое вино. Пьесу свою я сунул Лебедеву, думаю, ни-

---

* «„Вы читали рассказ Уэллса?“ — он сказал это так, как будто никто, кроме него и, может быть, мистера Уэллса, не читал этого рассказа» (Гилберт Честертон).

кто ее не прочитал. О муки драматурга в поисках театра! О мои изгрызенные локти! Не пишите пьесы, други, не обрекайте себя на страдания!

Санкт-Петербург прекрасен, не пройтись ли вновь по его дворцам? Проехать в Петергоф и Гатчину? Везде был, все испарилось из памяти, все на одно лицо. Версаль (боже, как носились по дворцу короли со своими ночными горшками до появления канализации!), Виндзор, попахивающий трауром, мрачный Эскориал — чур! чур! Уже не могу бродить по дворцам, а от музеев-квартир великих бегу в ужасе, как от стаи бешеных псов, — там бездушье, фальшь, имитация... Счастлив только в художественных галереях, туда хожу часто, стою подолгу у любимых картин, насыщаюсь музыкой цвета. Удивляюсь, как люди один раз в жизни прошли по Прадо и считают, что все там увидели! Вот сейчас вползаю в Русский музей, долго рассматриваю гениальные иконы, особенно рублевского Апостола Павла, «Сошествие во ад» Дионисия и Толгскую икону Божией матери. Хватит, больше не могу. Перенасыщение мозга и нервов. Хотел перейти в другое здание и порадоваться авангардисту Павлу Филонову, но голова и сердце устали, боюсь не воспринять. Поль Валери был покапризнее: он не ходил в музеи, если у него при входе отбирали трубку и трость. «Как вы ухитрились мгновенно осмотреть Третьяковку?» — «Вы же знаете, как я быстро хожу!»

Каждый задрюга со своими претензиями!

Самое время пофилософствовать. Вот что писал отец кибернетики Норберт Винер (похоже, он развивает мысль Чеширского Кота о том, что мы все разные и неповторимые): «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости.

<...> Подобно Красной Королеве, мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились. <...> Величайшая из всех побед — это возможность продолжить свое существование, знать, что ты существовал. <...> Это не поражение; скорее, это ощущение трагичности мира, в котором необходимость представлена как неизбежность исчезновения дифференциации». Где приятно философствовать? Разумеется, на курорте. Но на каком? Посоветоваться, куда поехать отдыхать, — сразу нажать врагов. Одним достаточно погреть пузо у любого моря, другим — подержать за щекой запасного червячка на рыбалке, третьим — грязи и источники, некоторым принципиально важно отдохнуть за границей, а потом многозначительно молвить, что в его любимом Херес-де-ла-Фронтера делают херес. Поехать в Крым при нынешней СВО — что в пекло кровавого боя попасть. У всех мемуары из разных времен: один мужик с болью вспоминал, как в пионерлагере в Евпатории его заставляли какать «орлом», — с тех пор он в Крым ни ногой. Родственник готов был заколотить нас в ящик, но не выпустить на съедение хохлацким ракетам и коронавирусу, видимо, представлял все тяготы, связанные с транспортировкой трупов в столицу. Наткнулся я на острую политическую оппозицию в лице милой дамы, заклеившей мой въезд на «оккупированную территорию».

Автострада великолепна, но по мере движения становится скучно и грустно, и некому ни руку подать, ни морду набить. Летят однообразные заправки и мотели — вот и вся радость жизни. Архитектурный беспредел, явившийся во всю Россию под знаменем свободы и демократии (повод причислить меня к мракобесам, как воинствующий критик Белинский обскуранта Гоголя). Приближение к Крымскому мосту ознаменовалось радостным сердцебиением, пейзаж

становился все живописнее, мелькнули мотель, «жигули» с обнадеживающим лозунгом «Сдаем жилье». Вот и мост! В душе моей грянул оркестр, казалось, что я лично освободил весь Крым от немецких оккупантов или поговорил с президентом. Но тут нас вынесло на автостраду «Таврида», по ней мы пролетели до Алушты за какие-то час сорок пять, а ведь пересекли почти весь Крым! Спа-отель «Море». Просторное фойе. В освещенной регистратуре виднелись маски, оказавшиеся улыбчивыми девушками. Я протянул паспорта и ваучер, повернул голову и вдруг увидел... головы мертвецов, сверлящие меня безжизненными глазами. Они оказались изящными изваяниями, сделанными на основе археологических раскопок в России. На постаментах по всему фойе стояли русские князья и монгольские ханы, неандертальцы, воины в кольчуге. А дальше герой Крыма, адмирал Федор Ушаков, воспетый Толстым Хаджи-Мурат, и, конечно, Ее Императорское Величество Екатерина Алексеевна, отвоевавшая Крым у турок. Но вот абстрактная, длинноволосая Афродита в пене, наконец, огромный блестящий металлический робот с ребенком на руках (он напомнил старому дзержинцу о Железном Феликсе, опекавшем беспризорников во время русской разрухи).

Утро дохнуло бризами и муссонами, внизу простиралось море, наверху сияли приветливые звезды. В семь утра я слетал на пляж, где уже гужевалось несколько ранних энтузиастов, мускулистый спасатель выдал полотенце, притаранил лежак и зонт, солнце еще не палило, и я вошел в воды. Предварительно натянул купальные туфли (эх, старче, бывало, носился по гальке, как веселый заяц!). Вода идеальная, понырял, прополоскал горло и нос, поплавал, даже забыл, что два года назад в Коктебеле точно так же радовался морю, а потом оказалось, что там отсутствуют очистные сооружения и вокруг дерьмо. Но меня это не сму-

щало — утешал приют муз Максимилиана Волошина и фестиваль поэзии под водительством поэта и культуртрегера Андрея Коровина.

Алуштинский спа расположен в хвойном парке на горном склоне. Несколько корпусов с разными номерами, включая двухэтажные, открытый и закрытый бассейны, рестораны и даже небольшая часовня для верующих. Садимся в электромобиль (подобное видел лишь в тайском отеле в израильском Эйлате) и катим вверх-вниз по аллеям мимо спортзала и клиники для жаждущих и страждущих. Высаживаемся у ресторана близ бассейна, вокруг уже плещутся мамы и дети, не буду врать: орут! И хочется треснуть по заднице! Устраиваемся под развесистым деревом, в меню осьминог, рибай-стейки, сибас, креветки, в общем, весь джентльменский набор столичного пижона, и цены, не буду скрывать, московские. Но, прежде чем выпить крымского вина, хочу воздать должное размаху и художественному вкусу предпринимателей и строителей в Крыму! Что греха таить, любим мы катить на богатых тридцать бочек арестантов, но если все российские капиталисты пойдут по этому пути, то Россию ждет великое будущее. Но вот и сомелье с меню, это уже серьезно. Признаюсь, что я давний винодуй, хотя не брезгую виски и порой люблю рвануть водяры. Чем дольше пью вино, тем меньше в нем разбираюсь. Обожаю пьяницу Омара Хайяма: «Вино ведь — мира кровь, а мир — наш кровопийца, / Так как же нам не пить кровь кровного врага?» Вино тянет на сравнения. Пршлые два года мы по две недели радовались прелестям итальянского острова Искья, цены здесь и там одинаковые. Итальянцы в нашем отеле галдели, как стая гусей, грудились вокруг скромного бассейна, к морю выползали лишь одиночки. Свой пляж у отеля отсутствовал, переодевались (прикрыв срам) и купались у прибрежной забегаловки. Вер-

немся в Крым. У него один враг — наступление цивилизации на природу, беспорядочная застройка. В Италии это уже давно чувствуется по заоблачному потоку туристов, отравляющих и природу, и собственное любование красотой. Уже не хочется затянуть «Вернись в Сорренто» и туда вернуться — все заасфальтировано и отретушировано. В Алуште пока еще не появилась улица с модными бутылками, но великолепна набережная с киосками и забегаловками, торгуют шашлыками и чебуреками, супами, фруктами и охлажденным соком. На пешеходке царит обычная кутерьма: мужики с гитарами и аккордеонами, поющие девицы в купальниках, хихикающие парни на скамьях. Разумеется, Карабас-Барабас и королева Виктория со шляпами для денег, застывшие статуи, просто бульвар Рамблас в Барселоне! Повсюду страстные пары, эх, эдак лет шестьдесят назад я тоже, приняв на грудь пару стаканов алжирского вина из цистерны (вам, нынешним, этого не понять!), сам волочился за юбками по ялтинской набережной. Заигрывал, спрашивал, который час, а они, стервы, гигикали в ответ...

Недавно одна известная журналистка мечтала слинять из ненавистного Крыма, ибо рядом на пляже некий мужлан уплетал свой борщ. Понимаю аристократку, бесспорно, ей по душе собственная вилла в Сардинии с лакеями...

Металлическая скульптура человека-терминатора у входа в отель «Море», ее обнюхивает и обстукивает костяшкой пальца какой-то шибко любознательный отдыхающий, сейчас начнет пробовать на зуб.

Это наша родина, сынок!

На каком еще Лазурном берегу вы встречали «Ведро Алушты» — два пива и ведро барабульки — 1050 рублей? Или — словно кинжалом в сердце: 12 барабуль, 12 ставрид и 6 бычков — 850 рублей?

Такого нигде в мире не встретишь! От безделья приходят вредные мысли: почему у нас в стране такая тяга к нелепой иностранщине? Но тут же радуют глаз и желудок забега-ловки «Петрушка» и «Лопай-Топай», где можно славно поло-пать, а потом потопать. Почти отсутствуют полуграмотные вывески, отравляющие жизнь в лучезарной Москве, где даже дешевые ресторашки и кальянные не обходятся без невнятной латыни. Скоро, наверное, в мэрии и прави-тельстве будут мяукать «вау!», подобно некоторым соблаз-нительным теледивам и диким индейцам...

В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет, —

писал Борис Пастернак*. В детстве мы собирали на пляже камушки, иногда засыпали под шум волн, готовили на кострике уху и даже ночевали с девушками.

Это наша родина, сынок!

Можно вообще жить на яхте и бороздить море (стои-мость чуть больше отельной), можно рвануть в княжество Феодоро или в Херсонес — на место крещения князя Влади-мира, можно пешедралом на Великий Чатыр-Даг или на лестницу Шайтан-Мердвен. Но забурлил живот, кухня тут отменная, санаторной столовкой не пахнет. Собираюсь сожрать тайский суп и индюшку в соусе бешамель.

Это наша родина, сынок!

Крым. Балаклава. Тут произошло одно из важных собы-тий Крымской войны 1853–1856 гг. — Балаклавская битва,

---

* «Парижанин проживает и торгует иногда в Париже всю жизнь и не видит моря. Для чего ему видеть море? он и сам не знает, но он желает усиленно, чувствительно, откладывает поездку с году на год...» (*Федор Достоевский*).

в которой погибла легкая бригада английской кавалерии. Памятник павшим врагам в целости и сохранности, тут бывали и Черчилль, и принц Филипп, и принц Чарльз, ныне король Карл III, и многие другие видные англичане. Россия всегда была великодушной, мы не уподобляемся некоторым польским, прибалтийским и прочим безмозглым вандалам, взрывающим памятники освободителям от фашистского ига.

И это наша родина, сынок!

Я приезжаю в Крым каждый год, и он набирает силу, развивается и хорошеет с каждым днем. Жилье — на любой кошелек, на каждом углу торговля барабулькой и другой рыбой, для гурманов — устричные фермы, в ресторанах научились вкусно готовить местные мидии, появилось сухое вино, готовое соперничать с европейскими изысками. Жил в красивейшем Гурзуфе, рядом — мраморная набережная и освоенные пляжи, налаженная торговля сувенирами, сделанными руками крымских татар, в ресторанах подают украинский борщ с салом, красным крымским лучком и пампушками — мы же не некоторые украинские психопаты, отвергающие все русское. Тут веселился Пушкин с братьями Раевскими, героями Отечественной войны 1812 года!

Это наша родина, сынок!

Ехал на машине и сделал открытие: известный тезис о том, что Россия отличается плохими дорогами и дураками, основательно устарел: трасса М-4 от Москвы до Крыма, Крымский мост и дороги в Крыму не уступают Европе; правда, дураки остались и пока не превратились в умников и умниц.

Да, после 1991 года мы пережили трудный период эйфории. Кто-то решил, что врагов мы придумываем сами, что Запад нас любит и обожает, да тут еще открылись границы,

и мы, наслаждаясь Венецией и турецкими пляжами, проморгали распад Советского Союза. Неужели было невозможно сохранить и преобразовать нашу страну, а не отдавать ее на откуп властолюбцам?

Советская, а потом российская разведка постоянно предупреждала руководство страны о многочисленных планах расчленения нашей родины, мы своими глазами видели секретные документы Пентагона и НАТО на эту тему. Внешняя разведка всегда активно боролась с украинским национализмом, ликвидировала его лидеров Коновальца, Бандеру, Шухевича и многих других. После войны украинские нацики стали верными агентами западных разведок и активно забрасывались на территорию СССР и наших союзников в Восточной Европе с диверсионными целями. Оценивая разведку, следует помнить, что это военная организация, а не балет Большого театра, поэтому ее долг — свято исполнять указания политического руководства. Руководство может и не принять во внимание советов разведки — так вышло с довоенной информацией для Иосифа Сталина. Наша разведка постоянно предупреждала Михаила Горбачева и его команду о последствиях поспешного объединения ГДР и ФРГ и декоммунизации в странах Восточной Европы — как известно, все наши бывшие друзья и союзники перебежали в НАТО. Однако политическая линия превалировала, рекомендации разведки не учитывались. Последний шеф советской разведки Леонид Шебаршин оказался мастером афоризмов, не уступающим маркизу Ларошфуко*. Вырос в бедной семье в хули-

---

* Шефы разведки редко пишут мемуары, а если пишут, то смакуют собственные заслуги перед своим народом и всем миром. Живописны мемуары «Лабиринт» Вальтера Шелленберга, начальника внешней разведки службы безопасности германского рейха: «Всякий раз, когда я был в командировках за границей, мне постоянно приказывали вставить искусственный зуб, кото-

ганском районе Марьино роща, его отец, участник войны и пьющий инвалид, член ВКП(б) с 1931 года, как-то еретически молвил о вожде народов: «Этот армяшка еще натворит бед» (ничуть не хуже, чем Бисмарк о Марксе: «От этого бухгалтера еще заплачет вся Европа!»). После ухода в отставку — своего рода дерзкого вызова «разрушителю КГБ» В. Бакатину, вторгся в хрупкие литературные сферы своими «Хроникой безвременья» и «Афоризмами», но кто из начальников разведки и начальников вообще описывал свою незавидную старость? Кто нарушал традиционную конспиративность «видимых бойцов невидимого фронта» (дефиниция Шебаршина). «Дачный домик, лужа у крыльца, струйки воды, срывающиеся с крыши, постукивали по подоконнику, в темноте что-то постанывало, тихонько-тихонько и жалобно». Домовой? Тени? Мыши? Генерал, или Старик (так и попахивает Хемингуэем и Маркесом), топит печку, размышляет о жизни и славе, пьет крепкий дарджилингский чай. Власть упорхнула из рук, исчезло много друзей, остались старость и одиночество. «Утром он проснулся в слезах и не мог вспомнить причины». Главная героиня книги, наверное, собачка Ксю-Ша, его бессловесный дружок на даче, невольно вспоминается бунинское: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить!» Но Старик-Генерал не был бы начальником разведки, если бы в свою грустную исповедь не вплел бы разноцветным пунктиром воспоминания прежних дней. Порой звучит ирония: «Бумаги писались лаконично. Получи Служба Генерала достоверные данные о приближающемся конце света, она

рый содержал достаточно яда, чтобы убить меня в течение тридцати секунд, если я буду схвачен врагом. Чтобы быть уверенным вдвойне, я носил перстень с печаткой, в котором под большим синим камнем была спрятана золотая капсула с цианидом». Ну и ахинея, рассчитанная на читателя-дурака! В нашей разведке о таком и не слышали.

и их изложила бы не более чем на трех листах. Это правило — не более трех страниц — ввел еще Андропов, хорошо знавший умственные способности высших сфер». Старик не против Горбачева и перестройки, но активно сопротивляется методам претворения ее в жизнь, даже сознается, что «морочил головы десяткам своих сослуживцев и единомышленников» по проблемам прибалтийских республик, говоря, что «новые законы сделают пребывание республик в составе Советского Союза неотразимо для них привлекательным». Такие признания подкупают своей беспощадной искренностью, последней у Шебаршина в избытке, и он даже вспоминает, как на охоте собственноручно задушил уточку-подранка. «Воистину, не было ни одного десятилетия, когда русскому человеку было бы скучно жить. Не было и такого, чтобы ему приходилось жить сытно и спокойно». Или: «Время неумолимо. Канет в прошлое и нынешняя Третья великая русская смута с ее неразберихой, разрухой, временными вождями и вековечными проблемами, с ее кровопролитными войнами, катастрофами, путчами и заговорами». Или: «Демократия могла бы выжить, если бы не демократы». «Каждый народ имеет тех шизофреников, которых заслуживает».

Снова в Петербурге. «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Ленинградская блокада. Статистика погибших менялась от 600 тыс. до миллионов.

— Это ужасно! — вмешалась Алиса. — Во время бомбежек фашистами города Ковентри у нас тоже погибло 1236 англичан, а всего за всю Вторую мировую войну наши военные потери составили аж 380 тысяч!

— У нас тоже была великая осада Мальты, — встрял Кот. — Еще при ордене госпитальеров. Но во Вторую мировую Мальта стала центром противодействия германских и союзнических сил, немцы тоже бомбардировали и бло-

кировали Мальту, погибло почти полторы тысячи мальтийцев... — и Кот заплакал.

Я тоже пустил слезу в знак солидарности. Однако в ушах звенели слова Галича: «О доколе, доколе, / И не здесь, а везде / Будут Клодтовы кони / Подчиняться узде?!» Полторы тысячи и полтора миллиона — это не одно и то же. От голода ели трупы родственников, которых не успели захоронить. Это невозможно представить, но это НАША война. У Константина Симонова:

Пусть исплчется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей.

Это не развесистая клюква американских блокбастеров с «героями-победителями», спасающими рядового Райана, это голод, это судороги смерти. Это война немых русских, а не отмытых западников с маркитантками и запасом виски в обозе. Это война до скрежета зубного, когда в Москве минировали Кремль и Большой театр, и подорвали бы все к чертовой матери, если бы фрицы вошли в столицу — разве не так палили свою родную Москву наши предки в 1812 году?

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!
<...>
Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Читаю послание Чеширского Кота, адресованное мне лично. Как обычно, предельно наглое:

«Это Алгарве, Хоттабыч, южная провинция Португалии, в Средние века эти берега считали концом света, и живу я, елки-палки, не где-нибудь в норе, а в великолепном „Шератоне“, правда, только пару дней, на большой срок не хватило бабок. С пляжа поднимаюсь на лифте и медленно прохожу по подстриженным лужайкам, под огромными шапками мохнатых пихт, шагаю в свой просторный номер и тщательно готовлю себя к завтраку. Приезжай сюда, Хоттабыч, ты ведь любишь путешествовать. Спасибо Горбачеву и Ельцину, иначе никогда тебе бы не вырваться за просторы родины чудесной. А тут уже с утра по травке важно бродят павлины (вот бы их ради хохмы общипать и поджарить, ты когда-нибудь это пробовал?), а на террасе разложен шведский стол: среди рольмопсов (вымоченная селедочка на палочках, ее обожают фрицы) и прочего — нежные куски малосольной семги и *astí spumante* в серебряных ведрышках со льдом, которое у нас на родине считается шампанским. Опохмеляюсь и думаю, что ты уже проснулся и принял какого-нибудь дерьма. Поскольку, Хоттабыч, тебя выперли из седьмого класса за неуспеваемость и систематические прогулы, ты, скорее всего, и не представляешь, где она, эта божественная Португалия, названная небезызвестным лордом Байроном „земным Эдемом“, то бишь раем. Думаешь, недалеко от Таиланда, где ты иногда ударяешь по девочкам и заодно закупаешь барахло для перепродажи в России? Нет, старикан, гораздо ближе, всего пять часов лету. Не ленись, выслушай кое-что об этом удивительном уголке нашей, как говорят, многострадальной, а на самом деле — веселой планеты. А ведь туризм и рай для путешественников начались с эпохи Великих географических открытий, и Португалия была первой страной в мире, проложившей кровавую доро-

гу в Америку, Африку, Азию, Индию. Генрих Мореплаватель основал школу навигаторов, из которой вышли Колумб, потом перешедший на службу к испанскому королю, Васко да Гама, впервые проплывший до Индии и обратно, Магеллан, окончательно доказавший, что Земля круглая. Не впадай в отчаяние, товарищ Хоттабыч, конечно же, она плоская! Допиваю шампанское и иду осматривать гольфовые площадки, ибо гольф — это культ в Алгарве, и на аккуратно подстриженные гольфовые площадки съезжаются игроки со всего мира. Представляю тебя в затрапезном динамовском костюме с начесом и с клюшкой в руке. Не пустят, брат! Нельзя играть в гольф даже в рубашке без воротничка, в теннисных шортах или кроссовках. Все — сугубо специальное, клюшки возят на тележках и не дай бог повредить ямки на поле! Запрещено в этом районе играть в карты и пьянствовать, запрещено входить в воду в брюках и ботинках, только в резиновых штанах. Но где их купить Чеширскому Коту? Знаешь, почему Португалия близка русскому сердцу, Хоттабыч? Во-первых, вы, русские, еще ее не наводнили, как саранча, это не Турция. Во-вторых, страна, как и мы, не шибко богатая, и люди поэтому лучше. В-третьих, у нас с португальцами имперское прошлое и, возможно, такое же будущее. Утром спустился к океану. Уже на водных процедурах было несколько человек, и все — русские. Это прекрасно, все-таки со времен варягов и Рюрика неистребима у вас любовь к воде, и все потому, что предки ваши жили на реках, создавая свои княжества. Океан, рыжие скалы, „мерседес“ с российскими номерами, русское святое семейство. Мама: „Если ты не съешь этот бутерброд, то я не намажу тебе другой!“ Папа не глядел, как я, на горизонты, а смотрел в землю, утопая в собственной мрачности. И я подумал тогда, дружище Хоттабыч: как мы не умеем наслаждаться жизнью! Ведь это огромное искусство, а мы проходим мимо всех пре-

лестей бытия, делаем деньги, благоустройстваемся и только в старости понимаем, что попросту не жили. Вот кот Гоша поехал недавно на курорт на Канары, так он из номера не вылезал, бухал до посинения, словно у него в Мытищах сухой закон. Или кошка из Питера целый день провела в магазинах Лиссабона, ничего нужного не нашла, вернулась злая как собака, заявив, что больше не ступит ее нога в Португалию. Дорогой Хоттабыч, мы сами губим свою жизнь, сводя ее к суровому быту, мытью посуды и белья, пустословию и пьянкам. Прекрасное рядом, черт побери! Оно в искусстве и литературе, в любимой работе, в природе, в путешествиях, в любви, наконец! Кстати, Алиса отдыхает со мной. Искренне твой, кот Чешик».

Я брожу по берегу и рассматриваю камешки.

«Что тебе привезти?» — «Привези мне камешек, обыкновенный морской камешек, каких много на берегу...» — «Какой?» — «Какой тебе понравится». — «И все же какой?» — «Он сам посмотрит на тебя, его и бери!»

И вот брожу я по крымскому берегу, жмурюсь от ослепительного солнца, смотрю на рыжие, подернутые сединой холмы, всматриваюсь в чистейший песок, но оттуда на меня ничего не глядит.

Мое перо тоже устало бродить по страницам, устало крутить текстом, как крутит хвостом Чеширский Кот. Мы прогулялись по моей бесконечности, по моей ностальгии, по моей жизни. Кое-кто считает жизнь счастливой и прямой, как Невский проспект. Кража — это удар, развод — выстрел в сердце, понижение по службе — апокалипсис, отвержение статьи или фильма — нарушение прав человека. И во всем виноват кто-то, чаще всего власть. В оппозицию! На баррикады! А ведь жизненный путь — это прохождение человека между духом и плотью, между жизнью и смертью, это вечное движение в бесконечность.

А я все брожу по крымскому берегу и рассматриваю камешки.

В голове крутится длинная, ох, какая длинная кинолента.

Вид из жалкой каморки с раскладушками на храм Воскресения Христова, где Гроб Господень и Голгофа. Владелец сего жилища, раввин Абрам, помог с чемоданами.

Эйлат. Воркуют девицы из отряда олигарха М. Прохорова, правда, им запрещено близко общаться с мужчинами без санкции шефа.

Авто уперлось в обветшалое здание, на террасе лысый португалец в завитых усах колдовал над рюмкой порта. «Где же этот знаменитый „Отель изгнания?“» — спросил я. «Здесь», — ответил хозяин, с неохотой оторвавшись от рюмки. «А почему нет никакой вывески?» — «Сюда приезжают поэты и художники, их сердце само находит сюда дорогу».

Я все иду и иду, но ни один камешек не улыбается мне. Возродится ли Россия?

Поэт Игорь Волгин:

Восходит красная луна
над чудью, нелюдью и мерью.
Прощай, великая страна,
ушедшая, не хлопнув дверью.
Мы вновь свободой горим
в предвесье радостных событий.
Прощай, немытый Третий Рим —
уже четвертому не быти.

Дерзну ответить:

Хоть не свободой горим
И не сердца для чести живы,
Еще восстанет из руин
Наш неумытый Третий Рим —
Души прекрасные порывы.

Отель на Пикадилли. Почтительный швейцар: «Извините, полковник, вы забыли зонт, собирается дождь!» Радостно от вежливого обращения, вроде как «Ваше Величество». «Крутятся, люблю я скудно то, что ненавижу».

Палатка, складной столик, керосинка. Берег Балтийского моря. Я, Таня, Саша. Сыновий пес Джек отлучился погулять и влез в дерьмо. Одурачивший запах от Джека, влезшего в палатку.

Копенгаген. Замерзшее озеро в Люнбю. Вытаскиваю из воды утопающего коллегу Героя Советского Союза Михаила Федосеева, провалившегося под лед. Позднее отогреваемся водкой вусмерть.

Буэнос-Айрес. Страстно танцую на улице аргентинское танго с местной красоткой. Супруга сдержанно ревнует.

Почему ни один камешек не улыбается? Почему они такие скучные? Как они похожи на некоторых людей! Как их развеселить?

Таиланд. Шаловливая обезьяна срывает с меня панаму. Жена Татьяна надменно улыбается со спины слона.

Ничто никогда не кончается.

И вот я вышел на прогулку по набережной, уставленной яхтами, и он на меня посмотрел. Это был круглый, беловатый камешек, и увидел я его не на берегу, а на прилавке с сувенирами. На нем была нарисована недовольная черепашка и написано: «Переверни меня!» Я перевернул, черепашка уже мило улыбалась: «О, так гораздо лучше!»

И мир опять предстал странным, закутанным в цветной туман!

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава о том, как благотворны гуляния с русским историком Николаем Карамзиным, о загадках национального характера и нравов, почему не все англичане рыжие, а Бармаглот — не Брандашмыг	13
Глава о том, что на Западе не меньше жулья, чем в России, и в тюрьмы там сажают невинных агнцев, и даже могут обчистить как липку	33
Глава о том, как нелегко быть королем и принцем, если народ обожает монархию, и о том, что fish and chips вкуснее фазанов в перепелином соусе	47
Глава о том, что Париж всегда Париж, если есть порох в пороховницах, удалая красotka, бочка сабли и тарелка лукового супа	59
Глава о том, как два заклятых врага-разведчика стали загадочными союзниками, и о том, насколько реальны слова Шекспира «немного больше, чем родственник, немного меньше, чем друг»	71
Глава о том, как приятно чувствовать себя благодетелем и жертвовать на дела церковные, о прелестях дружеских пародий и шпионской абракадабры	91
Глава о том, как мне заморочила голову чудесная Алиса, о безобразиях на Бреге Лазурном и о том, почему опасно пьянствовать в Монте-Карло и вообще пить	115
Глава о том, как можно проветриться в Испании, не пронзив пикой несчастных быков, научиться наливать по носу в рот вино из бурдюка и превратиться в мачо	131

Глава о том, как загадочно звонят в колокольчики швейцарские коровы, искусно орудуют шпионы и торгуют через колючую проволоку ямайские негры	145
Глава о том, как превратиться в мексиканского мачо, смело целовать мертвецов и не погибнуть от пули великого художника, испив текилы	173
Глава о том, как прекрасно отдать прекрасную жизнь борьбе с главным противником — США — и наконец на пенсии посетить страну и читать лекции врагам	193
Глава о том, как приятно прогуляться по Виндзору, порадоваться, что не учился в Итоне, измять Раннимидские луга, поклониться Шекспиру и воронам Тауэра	211
Глава печальная, полная «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»	239
Глава о том, как прекрасно жить в хороших отелях, о непокорных Клодтовых конях, о нашем Крыме и о смысле жизни	255

Литературно-художественное издание

Любимов Михаил Петрович
ГУЛЯНИЯ С ЧУДЕСНОЙ АЛИСОЙ

Ответственный редактор *А. Поташева*
Художественный редактор *А. Яковлев*
Корректор *Т. Антонова*

Оригинал-макет книги подготовлен
ИП Кривенко С. В.

Подписано в печать 25.08.2023.
Формат издания 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 17,4.

Издательство «Пальмира».
197183, Санкт-Петербург, Сестрорецкая ул., д. 8, лит. А, пом. 19-Н.

Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

